

63.3(253.3)

К 0-95

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОДЫ

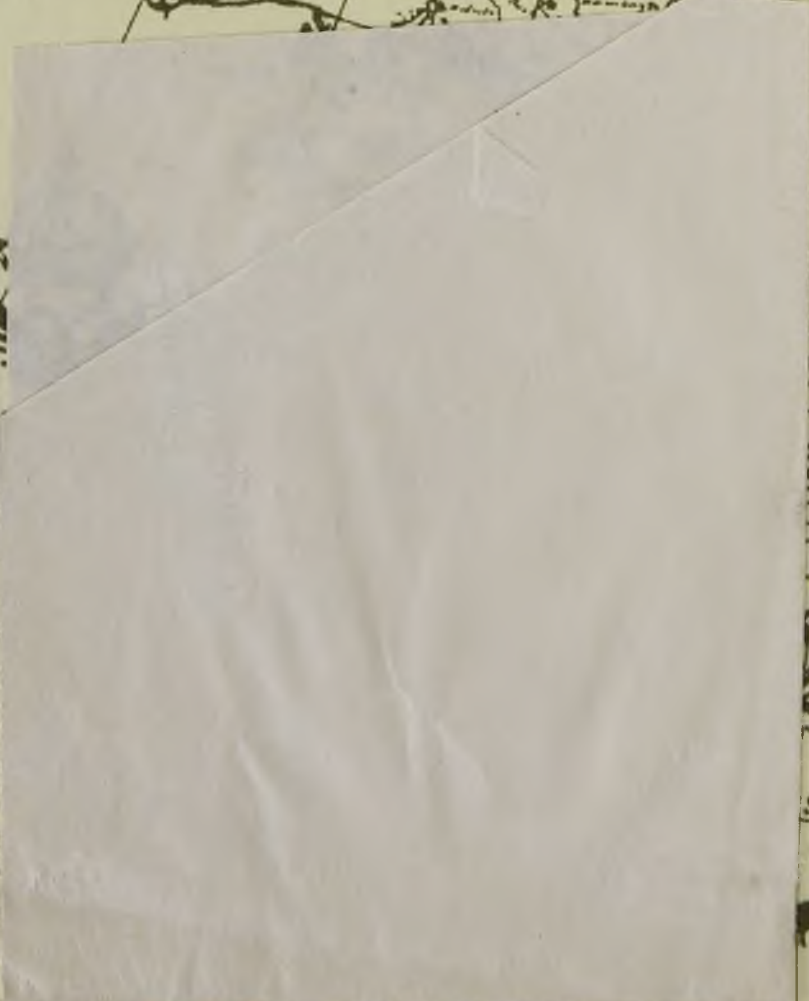
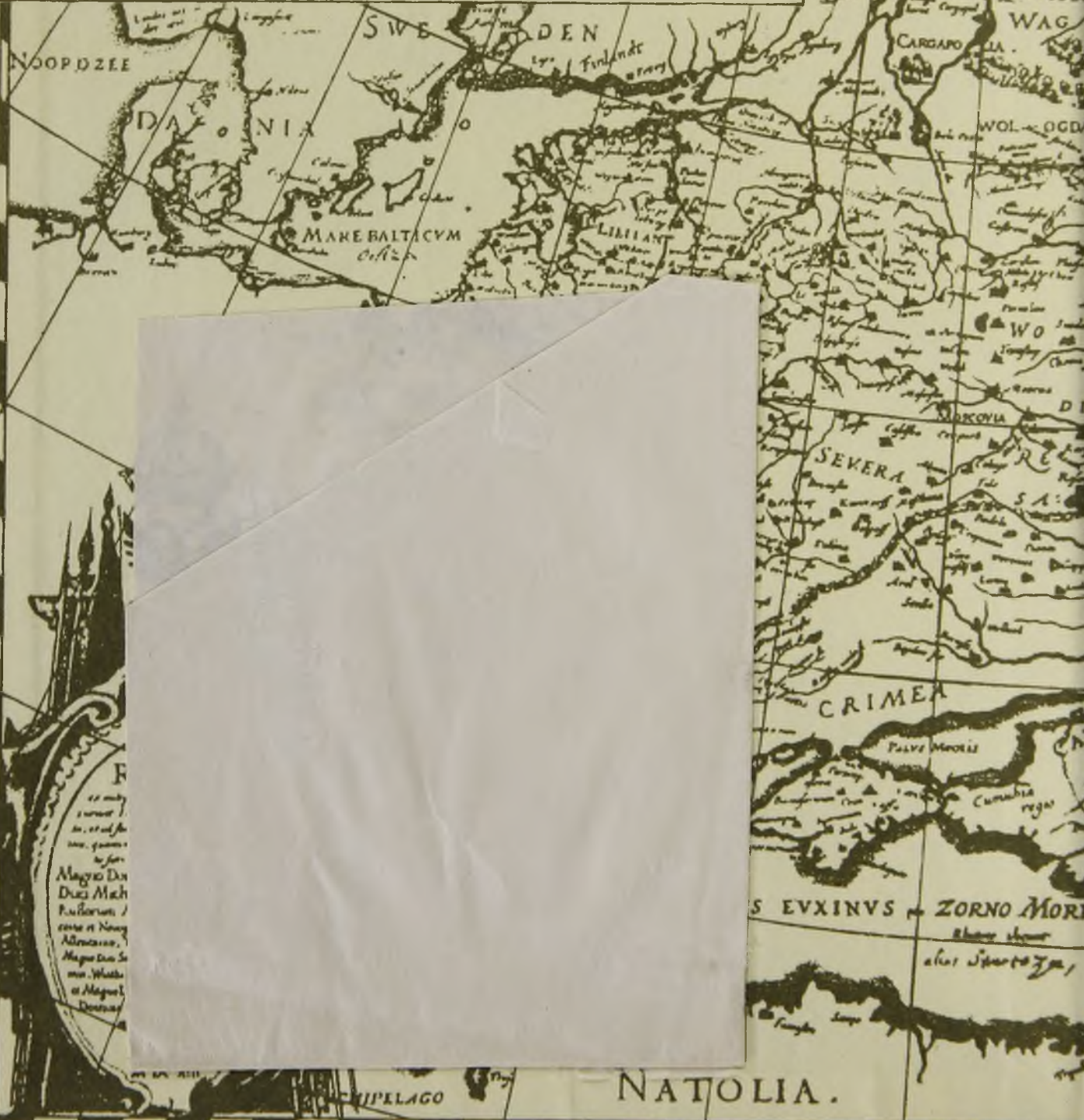

4+

- A. in cantina parva. Sala Imperatorum
- B. Maus. parva. ubi. caesa
- D. S. Petrus. ubi. caesa
- C. S. Petrus. ubi. caesa
- E. S. Petrus. ubi. caesa
- Ubi. caesa
- a. Curia
- b. S. Petrus. ubi. caesa
- c. S. Petrus. ubi. caesa
- d. S. Petrus. ubi. caesa
- e. S. Petrus. ubi. caesa
- f. S. Petrus. ubi. caesa
- g. S. Petrus. ubi. caesa
- h. S. Petrus. ubi. caesa
- i. S. Petrus. ubi. caesa
- k. S. Petrus. ubi. caesa
- l. S. Petrus. ubi. caesa
- m. S. Petrus. ubi. caesa
- n. S. Petrus. ubi. caesa
- o. S. Petrus. ubi. caesa
- p. S. Petrus. ubi. caesa
- q. S. Petrus. ubi. caesa
- r. S. Petrus. ubi. caesa
- s. S. Petrus. ubi. caesa
- t. S. Petrus. ubi. caesa
- u. S. Petrus. ubi. caesa
- v. S. Petrus. ubi. caesa
- w. S. Petrus. ubi. caesa
- x. S. Petrus. ubi. caesa
- y. S. Petrus. ubi. caesa
- z. S. Petrus. ubi. caesa

MOSCVA
ad Archiepiscopum Theodosium

F
Magno Duc
Duce Mich
Pulcherrimo
causa et Nauis
Altraciano,
Magno Duc Se
mon. Whita
et Magno
Duce

NATOLIA.

Администрация Ханты-Мансийского автономного округа
Уральский государственный университет
Научно-производственное
многопрофильное предприятие "ВОЛОТ"

О Ч Е Р К И И С Т О Р И И К О Д Ы

"ВОЛОТ" ЕКАТЕРИНБУРГ, 1995- 49322-3

В Д А Р

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

КО

63.3(255.3)

К 095

МВЛ + МВК

Книга, написанная к 65-летию Ханты-Мансийского автономного округа, включает в себя очерки по истории Кодской земли и охватывает время от появления в Нижнем Приобье людей каменного века до ликвидации в 1930 году старейшего в крае Кондинского Троицкого монастыря. Она является продолжением серии книг по древней, средневековой и современной истории Тюменского Севера, издаваемых Научно-производственным многопрофильным предприятием "Волот".

Научно-популярное издание ориентировано как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей края.

Общественная редакция:

А.К.КИПРИЯНОВ

А.К.МИШУНИН

С.В.САЖАЕВ

Авторский коллектив:

В.М.МОРОЗОВ

С.Г.ПАРХИМОВИЧ

А.Т.ШАШКОВ

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор Н.А. Миненко

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Перепечатка публикуемых материалов допускается только с разрешения авторов.

ISBN 5-89088-001-2

© Администрация Ханты-Мансийского автономного округа, 1995.

© НПМП "Волот", 1995.

© Авторский коллектив, 1995.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Если бы я была “богом” в образовании,
то сейчас же приступила бы...
к изучению края, его людей...*

*Из письма нижевартовской
учительницы О. Майоровой
в редакцию журнала “Югра”*

Эти очерки — об истории древней Кодской земли, о таежном крае, раскинувшемся в бассейне нижнего течения великой сибирской реки Оби от устья Иртыша до северной Обдории, о людях, населявших ее с изначальных времен — охотниках и рыбаках, металлургах и гончарах, строителях и воинах, о русских людях, пришедших сюда позднее, о старинном монастыре, вознесшем свои золоченые кресты и купола над высоким обским берегом...

Коренные жители этих мест именуют себя ханты и манси. Этноним “ханты” произошел, как считают ученые, от финно-угорского корня **конт** “род, большая семья, общность”. Другая часть обских угров, назвав себя манси, тем самым пыталась выделиться среди “глухих” и “немых” соседей (слово манси означает “говорящий человек”).

Еще в первые века нашей эры часть населения Приобья преодолела Уральские горы и проникла в лесные и тундровые пространства реки Печоры, добравшись даже до верховьев Вычегды и Камы. Именно здесь познакомились с выходцами из нижеобской тайги новгородцы, называвшие эти племена югрой или югричами (славянское слово **югра** или **угра** происходит, в свою очередь, от болгарско-тюркского **оногур** “союз племен”). Впоследствии и страну в низовьях Оби, откуда пришли и куда вновь вернулись югричи, русские источники также будут называть Югорской землей.

Получая сведения об обских уграх от татар и коми-зырян, русские переняли у них и новые этнонимы: ханты стали называться остяками

(это слово заимствовано из тюркского языка; слово **уштяк** означало у татар что-то вроде варвара), а манси — вогулами или вогуличами (так коми-зыряне звали манси, живших по реке Вогулке, левому притоку Оби; сам же гидроним произошел от угорского корня, означавшего “плес, прямой участок течения реки между двумя поворотами”).

О Нижнем Приобье писали не раз и археологи, и историки, и этнографы, и лингвисты. Внесли также свою лепту в общую копилку знаний об этой земле журналисты и краеведы. Следовательно, может возникнуть вопрос: а нужна ли еще одна книга, в частности та, что лежит перед вами, уважаемые читатели? Смеем надеяться, что нужна. Для доказательства этого нет смысла повторять высокие слова о необходимости обращения к корням и истокам, ибо сказано об этом предостаточно. Ведь совершенно очевидно, что до тех пор, пока будет жить хоть один человек на земле, тяга к познанию прошлого, к открытию новых тайн в истории наших предков не исчезнет, как не исчезнет любовь к “большой” и “малой” родине.

Книга состоит из шести очерков. Первые два — “Древние люди Нижней Оби” и “Эпоха крепостей и героических сказаний”, написаны старшим научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета (г. Екатеринбург) В.М. Морозовым, уже многие годы занимающимся археологическим изучением края. Очерк “Пришельцы из Приуралья” принадлежит перу С.Г. Пархимовича, директора Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. Автором трех последних очерков — “Встречь солнцу”, “Вассалы Москвы” и “Троицкая обитель” — является доцент Уральского государственного университета, кандидат исторических наук А.Т. Шашков.

Особо следует сказать, что само появление этой книги стало возможным благодаря инициативе Администрации Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа: главы А.К. Киприянова, заместителя по вопросам культуры С.В. Сажаева (ныне председателя окружного Комитета по образованию) и председателя районного Комитета по делам культуры, информации и печати Л.И. Занчуриной. Огромную роль в издании книги сыграл А.К. Мишунин, председатель окружного Комитета по средствам массовой информации и полиграфии.

ДРЕВНИЕ ЛЮДИ НИЖНЕЙ ОБИ

ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

*У каждого плеса реки — свое эхо,
У каждого времени — своя песня.*

Ю.Шесталов

Прежде чем познакомить вас, уважаемые читатели, с древней историей населения правобережья Оби в пределах Октябрьского района и прилегающих территорий Ханты-Мансийского автономного округа, мы посчитали необходимым рассказать немного о секретах научной “кухни”. Речь пойдет об особенностях археологических источников, на основании которых написаны первые очерки данной книги.

Предки современных обско-угорских народов — ханты и манси — обживали свою землю в течение тысячелетий. Основная проблема в изучении их истории заключается в том, что период существования их собственной письменности едва превышает шестьдесят лет. Другие письменные источники знакомят с древней историей этих народов крайне фрагментарно и противоречиво. Поэтому роль археологии, изучающей древнейшую историю человечества по сохранившимся фрагментам материальной деятельности здесь особенно велика.

Вещественные остатки (отдельные предметы, клады, следы месторасположения древнего человека и пр.) находятся преимущественно в земле. Слой земли, содержащий предметы материальной культуры прошлого, или, иначе, культурный слой, как правило, остается на местах жизни и деятельности древних людей, которые принято называть архе-

ологическими памятниками. Эти памятники весьма разнообразны. К ним относятся и местонахождения (места расположения отдельных находок), и стоянки (места кратковременного пребывания людей). Если же на каком-то месте люди жили долго, то такое место называется селением или поселением (наиболее, кстати, часто встречающийся вид памятников). При наличии любых укреплений поселение меняет свой статус на городище. Другой довольно известный тип памятников — могильники (места древних захоронений). Они бывают грунтовые (в земле) и курганные (с насыпанным над погребением холмом из земли или камней). Среди археологических памятников большой интерес представляют места добычи и обработки глины, камня (так называемые производственные площадки), а также места поклонения и приношения жертв своим предкам, духам (святилища) и пр.

По материалу, из которого делались орудия труда, в истории человечества выделены такие эпохи, как каменный, бронзовый и железный века. Век камня был самым длительным: начавшись около 2,0—1,5 миллионов лет назад, он продолжался до 5,5—4,5 тысяч лет назад. Бронзовый век с промежуточным периодом от камня до бронзы — неолитом — длился не менее 1,5—2,0 тысяч лет (до IX—VIII веков до нашей эры, далее — н.э.). В оставшиеся 2,5 тысячи лет господствующим материалом было железо. Железный век делится на два периода — ранний железный век (VIII—VII века до н.э. — III—IV века н.э.) и поздний железный век, по другой терминологии — средневековье (IV—V — XV—XVI века).

Но археологические материалы различаются не только по эпохам, а и внутри каждой из них. Археологи зачастую имеют дело с большими временными (хронологическими) и территориальными комплексами, на основании которых выделяются археологические культуры. В рамках такой культуры объединяются памятники и предметы, относящиеся к одному времени и сосредоточенные на одной территории. Более широким по отношению к понятию археологическая культура является понятие общности, объединяющее несколько археологических культур. Если же полученные данные не позволяют выделить новую культуру, то применяют термины “тип памятников”, “керамические комплексы” и пр. Им даются условные названия, в большинстве случаев — по месту первых находок (например, перегребненский тип памятников эпохи ранней бронзы, железного века) или же наиболее по значительным памятникам (атлымская культура эпохи поздней бронзы).

Рассмотрим в общих чертах, как шло развитие археологических культур на интересующей нас территории.

Освоение Северо-Западной Сибири было длительным по времени, а заселение ее отдельных районов шло неравномерно. Памятников древнейшего периода в истории человечества — палеолита (древнекаменного века) — на изучаемой территории нет, хотя результаты исследования екатеринбургских специалистов (Г.В. Быковой, Н.Г. Смирнова) не исключают возможности расселения здесь древнего человека в конце предыдущей геологической эпохи (плейстоцена) и в начале последующей (голоцена), в которой мы сейчас живем. Свидетельством этому служат памятники следующего археологического периода — эпохи мезолита (среднекаменного века), обнаруженные в хорошо освоенном бассейне реки Конды, а также единичные, разбросанные по всему региону. Ввиду ограниченности источников ученые не выделяют в этот период каких-либо культурных образований, разве что отмечают разность культурного облика мезолитических комплексов Конды (Е.М. Беспрозрачный) и среднеуральских (Ю.Б. Сериков).

Последний этап эпохи камня — неолит (новокаменный век) — характеризуется освоением более обширных, по сравнению с предыдущим временем, пространств северо-запада Сибири. Памятники этого периода по-прежнему немногочисленны, но уже позволяют обратиться к сравнительному анализу обнаруженных комплексов. Впервые такой анализ был сделан выдающимся ученым современности, археологом и этнографом Валерием Николаевичем Чернецовым. Рассмотрев неолит Нижнего Приобья, он отметил своеобразие его памятников (Чэс-тый-Яг, Сартынья, Хулюм-сунт, Няксимволь) на широком культурно-историческом фоне, сравнив с материалами Зауралья и Прикамья. Выделить какие-то отдельные группы, типы памятников было невозможно в силу ограниченности полученного материала. Это и сейчас трудно сделать, хотя объем исследований и, соответственно, данных в последнее время значительно увеличился. Благодаря новым материалам меняется точка зрения на нижнеобские памятники эпохи неолита, традиционно относимые в целом к позднему этапу восточноуральской культуры, для которого характерно преобладание техники отщепы и господство керамики с гребенчатым орнаментом. По мнению томского археолога Е.А. Васильева, Нижнее Приобье не входило в ареал этой культуры и вплоть до начала эпохи металла здесь господствовали традиции линейно-накольчатой керамики.

Не вдаваясь в подробности научной дискуссии по поводу “северного неолита”, отметим, что современные специалисты сосредоточили свое внимание на четырех “кустах” неолитических памятников —

уже известных чэс-тый-ягском (В.Ф. Старков, Е.А. Васильев) и кондинском (Л.П. Хлобыстин, Е.А. Гаджиева) и недавно открытых амнинском (В.И. Стефанов) и барсовогорском (Л.Л. Косинская, Ю.П. Чемякин). В силу удаленности групп друг от друга (Северная Сосьва, Конда, Казым, Сургут) и неполноты информации по ним ученые пока ограничиваются технологическим анализом (изучают сырье, технику его обработки, типы орудий и т.п.), оставляя изучение более сложных сторон деятельности — социальной, духовной — на будущее, когда будет получено достаточно материала. Но уже сейчас существует мнение, что все эти памятники относятся к нескольким родственным археологическим культурам, носители которых, видимо, говорили на различных диалектах праугро-самодийского языка. Родственные связи этого населения простираются вплоть до Среднего Урала, Тюменского Приоболья и Верхнего Приобья.

Эти связи сохраняются и расширяются в последующую эпоху раннего металла, в которой обычно выделяют два периода — энеолит и бронзу (раннюю и позднюю). Эпоху энеолита (медно-каменного века) на изучаемой территории представляют два типа памятников. Один из них — северо-сосьвинский — Е.А. Васильев рассматривает как локальный, северный вариант восточноуральской культуры. Культурное обособление северо-сосьвинского населения происходило в условиях расширения ареала их расселения, а возможно, явилось, по мнению ученого, “следствием расселения восточноуральцев в бассейн Северной Сосьвы и прилегающие районы Белогорского материка”, где к тому времени уже обитали носители керамики типа униега. Памятники этого типа, по мнению Е.А. Васильева, “одно из наиболее оригинальных культурных образований в таежном Приобье”. Истоки этого своеобразия таятся в пока совершенно не изученном местном неолите. Развитие этого населения протекало в условиях постоянных контактов с инокультурными коллективами (так, уже говорилось о проникновении на правобережье Оби северо-сосьвинских групп). Наличие в керамических комплексах поселений Шеркалы X и Униега I нескольких обломков (фрагментов) сосудов со специфическим орнаментом можно рассматривать как следы миграции (продвижения) в Нижнее Приобье части восточноуральского населения либо торговли или иной формы общения этого населения с местными жителями тайги. С определенной долей вероятности северо-сосьвинские объекты и объекты типа униега можно синхронизировать (сопоставлять) с более южными памятниками Конды, а также с гужьяельскими и амнинскими комплексами на севере.

В отличие от энеолитического времени с его разнообразием культурных образований, в эпоху ранней бронзы на рассматриваемой территории, по мнению Е.А. Васильева, сформировался один ареал, памятники которого по наиболее изученному объекту (поселение Сартынья I) отнесены к сартыннинской культуре. Она существовала в Нижнем Приобье длительное время (XIX—XVI века до н.э.) и прошла в своем развитии два этапа. Основой ее формирования был северо-сосвинский тип, ведущая роль которого в культурогенезе (формировании) начала бронзового века проявилась в ассимиляции (поглощение, растворение) его представителями остального населения Нижнего Приобья. Компонент “унига” был одним из основных. На севере памятники, одновременные сартыннинским, практически не известны (поселение Каксинская гора 3 (?) в бассейне Казыма), а на юге, в бассейне Конды, сартыннинские памятники могут быть синхронны (одновременны) объектам полымьятского типа.

К эпохе поздней бронзы на этой территории относятся комплексы развитого этапа гребенчато-ямочной керамики (XV—XIII века до н.э.), атлымские (конец II — начало I тысячелетия до н.э.), а также лозьвинские (конец II — начало I тысячелетия до н.э.).

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой входят в обширную одноименную культурно-историческую общность всего таежного Обь-Иртышья. Вероятно, становление культур с гребенчато-ямочной керамикой происходило на местной основе под воздействием эпохальных сдвигов, обусловленных как возрастанием значения металла, так и инокультурным — прямым или опосредованным — влиянием. Атлымская культура выделена Е.А. Васильевым по материалам раскопок поселений Нижнего Приобья (Малоатлымское городище) и Сургутского Приобья (Барсова гора). Ее происхождение здесь рассматривается как результат трансформации культуры ямочно-гребенчатой керамики. К началу I тысячелетия н.э. относится продвижение отдельных групп культуры на юг (юго-восток) — по долинам Оби — и на запад (юго-запад) — на Урал. А их место на правом берегу Оби, возможно, занимает лозьвинское население, сосуществующее на определенном отрезке времени с оставшимися здесь атлымскими группами.

В раннем железном веке таежного Обь-Иртышья выделено два периода — белоярско-васюганский и кулайский. Первый (VIII—VII — IV—III века до н.э.) характеризует развитие культуры носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в момент перехода к эпохе железа и в самом ее начале. На юго-востоке тайги в это время существовали васюганские и прочие памятники,

материал которых свидетельствует о том, что население, наряду с охотой и рыболовством, занималось скотоводством. А северо-западные территории осваивали белоярские (Сургутское Приобье), гамаюнские (горно-лесной Урал), кульминские (Северное Зауралье) племена. Кульминский тип памятников, выделенный уральским археологом В.Д.Викторовой в бассейне реки Лозьвы, генетически (преемственно) восходит к лозьвинскому типу эпохи поздней бронзы. В настоящее время кульминские или близкие им комплексы выявлены на поселениях Низямы II, 9, Перегребное VI. Имеющийся материал позволяет предположить, что кульмино было одним из компонентов, вошедших в местную и оригинальную группу памятников — перегребненскую (VI—V — IV—III века до н.э.). В литературе она более известна как усть-полуйская культура (по городищу Усть-Полуй около Салехарда). Новые исследования Северного отряда Уральской археологической экспедиции (руководитель В.М.Морозов) на Перегребненском, Низямском и Шеркалинском археологических кустах показали, что вторая группа керамики, собственно характеризующая культуру и представленная чистыми комплексами (Перегребное VI, Низямы II, 9, V и пр.), не связана с костяным и бронзовым инвентарем, традиционно относимым к усть-полуйской культуре. Последний оставлен племенами кулайской культуры раннего железного века, материалы которой широко представлены в памятниках правобережья (Перегребное 2, 4, Низямы I, IV, Шеркалы I и пр.). Поэтому было решено отказаться от термина усть-полуйская культура. Древности, содержащие керамику второй группы, находящиеся в Нижнем Приобье и Северном Зауралье, названы теперь перегребненскими (по городищу Перегребное VI в устье реки Колтысянки около одноименного поселка).

В конце раннего железного века в Нижнем Приобье формируется ярсалинский тип памятников, керамика которого типологически является позднекулайской и датируется саровским этапом кулайской культурно-исторической общности. На этих и на более поздних, карымских, памятниках присутствует еще один тип посуды — “желобчатый”. Мы допускаем сосуществование этих двух типов керамики, имеющих, видимо, различное происхождение на одних и тех же памятниках начала I тысячелетия н.э. Однородность карымской керамики IV — V веков н.э. свидетельствует о полной ассимиляции пришлого населения местным.

Кулайская культурно-историческая общность сохраняется почти до середины I тысячелетия н.э., перерастая в Обь-Иртышскую эпо-

хи позднего железа (средневековья). На основании анализа особенностей различных комплексов средневековой керамики выделено пять типов. Изучение стратиграфии и планиграфии поселений, их вещевого материала, погребального обряда подтвердило возникшее предположение о том, что эти типы отражали пять последовательных периодов развития материальной культуры эпохи позднего железа. Первый из них — саровский (I век до н.э. — III век н.э.) — продолжает кулайские традиции, так же как близкие им комплексы последующего периода — карымского (IV—V века). Сменившие его земногорские комплексы (VI—VII века) обычно относились к раннему железному веку и в соответствии с прежней хронологией предшествовали усть-полуйским. Новые материалы из Сургутского и Нижнего Приобья позволили провести их передатировку. Последующее, кучиминское, время (VIII—IX века) — период сложных исторических процессов, среди которых войны занимали существенное место: кучиминские городища резко отличаются от поселений предыдущих этапов мощностью и сложностью фортификаций. Во второй половине I тысячелетия н.э. контакты населения двух регионов не прекращались. Они могли выступать либо в виде торговых (?) обменов, либо в виде миграции отдельных групп населения. Именно благодаря обмену, скорее всего, в Нижнем Приобье появились изображения, подобные прикамским сульде: антропоморфная личина в виде человеко-лося (поселение Низямы 3), ажурная бляха в виде фигуры человеко—коне—лося, попирающего ящера (городище Каксинская гора I) и др. На кинтусовском этапе (конец IX — начало XIII века) Обь-Иртышской общности идет постепенный процесс замены гребенчатого штампа отступающей лопаточкой. Между поселенческой и погребальной посудой есть существенные различия на технологическом уровне. Сайгатинское время (XIII—XVI века) характеризуется исчезновением керамики, проникновением новых традиций как в хозяйство (появление скотоводства), так и в домостроительство (каменные очаги, чувалы и т.д.), резким возрастанием импорта. В XI—XIII веках произошли крупные перемещения в нижнеобский регион приуральского населения. Именно этим временем датируются соответствующие комплексы городищ Перегребное I и Шеркалы I, площадка 2.

Выделенные пять этапов и предшествующий им саровский отражают хронологические ступени развития одной культурной общности с присущей ей преемственностью в формах и орнаментации керамики, в сюжетах и художественном стиле бронзового литья, в домостроении и фортификациях, прослеживающейся от рубежа эр до XVI века.

ПО СЛЕДАМ ЧЕЛОВЕКА КАМЕННОГО ВЕКА

*Рядом с человеком
идет, а его не видно.*

(Время).

Мансийская загадка

Для территории, о которой идет речь в этой книге, как, впрочем, и для всего региона Западной Сибири в целом, остается нерешенной проблема первоначального ее заселения. Следы первобытных охотников на мамонта, шерстистого носорога и других представителей ледниковой фауны встречаются в Северном и Среднем Приуралье, Среднем Зауралье, в южной части Западно-Сибирской равнины. Но в северной ее части стоянок эпохи палеолита (древнекаменного века) не обнаружено. Правда, по данным екатеринбургских ученых Г.В.Быковой и Н.Г.Смирнова, значительные участки Белогорского материка, в том числе и на правобережье Оби, могли быть пригодны для обитания человека верхнего палеолита (35—10 тысяч лет назад).

Один из известных исследователей каменного века В.А.Ранов как-то заметил, что “людям мезолита и неолита уже почти не пришлось делать географических открытий”. Трудно согласиться с этим, так как именно в эпоху мезолита, или среднекаменного века (8—9 тысяч лет назад), древний человек освоил обширные пространства Севера Западной Сибири и появился на берегах Нижней Оби. Пришел он, скорее всего, из более южных районов. Эти перемещения стали возможны благодаря глобальным природным изменениям. Около 10 тысяч лет назад исчезло существовавшее на значительной части равнины обширное подпрудное озеро ледникового периода и в основном сформировалась современная речная сеть. Началось всеобщее потепление, вымерли мамонт, шерстистый носорог и некоторые другие виды млекопитающих, животный мир приобрел современный облик. Изменился характер ландшафта: вместо холодных степей ледниковой эпохи возникли зоны тундры, лесотундры и тайги.

В то далекое время перед человеком встала труднейшая задача активного поиска новых форм и способов ведения хозяйства в изменившихся природных условиях. В этот период были освоены, помимо Нижней Оби и верховьев Пура, пригодные для обитания районы тундровой зоны Северо-Западной Сибири, что под-

тверждают мезолитические стоянки, открытые на Конде и Северной Сосьве. По данным Л.Л.Косинской, на сегодняшний день на этой территории известно около 30 поселений и стоянок, из них более 20 — в бассейне Конды. На правом берегу Оби, в том числе непосредственно на территории Октябрьского района, таких памятников пока не обнаружено, но это, скорее всего, дело времени и поиска. Свидетельством тому может служить открытое тюменским археологом В.Г. Галкиным и повторно обследованное А.А. Погодиным поселение Смоляной Сор I у поселка Игрим, расположенное на мысу пойменного озера у правого берега Северной Сосьвы. На поверхности видны несколько впадин, оставшихся, возможно, от каких-то наземных построек либо домов-полуземлянок. Стены подобных домов из бревен и жердей опускались в неглубокий земляной котлован, покрывались землей, корой и берестой. Постройки отапливались с помощью расположенных в очажной яме открытых очагов; костер мог располагаться и на полу, в специально отведенном для этого месте. Дома состояли, как правило, из одного помещения, хотя на территории Советского района, в бассейне реки Эсс, известны сооружения из двух смежных комнат. Такие поселения принадлежали небольшим коллективам, основой жизни которых была охота с помощью собаки на лося, северного оленя, бобра и других животных и рыбная ловля на протоках и в устьях маленьких рек. Дополнялся достаточно скудный рацион сбором съедобных растений.

Современному жителю этих мест стоит поучиться тому, как вели хозяйство мезолитические охотники и рыболовы: оно было практически безотходным. Шкуры и жилы добытых животных шли на изготовление обуви, одежды и различной хозяйственной утвари. Из костей и рогов делались наконечники копий и стрел, ножи и кинжалы. Их оснащали вкладышами — миниатюрными каменными пластинками правильной формы с острыми краями. Каково же было терпение и мастерство древних умельцев по обработке камня — основного естественного материала, из которого создавались орудия труда и оружие, утварь и предметы культа! Человек эпохи мезолита виртуозно владел техникой расщепления и последующей обработки камня. Использовался не всякий камень: предпочтение отдавали кремнистым породам — кремню, халцедону (на изучаемой территории это явно привозной материал), но при их отсутствии применялись кварцит, кварц, а зачастую при нехватке надлежащего сырья в дело шли мелкие гальки. Немного “поколдовал” мастер — и отщепленные

от гальки пластинки превращались в скребки по выделке шкур, резцы и скобели по обработке кости. При изготовлении инструментов, предназначенных для работы по дереву — тесел, долот, топоров — использовались чаще всего мягкие породы камня. Они обрабатывались путем шлифования — техники обработки камня, нашедшей широкое применение в конце мезолита, хотя ее “расцвет” приходится на последующую эпоху неолита. С эпохой же мезолита ученые связывают изобретение лука и стрел, лодок и весел, лыж и ручных саней. Эти изделия известны нам пока лишь по находкам из торфяниковых стоянок Среднего Зауралья и Северного Приуралья. А разве мало торфяных болот в западносибирской тайге? Значит, и здесь можно ожидать открытия таких памятников.

К сожалению, практически ничего не известно о религиозных представлениях, магических действиях и культах населения этой эпохи. Археологические данные по этому вопросу очень немногочисленны, поэтому закономерный интерес представляет небольшая каменная скульптура, найденная В.М. Морозовым на реке Эсс около города Югорска. Обнаружив фигурку возле дома бронзового века, исследователь отнес ее к этому времени. С одной стороны она напоминала медведя, с другой — бобра. После внимательного изучения обнаружилось, что поделка выполнена техникой пикетажа, и тогда у сотрудника Института истории и археологии УрО РАН С.Ф. Кокшарова возникло предположение, что “это может быть первая на севере Сибири мезолитическая скульптура?!” Но чем бы она ни была и в какое бы время ее ни создали, она уникальна как произведение искусства и является подтверждением развития у таежного населения промыслового культа, как части более сложных мировоззренческих представлений.

Как уже отмечалось выше, отсутствие видимых на поверхности земли памятников еще не является достоверным свидетельством незаселенности данной территории в ту или иную эпоху. Их остатки, возможно, надежно скрыты почвенным покровом, а следы посещения людьми этих мест в глубокой древности можно фиксировать лишь по определенной категории находок — своеобразному индикатору времени. Для эпохи мезолита таким индикатором могли быть микролитические пластинки. Но как трудно заметить на земле изделия величиной в несколько миллиметров!

Более надежный индикатор — керамика — появился на последнем этапе каменного века — в эпоху неолита (7—5 тысяч

лет назад). Еще в начале этой эпохи человек узнал о свойствах глины терять при нагревании эластичность и становиться твердой. Он изобрел материал, из которого стал изготавливать посуду. Теперь у таежного (и не только таежного) населения появилась возможность готовить горячую пищу и хранить ее впрок. Керамическое производство становится одним из главных домашних промыслов. Это было величайшее открытие, с которым можно сравнить разве что изобретение плавки металлов. Археологам же обломки глиняной посуды существенно облегчили поиски мест поселения неолитического человека. Именно по ним были найдены остатки древней стоянки эпохи неолита, возможно, позднего ее этапа (рубеж IV—III тысячелетия до н.э.), у деревни Низямы: под средневековым слоем поселения Низямы 3 было расчищено несколько фрагментов одного или двух сосудов. Оставившая их небольшая группа людей приходила сюда, видимо, на рыбалку. Они остановились на хорошо дренированном и продуваемом мысу между двумя логами невысокого (4,5—5,5 м) коренного берега Оби. Пробыли они тут недолго, что подтверждается немногочисленностью находок. Поздненеолитическая стоянка у деревни Низямы — **древнейший памятник на правом берегу Оби в Октябрьском районе**, и, одновременно, свидетельство дальнейшего, достаточно успешного продвижения древнего человека на новые земли, что подтверждают стоянки и поселения, более многочисленные по сравнению с предыдущими эпохами, обнаруженные в бассейнах рек Конды, Северной Сосьвы, Казыма, Ваха, на правом берегу Оби под городом Сургутом, причем некоторые из перечисленных мест (верхнее и среднее течения Конды, верхнее течение Северной Сосьвы, урочище Барсова Гора у Сургута) были заселены довольно плотно. В чем же причина освоения новых территорий?

Эпоха неолита характеризуется более мягким и теплым, по сравнению с современным, климатом, что способствовало сдвигу ландшафтных зон к северу и, соответственно, продвижению сюда человека. Процесс заболачивания тайги еще не достиг наблюдаемых сегодня масштабов. Именно к этому времени, по всей видимости, сложилось столь характерное для таежной зоны комплексное присваивающее хозяйство, в основе которого лежали охота, рыболовство и собирательство. Это доказывается не только находками оружия и предметов труда, но и так называемым остеологическим материалом — костными остатками животных, птиц и рыб. С памятников Октябрьского района такого материала нет,

но он обнаружен на поселениях сопредельных территорий и свидетельствует, что основными объектами охоты были лось и северный олень. Их добывали, вероятно, ловушками, гоним по насту, скрадыванием. Запасы продовольствия пополнялись и за счет охоты на боровую и водоплавающую дичь и пушных животных (бобра, лису, белку и др.), а также за счет промысла линной птицы. По-прежнему едва ли не основным источником питания для обитателей бассейна Оби являлось рыболовство — на небольших реках, протоках, в заливах озер. Применялись не только крючковые снасти и остроги; рыбу добывали стрелами, возможно, ловили сетями. Судя по современным этому периоду находкам в Северной Европе, здесь также использовались рыболовные запоры со снастями типа вершей.

Превращение рыболовства в самостоятельную, причем в решающую для некоторых районов, отрасль хозяйства в известной степени благоприятствовало более прочной оседлости. Возможно, каждое крупное объединение таежного населения (община) имело определенную промысловую территорию. Намечается в этот период и некоторая специализация хозяйства отдельных районов: так, жители низовий Оби занимались в основном рыболовством, а обитатели верховий небольших рек и предгорий Урала — охотой. При этом ученым известны как кратковременные сезонные стоянки с легкими наземными жилищами (возможно, такой была стоянка у деревни Низямы), так и долговременные, с капитальными землянками и полуземлянками, открытыми в бассейнах рек Казыма (Белоярский район — поселение Кирип-Вис-Юган 2) и Северной Сосьвы (Березовский район — поселения Сартынья I, Хулюм-сунт). Например, довольно комфортно должны были чувствовать себя в любое время года обитатели дома, построенного на высоком берегу небольшой чистой речки Кирип-Вис-Юган, который обдувается и хорошо дренирован. Дом представлял собой небольшую (25 кв. м) полуземлянку с глубиной котлована до 1 м. Его “социальным” центром был сооруженный на песчаной платформе высотой до 0,5 м очаг, заключенный в прямоугольную раму размером 1,8 x 2,1 м. Четкое пространственное ограничение имеют расположенные по обе стороны от очага жилые площадки, каждая из которых разделена перегородкой на три (?) отсека.

Как и в предшествующую эпоху, в неолите основным материалом для изготовления орудий труда и оружия являлся камень. Получил широкое применение кварц — самый доступный мине-

рал из всех видов сырья, используемого на данной территории. Материал остается тем же, но меняется облик инвентаря. Практически не употребляются вкладышевые орудия, много предметов (особенно из мягких пород — сланцев, опоки) сделано техникой пиления и шлифовки. О расцвете техники шлифования свидетельствуют многочисленные находки топоров, тесел, ножей, наконечников стрел с поселений бассейнов рек Конды, Казыма, Северной Сосьвы (Амня I—II, Кирип-Вис-Юган 2, Сартынья I, Хулюм-сунт и др.), а также единичные находки в различных местах правобережья Оби. Но самый распространенный вид находок на поселениях и стоянках, как мы уже отмечали, — это глиняная посуда, точнее, ее обломки. Реконструированные сосуды обычно имеют слегка раздутые тулова и приостренные днища. Они вылеплены вручную и обожжены на костре. Их поверхность покрывают узоры, нанесенные специальными инструментами, в том числе зубчатыми штампами и челюстями мелких животных. Эту посуду ученые связывают с таежными аборигенами, ведущими свое происхождение от местного мезолитического населения. Но есть и другая посуда — с плоским дном и своеобразным орнаментом, которая попала сюда, скорее всего, с юга.

Поселений с такой керамикой на правобережье Нижней Оби в пределах Октябрьского района нет, но они обнаружены в бассейне Казыма — на реке Амне (это городище Амня I и поселения Амня II и Кирип-Вис-Юган 2). Городище Амня I — пока единственное и древнейшее укрепленное поселение эпохи камня лесной зоны не только Евразии, но и, возможно, Старого и Нового Света. Поселок существовал достаточно длительное время и неоднократно перестраивался с целью расширения жилого пространства. Построенный на мысу, он был защищен рвом и сооруженной на валу бревенчатой стеной. (По данным специалиста по оборонительным системам В.А.Борзунова, ближайшие синхронные или более ранние мысовые городища известны в Молдавии и на Украине в культуре Триполье—Кукутени). Как считает один из исследователей этого памятника В.И.Стефанов, поселения Сартынья I, Амня I, Хулюм-сунт и Кирип-Вис-Юган 2 можно объединить в рамках культурного образования, своим происхождением обязанного миграциям в конце неолита в северные районы групп зауральского населения, скорее всего, носителей боборыкинской культуры. Не исключено, что они передвигались по правобережью Оби. Но где же следы этого передвижения? Ответ на этот вопрос могут дать лишь дальнейшие изыскания археологов.

ЗАРЯ МЕТАЛЛА

*Я богатырь из медного города,
Висящего на конце серебряной цепи...*

Ю.Шесталов

Внедрение в человеческую культуру основы современной цивилизации — металлов — началось давно (по мнению некоторых ученых, еще в каменном веке) и шло медленно. В силу ограниченности знаний древнее население должно было считать первый металл — медь — одной из пород камня. Прошло много времени, прежде чем древние люди правильно “восприняли” новый материал и осознали его преимущество над старым — камнем. Общеизвестно существование самородной меди, использование которой в наиболее передовых в историческом развитии районах Ближнего и Среднего Востока предположительно относят к VII—V тысячелетиям до н.э. Применение такой меди основано на ее способности при холодной ковке не только принимать нужную форму, но и становиться прочнее. Позже древние люди открыли, что металл можно снова сделать мягким с помощью огня. Постепенно они научились плавить металл и отливать его в специальные формы. Металлургия как искусство выплавки металлов из руд возникает на рубеже VII—VI тысячелетий до н.э., причем применение меди в Древнем Египте отмечается значительно раньше, чем золота.

Время, связанное с изобретением способов изготовления орудий труда из меди, называется **энеолитом** или **медно-каменным веком** (вторая половина III—начало II тысячелетия до н.э.).

Со временем древние металлурги научились использовать разные добавки и создали бронзу — сплав меди с оловом. Бронза не только делала орудия труда и оружие более прочными, но и обладала лучшими литейными качествами. Ее первоначальное применение зафиксировано на Ближнем и Среднем Востоке 5 тысяч лет назад (III тысячелетие до н.э.). Отсюда этот металл начал триумфальное шествие и дал название целой эпохе — эпохе **бронзы** (первая половина II—начало I тысячелетия до н.э.).

Данные палеогеографии свидетельствуют, что природные условия того времени практически ничем не отличались от современных. Правда исследователи говорят о неустойчивости границы леса и тундры и указывают на усиление процессов заболачивания Западно-Сибирской равнины. Так, 5—4 тысячи лет назад происходит резкое проникновение лесов на север, на территорию современной тундры. Состав растительности свидетельствует о климате значительно более теплом, чем

современный. Примерно 4—3 тысячи лет назад наступает некоторое ухудшение климата и леса отступают на территорию их современного расположения. Позднее климат стабилизировался, что способствовало окончательному оформлению хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов, а также освоению новых земель Северо-Западного региона и более плотному заселению уже известных районов.

Если в предшествовавшие эпохи следы пребывания древнего человека на рассматриваемой территории носили опосредованный характер (поселение Смоляной Сор I) или фиксировались по минимальным фрагментам (стоянка Низямы 3), то от людей энеолитического времени сохранились остатки поселений: Юрты 3 (среднее течение реки Шеркалинской), Шеркалы X (около одноименного поселка), Низямы II (нижний горизонт) на правом берегу Оби, Амня I (жилище IA в бассейне Казыма), Сартынья I (на Северной Сосьве) и др. Поселки были небольшими — от одного—двух домов (Амня I, Низямы II) до пяти (Юрты). Без видимой планировки они располагались на открытых береговых террасах и мысах больших рек (Низямы II, Амня IA), небольших речек (Шеркалы X) и соров, как, например, поселение Юрты, о котором следует сказать особо.

Как великолепно оно смотрелось в свое время со стороны Шеркалинского сора! Построенное на изгибе коренного берега одноименной речки, на месте ее “впадения” в сор, поселение занимало ровную, хорошо проветриваемую и незатопляемую площадку зеленомошного бора. Здесь можно было найти все, что так необходимо таежному человеку: рыбу в сору и речке, дичь в бору и дикоросы в недалеких болотах. Небольшая община проживала в наземных домах с каркасно-столбовой конструкцией, возможно, сезонного характера. А вот ее далекие соседи с реки Амня предпочитали жить в построенной из сосновых бревен капитальной полуземлянке с четырехскатной крышей, покрытой жердями, застланной берестой, пластами дерна и засыпанной землей. Вероятно, в крыше имелось дымовое отверстие, служившее одновременно окном. Вход был сделан в середине передней стены, перед ним была сооружена пристройка типа сеней. Обогревался дом расположенным в центре очагом, вдоль трех стен (кроме передней) находились перекрытые деревянным настилом (?) нары.

Кроме стационарных поселений для постоянного обитания, в местах традиционных промыслов могли возводиться легкие наземные постройки и хозяйственные сооружения. Возможно, к ним относятся остатки объектов, вскрытых в нижних слоях поселения Низямы II.

В энеолитическое время основой хозяйственной деятельности по-прежнему оставались дополненные собирательством рыболовство и

охота. Свидетельством охоты, как и раньше, служат наконечники стрел, обнаруженные в комплексах поселений Амня I и Сартынья I, и костные остатки из памятников сопредельных территорий. По ним можно судить, что основными объектами охоты продолжали оставаться копытные животные (северный олень, лось), хищники (медведь, волк), пушной зверь (бобр, выдра) и птица, причем в остеологических коллекциях прослеживается стабильное преобладание костей копытных и бобра. Важная роль рыболовного промысла в хозяйстве человека эпохи энеолита подтверждается многочисленными глиняными грузилами от сетей и остатками ихтиофауны (костей рыб). Судя по редким скоплениям грузил, сети были небольшие: по мнению С.Ф.Кокшарова, они едва ли превышали 7-8 м. Скорее всего, они находились в индивидуальном пользовании. Широкое распространение сетевого рыболовства в энеолите может служить одним из доказательств перехода населения к интенсивному использованию таежных богатств, по времени совпавшего с освоением жителями юга Урала и Западной Сибири навыков обработки меди.

Одним из достижений эпохи было, по всей видимости, появление ткачества. Без признания этого трудно понять широкое распространение на глиняной посуде узоров с сетчатой основой (это предполагает геометричность мотивов), что делает энеолитическую керамику легкоотличимой от предшествовавшей.

Изготовление керамики по-прежнему является одним из главных домашних производств и... уделом женщин. Под их руками рождались изящные тонкостенные сосуды полуяйцевидной закрытой формы с округлым дном. А еще интереснее характерные для этой эпохи ладьевидные сосуды. Так, незабываемое впечатление производит сосуд из немногочисленной коллекции жилища IA поселения Амня I. Вся его поверхность украшена изображениями животного, расположенными в три яруса по 13-14 фигур в каждом. По мнению специалистов, данные изображения более всего напоминают длинношерстных козлов (!?). Правда другие видят в них северного оленя. Но что бы ни было здесь изображено, получаешь истинное удовольствие от мастерства древнего гончара-художника.

Помимо посуды и грузил для сетей, из глины лепились пряслица для изготовления нитей (поселение Низямы II(?)), а из фрагментов разбитой посуды вытачивались предметы, которые можно назвать ложилами или терочниками. Особенно много их в коллекции находок, сделанных у поселка Низямы II. Вопрос, для обработки какой поверхности они применялись — глиняной, деревянной или костяной? — пока остается открытым, поскольку требуются дополнительные анализы.

Среди естественных материалов, как и раньше, активнее всего использовался камень, но наряду с уже известными приемами его обработки получает широкое распространение ретуширование — скалывание с заготовки мелких осколков (чешуек). Оно позволяло придавать орудиям необходимую форму и получать острые режущие кромки. Делалось это с помощью специальных приспособлений из камня и кости — ретушеров. Чаще всего такая техника применялась при изготовлении наконечников стрел (Амня IА), причем использовались твердые породы камня (кремень, кварцит и др.). Но такие изделия в нижнеобских памятниках единичны, более характерна для них продукция из кварца. Часть орудий изготовлена из сланцев, песчаника и прочих мягких пород в технике пиления, шлифования, сверления.

Но позвольте, скажет прозорливый читатель, а где же передовые формы хозяйства, где новый материал, о котором в начале главы так много и так восторженно говорилось? Да, по общей археологической периодизации энеолит датируется второй половиной III—началом II тысячелетий до н.э. (т.е. 4—4,5 тысячи лет назад). Следовательно, подразумевается, что именно в этот период северотаежное население познакомилось с медью. Однако для данного региона выделение этого периода носит условный характер, поскольку здесь неизвестны следы металлообработки, нет и самих находок медных вещей. И то и другое встречается лишь за пределами рассматриваемой территории, на энеолитических памятниках Южного и Среднего Урала. Следы обработки с помощью металлических ножей обнаружены на деревянных поделках из уральских торфяников (некогда действующих озерах). Собственно металлических орудий, найденных на Урале, немного: это единичные небольших размеров ножички и шилья. Несмотря на отсутствие на территории таежного Обь-Иртышья металлических изделий, мы, основываясь на сходстве материальной культуры древнего уральского и западно-сибирского населения, находим возможным говорить о том, что местное население могло знать металл и использовать медные орудия.

Достоверные следы металлообработки в этом регионе мы наблюдаем только в последующий период — эпоху бронзы (первая половина II—начало I тысячелетия до н.э.). Ее становление, как считает С.Ф. Кокшаров, происходит в начале II тысячелетия до н.э., а в дальнейшем, в рамках этого тысячелетия, наблюдается поэтапное развитие литейного дела. Обратимся же к исторической ситуации, сложившейся здесь 3—4 тысячи лет назад.

Как уже отмечалось, с точки зрения климатических условий этот период был для таежных жителей довольно благоприятным и способствовал как выживанию обитавшего здесь энеолитического населения,

так и притоку мигрантов. На последний фактор серьезное внимание обращает томский археолог Е.А. Васильев. При рассмотрении культурно-исторической ситуации, сложившейся в энеолите в южной части Нижнего Приобья, он отмечает две волны мигрантов, представители которых могли осесть на правобережье Оби. Одна из них происходила из бассейна Северной Сосьвы, другую исследователь склонен рассматривать как миграцию в Нижнее Приобье части восточноуральского населения (!). Либо мигрантов много прибыло, либо значительно увеличилось количество обитателей некогда малочисленных поселков (об этом думать предпочтительнее), но складывается впечатление, что в эпоху бронзы на таежной территории современного Октябрьского района и в прилегающих местах произошел демографический взрыв. Приведем цифры: на сегодняшний день на правобережье Оби в пределах изучаемого района известное археологам число памятников энеолита не превышает пятнадцати, а эпохи бронзы — насчитывается уже более сорока, причем площадки некоторых из них заселялись на протяжении этого периода дважды, а то и больше. То же самое наблюдается и на соседних территориях. Так, в бассейне реки Казым открыто семь памятников эпохи бронзы, в то время как из энеолитических известен только один. Конечно, необходимо учитывать степень изученности разных периодов древней истории Нижнего Приобья, но тенденция к увеличению (или, как минимум, к сохранению) плотности населения на правобережье Оби наблюдается и в последующую эпоху железа.

Расселение жителей в этот период происходило с учетом накопленного опыта. Их поселения мы находим и на открытой реке (Низямы II, Шеркалы V, Перегребное 4, Сартынья II, Каксинская гора 3), и на глубинных сорах (Юрты 6), и на озерах (Товгор-лор 7), но в большинстве случаев они привязаны к устьям небольших рек (Низямка, Шеркалинская, Калтысянка, Кирип-Вис-Юган и др.), благодаря чему обеспечивались и выход на большую транспортную артерию, и расположение в укромных, защищенных от лишних глаз местах, и, главное, близость к чистой воде и “сырьевым” запасам, будь то рыба, дичь или дикоросы..

Велика тайга, но удобных мест для обитания в ней, оказывается, не так уж много. Иначе чем объяснить тот факт, что уже в те далекие времена насельники этого лесного края дважды, а то и трижды приходили на одно и то же место? Именно с эпохи бронзы плотно заселяются правобережья устьев рек Калтысянки, Низямки, Атлымки, Шеркалинской, где в основном и сосредоточены известные ученым археологические комплексы Октябрьского района.

Как видим, поселки строились в разных местах, но в их расположении наблюдается определенная закономерность: они, как правило, стоя-

ли на низких, около воды, или средних по высоте площадках речных террас и береговых мысов. Поселения невелики — не более 6—7 неупорядоченно расположенных домов (Юрты 5, Сартынья I), но чаще — один—три (Низямы II, V, 8, Каксинская гора 3,6). На поверхности их остатки прослеживаются либо в виде впадин (Низямы 8, Юрты II (?)), зачастую окруженных валообразной насыпью-подсыпкой (Юрты 5, Каксинская гора 3), либо в виде приподнятых до 20—30 см площадок (Каксинская гора 6). 3—4 тысячи лет назад здесь стояли наземные (Низямы II, Каксинская гора 6) или углубленные в грунт от 20—30 до 60—80 см постройки (Низямы V, 8, Каксинская гора 3) с подчетырехугольным основанием довольно приличных размеров: у сохранившихся объектов эпохи ранней бронзы они колеблются от 7,5 x 8,0 м (Каксинская гора 3) до 12,0 x 12,0 м (Сартынья I). А вот позднебронзовое жилище поселения Каксинская гора 6 было небольшим — всего 6 x 6 м. Среди поселений можно выделить как базовые поселки (Низямы 8, Каксинская гора 3) с сооружениями круглогодичного цикла обитания, так и сезонные (Низямы II, VA, Каксинская гора 6). В некоторых обитали недолго (Низямы II, VA), в других — достаточно длительный промежуток времени (весна—осень) (Каксинская гора 6).

Такая градация мест обитания таежных жителей не случайна: она обусловлена их хозяйственной деятельностью, основой которой оставались охота и рыболовство. Это подтверждается в первую очередь найденными при раскопках костями животных и остатками ихтиофауны. Как и в энеолите, в эпоху бронзы охотились главным образом на крупных копытных (северный олень и лось) и хищников (волк, россомаха, медведь), а также на пушного зверя и птицу. По данным С.Ф. Кокшарова, на памятниках Конды среди остеологических материалов, как и ранее, преобладает доля копытных. О справедливости этого утверждения по отношению к правобережью Оби свидетельствует находка глиняной скульптуры животного на поселении Низямы 8. По ряду деталей (форме ушей, носа, туловища в целом) она напоминает оленя. Животное изваяно древним скульптором в статичной позе, спокойное и умиротворенное. Как не похоже оно на своих беспокойных и стремительных южных собратьев, представленных в изделиях скифского звериного стиля! А вот изображения каких-то водоплавающих птиц (уток?) на сосуде с поселения Каксинская гора 3. Нанесенные на стенку сосуда в виде горизонтального пояса, друг за другом, они вызывают впечатление готовящейся к взлету стаи. Птицу добывали с помощью лука и стрел, наконечники которых — одна из главных, хотя и не самых многочисленных, категорий находок. На крупных животных, видимо, охотились с помощью сторожек (на это указывают этнографические

данные) и ловчих ям, особенно широко распространенных в бассейнах рек Казыма, Северной Сосьвы и Конды.

Подтверждением важной роли рыбного промысла в системе жизнеобеспечения населения эпохи бронзы, кроме остатков ихтиофауны (кстати, по видовому составу почти не отличающейся от современной), может служить большее количество рыболовных грузил — глиняных и каменных — в коллекциях поселений этого времени, что свидетельствует о широком распространении ловли рыбы с помощью сетей. Кстати, скопления грузил на некоторых поселениях нижеобского бассейна указывают на небольшие, как и во времена энеолита, размеры. По мнению специалистов, такие сети (6—8 м в длину) могли быть только в индивидуальном пользовании. К такой же категории находок, связанных с индивидуальным рыболовством, относятся утяжелители от составных рыболовных крючков, распространенных в позднем бронзовом веке. Все это указывает на возрастающее значение индивидуального промысла. Однако основная часть рыбных запасов добывалась запорами, которыми перегораживали небольшие реки, протоки, заливы и старицы. На заключительном этапе бронзы таежные рыболовы могли уже использовать ловушки калданного типа.

Перечисленные виды деятельности не исчерпывают всего многообразия занятий древнего обского населения. Не надо забывать, что важнейшим подспорьем в его хозяйстве всегда служило собирательство, где ягоды и кедровый орех были первейшими продуктами. К сожалению, подтвердить это могут только этнографы и свидетельства первых путешественников, оказавшихся в этих краях. Но вот развитие гончарного дела, обработки камня, кости и дерева, а также бронзолитейного производства можно проследить на археологических материалах.

Гончарство можно отнести к той области материальной культуры, где, по мнению томского археолога Е.А. Васильева, много лет отдавшего изучению нижеобских древностей, в наибольшей степени нашли свое отражение внутреннее единство и культурное своеобразие памятников начального этапа бронзы. Одновременно с бытовой стандартной посудой тогда изготавливались также своеобразные и оригинальные ладьевидные сосуды, которые трактуются этим исследователем как культовые. Наряду с функциональными различиями, прослеживаются и временные. Об этом можно судить по двум типам украшений на посуде, в технике узоров одного из которых доминирует печатно-гребенчатый способ орнаментации, а другого — выполненный тоже в гребенчатой манере оригинальный “сотовый” геометризм. На заключительном этапе бронзового века гребенчатые штампы уступают место крестовым и волнистым. Как считает С.Ф. Кокшаров, в целом

развитие орнамента в эпоху бронзы характеризуется переходом от широких лент к узким, исчезновением вертикальной разбивки узоров и преобладанием линейных орнаментов. Наряду с изменением в способах нанесения узоров, наблюдаются изменения и в форме керамики. На этапе поздней бронзы происходит вытеснение сосудов баночной формы горшками. В целом же изменение формы сосудов отражается в замене на этапе ранней бронзы круглодонных емкостей, лепившихся в неолите и энеолите, плоскодонными, и наоборот, на закате бронзового века происходил возврат к круглому дну.

Помимо керамики, из глины изготавливались различные предметы для хозяйственных, производственных и культовых (?) целей. Это уже упоминавшиеся грузила (Низямы 7), лоцила-терочники (Низямы II) и, наконец, оригинальная группа изделий, применявшихся в качестве приспособлений для украшения поверхности сосуда, — так называемые орнаменты. Известные нам изделия подобного рода относятся ко времени поздней бронзы (Низямы 7,8). Они были сделаны из обожженной глины, имели разную форму (круг, подчетыреугольник) их рабочая поверхность была выполнена в виде гребенки, ромбической сетки, одно- и многорядовой змейки и пр. К производственным можно отнести, по всей видимости, керамические сопла (фрагмент такого сопла обнаружен на поселении Низямы 7), тигли и литейные формы с памятников сопредельных территорий (могильники Сатыга XVI бассейна реки Конды и Сайгатино VI около города Сургута). К культовым, с определенной долей вероятности, мы относим уже упоминавшуюся скульптурку животного и ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы.

Несмотря на наступление новой эпохи, связанной с металлом, много еще прошло времени, прежде чем он смог оттеснить камень, позиции которого на протяжении всего бронзового века были достаточно сильны. Особенно отчетливо это проявлялось на раннем этапе, когда каменная индустрия, как считает Е.А. Васильев, была весьма устойчива и едина для всех памятников. Для удовлетворения хозяйственных нужд из камня изготавливались ножи, топоры, наконечники стрел, грузила. К специфическим формам можно отнести длинные ножи из сланцевых плиток (Шеркалы XIII) и округлые грузила с биконическими отверстиями (Шеркалы X). Наиболее яркая особенность раннебронзовой индустрии — преобладание шлифованных орудий. Шлифовка и пиление применялись преимущественно при производстве долотовидных орудий — топоров и тесел. Но одновременно (а на заключительном этапе эпохи бронзы особенно активно) использовался галечник, причем орудий и отходов из кварца встречается достаточно много. По наблюдениям С.Ф. Кокшарова, поселение эпохи поздней

бронзы Низямы 8 близко по количеству инвентаря из этого сырья раннебронзовым комплексам поселений Геологическое III и VII на реке Эсс около города Югорска. Основной формой заготовки оставался отщеп, применение же пластин было единичным.

Да, камень на протяжении длительного времени для многих таежных коллективов оставался единственным сырьем в изготовлении орудий труда, предметов быта, украшений... Но новое, пусть и постепенно, завоевывало свои позиции. Когда мы говорили об эпохе энеолита, то отмечали лишь косвенное воздействие южных металлоносных провинций на северную периферию. Для времени ранней бронзы, по сведениям Е.А. Васильева, наличие металлообработки в южной части Нижнего Приобья подтверждают находки капель меди и бронзы, а также металлургических сопел. При этом, судя по результатам спектрального анализа, использовался привозной металл с территории Волго-Камья и Зауралья. Применение керамических сопел, по мнению специалистов, предполагает достаточно сложную технологию плавки в специальных печах. Одно из них было получено с раннебронзового поселения Атым I, второе — с поселения поздней бронзы Низямы 7. Таким образом, они дополняют круг памятников с остатками бронзолитейного производства и расширяют тем самым ареал металлоносных культур северной и средней тайги. Конечно, проследить развитие литейного дела по таким данным нельзя. Представление о его поэтапной эволюции дает материал с бассейна реки Конды. Изменения, происходившие в процессе развития от раннего к позднему бронзовому веку, очень существенны. По убеждению С.Ф. Кокшарова, они заключаются в переходе от изготовления простейших металлических предметов в односторонних литейных формах в начале II тысячелетия до н.э. к производству более сложных около середины II тысячелетия до н.э., когда широко распространилась технология тонкостенного литья в закрытых формах с использованием сердечников. Усложнение технологии литья с неизбежностью привело к выделению мастеров-литейщиков, таинственная профессия которых вызывала почтение и страх. Погребения таких мастеров эпохи поздней бронзы найдены на сопредельных территориях в могильниках Сатыга XVI и Сайгатино VI.

К этому же времени — эпохе поздней бронзы, а точнее, к середине — второй половине II тысячелетия до н.э., — относится еще один могильник — Товкурт-Лор 3, расположенный в бассейне реки Казым недалеко от старой хантыйской деревни Хуллор. Особое значение этому памятнику придает то обстоятельство, отмечает один из исследователей могильника О.Н. Корочкова, что он относится к кругу так называемых сейминско-турбинских памятников. До недавнего време-

ни самые северные памятники подобного типа были известны в районе реки Конды. Открытие могильника Товкурт-Лор 3 значительно расширяет ареал могильников этого периода. Благодаря его изучению, с учетом уже известных данных, стало более понятно, как погребали умерших в эпоху поздней бронзы.

Судя по размерам могильных ям и характеру находок, можно представить следующую картину. На площади могильника хоронились и взрослые, и дети (погребение 4). Для могил выкапывались неглубокие (до 0,4—0,5 м) ямы подпрямоугольной формы. Размеры ям соответствовали росту покойников. Остатки сгоревших перекрытий (погребения 1,5), следы дерева вдоль стен (погребение 4), углистые слои на дне (погребение 3) свидетельствуют о том, что строилось какое-то деревянное сооружение. В противном случае трудно объяснить, каким образом смогли сохраниться неразрушенными стенки могил в песчаном грунте. Следы дерева в верхнем заполнении могил — несомненное свидетельство существования деревянных перекрытий. Судя по выкиду вокруг ям, они только слегка присыпались. Собственно на дне могил находок нет, в нижних слоях обычно находили мелкие изделия из камня. Большинство находок сосредоточено по вертикали и концентрируется на уровне нижней границы современного подзола. Это позволяет сделать вывод о том, что вещи и сосуд с пищей ставились не рядом с ним, а на основание перекрытия. Судя по находкам зубов, умерших укладывали головой на юго-запад. Между могильными ямами найдены немногочисленные обломки керамики, чешуйки.

Заканчивая краткий рассказ об эпохе раннего металла, следует отметить, что в конце II—начале I тысячелетия до н.э. в Северо-Западной Сибири происходит обособление таежных рыболовов и охотников северной и средней тайги от скотоводов и земледельцев южноуральской и западносибирской лесостепи. Этот процесс выразился в том, что на севере сложилась культурная общность с характерным только для ее памятников керамическим комплексом, с посудой, украшенной оригинальным орнаментом из фигурных штампов в виде косоугольного креста и “волны”. В начале I тысячелетия до н.э. отдельные группы населения этой общности стали двигаться на юг по долинам Оби и Иртыша и на запад — к Уралу. Это движение, несомненно, вызывало сопротивление со стороны аборигенов тех территорий, которые осваивались мигрантами, в результате чего начинают строиться городища, сначала единичные — в эпоху поздней бронзы, а затем многочисленные — в эпоху железа.

ЭПОХА КРЕПОСТЕЙ И ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

ОТКРЫТИЕ ЖЕЛЕЗА

*Пшеницу сеял бог,
Железо черт ковал.*

Д.Кедрин

Читатель, очевидно, помнит, что когда мы говорили об эпохе камня, то сравнивали значимость одной из находок того времени — керамики — с открытием железа, тем самым подчеркивая важность последнего события. Процесс знакомства древнего человека с железом проходил в общем русле освоения металлов. Оно стало применяться относительно поздно, хотя вполне можно допустить, что первобытные люди использовали железокремневые метеориты в качестве орудий труда и охоты. По словам крупнейшего современного историка металлургии М. Беккерта, “лишь постепенное осознание свойств этого материала заставило человека целенаправленно заняться его поиском и изучением”.

Первые изделия из метеоритного железа появились 6 тысяч лет назад и происходили с территории Египта. По своим качествам это железо было похоже на медь в холодном состоянии. (Кстати, в ряде областей в Африке население познакомилось с железом раньше меди.) Его более широкое распространение начинается 3—3,5 тысячи лет назад с территории Малой Азии. Население же Западной Сибири познакомилось с железом 2,5—3,0 тысячи лет назад, но прошло немало времени, прежде чем первое железо появилось в районе Нижней Оби. Процесс становления железного века на территории Сибири,

считают специалисты, происходил почти одновременно с сопредельными территориями Восточной Европы. Но протекал ли он под влиянием соседей или новый металл был открыт таежным населением самостоятельно? Возможны оба варианта, тем более, что местные жители обладали уже серьезными знаниями и опытом в бронзолитейном производстве, а также неисчерпаемыми запасами болотной руды — основного сырья для получения железа в таежной полосе Западной Сибири. Производили железо с помощью сыродутного метода, изобретенного еще около 4 тысяч лет назад в Малой Азии. Прошло какое-то время, и этот метод стал применяться в Сибири, но в силу неравномерности исторического развития ее регионов в одних (южных) собственное железо появилось раньше, в других (более северных) — позже. Естественно, технология получения железа сложна и трудоемка, но ее использование оправдало себя в конечном продукте. Применение железа привело к развитию производительных сил, а его распространение сыграло важную роль в расширении возможностей людей, в развитии производства, в частности кузнечного дела, обеспечивающего общество орудиями труда и предметами вооружения. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, “оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов”. С развитием кузнечного дела более совершенной стала обработка дерева, кости, кожи, расширилось применение цветных металлов. Наконец, использование железа дало в руки воинов более прочное и совершенное наступательное оружие. Усовершенствовалось также их защитное снаряжение. Произошли крупные изменения и в социальной структуре общества. Развитие производства во всех сферах хозяйственной деятельности приводило к постепенному накоплению богатств у отдельной семьи или группы семей, наиболее значимые из которых образуют общинную “аристократию”. Со временем из нее выделяются служители культа и вожди, под началом которых появляется привилегированная прослойка воинов.

В эпоху железа формируются культурно-исторические образования, от которых с определенной долей вероятности можно вести отсчет истории ряда коренных народов Западной Сибири, в том числе жителей нижнеобского бассейна. Как уже отмечалось, долгое время население данной территории входило в Обь-Иртышскую культурно-историческую общность таежных рыболовов и охотников. Учеными Н.В. Федоровой и А.П. Зыковым выделены в ней внутренняя и пограничная зоны. Внутренняя зона, в которую входит и рассматриваемый регион — “основная территория формирования и развития общности,

где можно проследить непрерывную линию развития материальной культуры”. Для этой культуры на всем протяжении эпохи железа характерна крайняя консервативность и устойчивость всех составляющих ее компонентов: “градо”- и домостроительства, гончарства, домашних промыслов, металлургии и т.д. А определяется такая устойчивость образом жизни таежных аборигенов, фундаментом которого служили традиционные формы хозяйствования на фоне сравнительно “спокойных” природно-климатических условий.

Рассматриваемый период длительностью до 2,3—2,5 тысяч лет (VIII—VII века до н.э. — XVI—XVII века н.э.) приходится, по общепризнанному палеогеографическому эталону периодизации современного геологического периода (голоцена), на субатлантический период (3—1 тысяча лет назад). Уральский исследователь В.Г. Турков выделяет в нем две отчетливо различимые фазы многовекового климатического цикла. Одна из них, более сухая и теплая, после непродолжительного периода ухудшения климата (3—2,5 тысячи лет назад), пришлась на вторую половину раннего железного века и на все раннее средневековье (середина — последняя четверть 1 тысячелетия до н.э. — первая четверть II тысячелетия н.э.) с экстремом в VIII—X веках. В литературе этот промежуток времени известен как “потепление раннего средневековья” или, в соответствии с европейской терминологией, как “период викингов”. Вторая фаза, холодная и влажная, получившая название “малого ледникового периода”, охватывает этап со второй четверти II тысячелетия н.э. (по другим данным, что нам кажется вернее, с конца I тысячелетия н.э.) по XVIII век.

Происходившие климатические изменения не могли в целом поколебать сложившуюся на протяжении прошедших тысячелетий систему взаимоотношений “человек — природа”. Приобский край активно осваивался, чему мы находим подтверждение в резком увеличении количества археологических памятников всех типов: поселений-городищ, селищ, стоянок, грунтовых и курганных могильников, кладов и т.д. Так, в Октябрьском районе на 1995 год ученым известно не менее 110 памятников, в том числе с “чистыми” ранними комплексами неолита — бронзы — не более 10, остальные 100 (!) датируются эпохой железа и временем этнической современности. География археологических кустов — мест скопления древних поселений — “расширилась”: к уже известным добавились поселения Октябрьское, Триречье, Леуши, Чемаша. На всех кустах зафиксировано около 45 мест поселений или краткого пребывания человека времени энеолита — бронзы, около 40 — раннего железного века, 50 — средневековья, до 20 — этнической современности и 15 — эпохи железа (недифференцированно).

ЛУК И НЕВОД

Живи, трудись, охотник, рыболов...

Ю.Шесталов

Специфика природных условий региона способствовала развитию консервативности и стабильности общества. Кроме того, природные ресурсы определили еще одну особенность таежных культур — преобладание присваивающего хозяйства на основе охоты и рыболовства. Еще Г. Новицкий в начале XVIII века сообщал: “Главное упражнение остяков звериная и рыбная ловля”, причем великий путешественник XIX века В.П. Семенов-Тяньшанский подметил, что “промысловый район угров в основном совпадает с районом рыболовного промысла”, хотя московский археолог П.А. Дмитриев склонен считать ведущей отраслью аборигенов Урала охоту, а в “Тюменском крае — рыболовство”. За многие сотни лет предки ханты и манси выработали оптимальные варианты ведения хозяйства, предполагающие экономию сил, времени и вместе с тем — максимальную надежность.

С учетом исторических данных и этнографических наблюдений можно предположить, что охота делилась на активную (с луком и рогатиной) и пассивную (ловушками). Судя по тому, что наконечники стрел — наиболее массовая категория находок, “маркирующая” охоту — встречаются на всех типах поселений, ею занимались в течение всего года, но чаще, как и ныне, весной и осенью. Помимо лука и рогатины использовались ловчие ямы, загоны и засеки. Промысловые сооружения в виде ловчих ям находятся, как правило, на борových террасах, омываемых водоемами. Очевидно, в сочетании с загонами они перекрывали пути сезонных и суточных миграций копытных. Применялись как одиночные ямы, так и системы из 6—9 ям с расстоянием между ними от 16 до 85 м. К настоящему времени системы ловчих ям эпохи бронзы—железа открыты в бассейнах рек Конды, Северной Сосьвы, Казыма, Надыма и Пура. А вот от загонов и засек ничего не осталось, но по берегам быстрых уральских рек рукою художника раннего железного века на поверхности причудливых скал в красках изображены сюжеты охотничьих сцен с ловчими ямами, засеками, загонами. И рядом — фигуры животных, на которых охотились. В большинстве из них без труда можно узнать лося и оленя — излюбленные объекты охоты не только уральских, но и нижнеобских жителей. Хотя последние предпочитали охотиться все же на северного оленя, о чем свидетельствуют костные остатки из коллекций городищ Шеркалы I (обе

площадки), Перегребное I и Низямы IV. По данным П.А. Косинцева, на городищах Перегребное I и Шеркалы I (площадка I) начала II тысячелетия н.э. количество костных остатков северного оленя вдвое больше лосиных. Несомненно, кроме копытных охотились и на хищников: медведя (на тех же памятниках), волка (там же, кроме Низямы IV), росомаху. Кроме мясной, охота имела и пушную направленность, причем пушная охота носила товарный характер задолго до вхождения территории обских угров в состав Русского государства. Широкое распространение получила добыча бобра и зайца, лисицы и горностая, белки и соболя. В отдельные отрезки времени население успешно пополняло свои запасы за счет добычи водоплавающей и боровой птицы — гусей, уток, глухарей.

При всей привлекательности приведенных фактов они обладают одним существенным недостатком — малочисленностью. Поэтому несомненный интерес представляет еще один вид источников, свидетельствующий об охоте и роли обитателей тайги в жизни ее аборигенов. В первую очередь, это поделки птиц (глухарь, филин, сова, лебедь), промысловых животных (медведь, лось, олень, бобр, заяц) и их изображения на украшениях, культовых вещах и бытовых предметах, полученных с памятников правобережной Оби и, в целом, нижнеобского бассейна в эпоху железа (поселение Низямы 3, городища Низямы IV—V и Шеркалы I, могильник Шеркалинский, поселения Перегребное 2—4, городища Перегребное I, VI и др.). Среди птиц наиболее часто встречаются изображения “ночной темной птицы” — совы (Перегребное 4) — и лебедя (Шеркалы 1—2), из промысловых животных преобладают медведь (Низямы IV, Шеркалы 1—2), олень, лось (Низямы 3), бобр (Шеркалы 1—2). Незаслуженно мало поделок и изображений посвящено собаке — четвероногому другу и верному спутнику человека, делившему с ним все тяготы охотничьего быта. Собака — это и главный помощник на охоте, и бдительный сторож на отдыхе, не раз спасавший своего хозяина от нападения врага. Среди известных можно отметить берестяную фигурку собаки с городища Шеркалы I и бронзовую фигурку, исполненную в технике двухстороннего литья, из Сайгатинского III могильника около Сургута.

Значительную группу древних находок с поселений составляют средства охоты и орудия труда, применяемые при разделке туш, обработке шкур и кости. Почти на всех исследованных памятниках археологических кустов Перегребное, Шеркалы, Низямы встречаются железные и костяные наконечники стрел — самая многочисленная категория находок, причем достаточно хорошо прослеживается их специализация. Стрел, точнее, наконечников к ним, не-

сколько видов, в том числе вильчатые, многошипные, тупые, большие (из старых ножей) и пр. По этнографическим наблюдениям Н.Л. Гондатти, каждый вид стрел имел свою “специализацию”, применялся в охоте на какой-то отдельный вид животных: вильчатые — на птицу, многошипные — на рыбу, тупые (так называемые “томары”) — на пушного зверя, большие — на оленя, лося и прочих крупных животных. Изредка встречаются наконечники копий (городище Шеркалы I), а на селище Зеленая Горка у Салехарда найден рожок от лука. Часто попадаются железные ножи (Перегребное I, Шеркалы I), реже — костяные (Шеркалы 1—2), единичны находки деревянных ножей (Шеркалы 1—2). К редким находкам можно также отнести проколки (в основном костяные) и скребки (костяные, железные).

Так сложилось, что охота, как правило, не была единственным источником питания обитателей тайги, так как ее успех зависел от многих обстоятельств и не всегда сопутствовал охотнику. И тогда обращались к естественным запасам рек, поскольку продукты рыболовства — это не только рыба, но и, по свидетельствам первых путешественников и этнографов, одежда, клей, предметы быта: проколки, штампы и пр. Рыбу ловили сетями, запорами, били острогой, ловили, видимо, на удочку, т.е. существовали как коллективная, так и индивидуальная формы организации рыбного промысла. К сожалению, рыболовство представлено в коллекциях памятников эпохи железа слабее охоты.

Красноречивые свидетельства рыболовства в виде остатков чешуи получены с городищ Шеркалы I и Перегребное 2. Вместе с костями из слоев городищ Перегребное I, Низямы IV и других памятников бассейна Оби они подтверждают, что видовой состав рыбных косяков того времени мало чем отличался от современного (окунь, язь, щука, нельма, сырок). Много грузил, разных по величине и весу: с городища Шеркалы I—I — большие каменные, с поселения Перегребное 4 — средние глиняные. На некоторых грузилах замечены какие-то прорисовки. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что если на сеть с грузилом хорошо “шла” рыба, то на грузиле вырезали либо силуэт рыбы, либо символизирующий рыбу узор “елочка”. Помимо сетей, рыбу добывали с помощью лука, костяных гарпунов и стрел с наконечниками своеобразной формы. Добыча рыбы таким способом требовала от человека виртуозного владения оружием и мгновенной реакции. Дополняют коллекцию находок рыболовные крючки — костяные, бронзовые и железные (Перегребное 4, Низямы V, Шеркалы I, Юдинское городище в

Зауралье). Процесс обработки рыбы документируют костяные (Юдинское) и деревянные (Шеркалы I) ножи для ее чистки.

Заканчивая этот небольшой обзор по охоте и рыболовству нижеобского населения в эпоху железа, нельзя обойти молчанием интересное наблюдение группы новосибирских ученых, авторов популярной книги “Легенды и были таежного края” И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.И. Соловьева. Анализируя состояние общества и военного дела обитателей западносибирской тайги, они пришли к выводу, что “охота имела большое значение... в отработке системы коллективного взаимодействия, согласованности в последующих тактических операциях” при вооруженных столкновениях с неприятелем.

Нами было уже отмечено, что охота и рыболовство в отдельности, сами по себе, не могли прокормить таежные общины. Хозяйство при определенном перевесе того или другого вида деятельности носило все же коллективный характер и дополнялось собирательством, которое не прекращалось и в эпоху железа, хотя свидетельств этому, в силу специфики предмета разговора, крайне мало. Промысел объединяет, если судить по этнографическим данным, несколько подсобных занятий населения: сбор корнеплодов, орехов, ягод, кореньев, грибов (у неугорского населения). На памятниках археологии таких свидетельств мало, но они все же есть. Так, на правом берегу Оби, на городище Шеркалы I—I найдена деревянная колода с остатками орехов и колотушкой из сучка. Скопление остатков орехов обнаружено около жилища на поселении Перегребное 2. С городищ Низямы V и Шеркалы I известны костяные предметы, которые со ссылкой на южнотаежные и лесостепные аналогии можно отнести к мотыжкам для земляных работ, в том числе для собирательства.

ЗОДЧИЕ ДРЕВНОСТИ

*Пусть вырастут на этой стороне
сто домов и на той стороне сто
домов. Пусть посредине этих
домов, посредине многочисленных
домов появится мой дом.*

Из хантыйской сказки

В эпоху железа жители тайги, в том числе нижеобского бассейна, продолжают успешно пополнять накопленный за прошедшие тысячелетия опыт в области домо- и градостроения. По удачному выражению томских этнографов В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, “архитек-

турная мысль народа была в постоянном искании и находила все новые варианты и сочетания уже известных форм, остроумно использовала скромный набор строительных материалов и творчески применяла опыт других народов". Дополнительный толчок поискам дало, конечно, применение новых технологий. Правда на археологическом материале это новое прослеживается с трудом и зачастую в сильно измененном виде.

На всей рассматриваемой территории учеными-археологами зафиксированы все виды памятников (местонахождения, стоянки, селища, городища), характеризующие места обитания древнего человека на протяжении изучаемого периода. Также подтверждается существование в эпоху железа основных типов известных ныне построек. Предваряя их характеристику, заметим, что уже в то время, возможно, дом в представлениях коренного жителя тайги, как и нынешнего ханты, включал не только жилое сооружение, но и все обжитое пространство — лес, реку... Соответственно, все, что находилось в его пределах, считалось своим, оберегалось и хранилось с учетом не сиюминутных запросов, а интересов последующих поколений.

В наших построениях археологические данные сопоставляются с этнографическими. В отличие от предыдущих эпох, достаточно удаленных от этнографической современности, такое сопоставление в эпоху железа выглядит более корректным. Но главное — более основательной становится источниковая база, т.е. полученные в процессе исследований, в том числе раскопок, материалы по поселениям и жилищам. Например, на правобережье Оби стационарными раскопками вскрыто не менее 35—40 построек на 13—16 поселениях эпохи железа с Низямского, Шеркалинского и Перегребненского археологических кустов.

Анализ поселений, сооружений и полученного с них материала подтверждает, что выбор жилых мест зависел от специфики хозяйственной деятельности и характера местности. С учетом хозяйственной направленности, места жительства делились на поселения длительного, постоянного пользования (зимние и летние) и временные, сезонные. Зимние поселения круглогодичного цикла обитания ("зимники") строились, с одной стороны, поближе к реке как транспортной артерии, с другой — подальше от чужих глаз, в укрытии. Они представляли собой центры промысловых угодий и перспективных путей передвижения. Поселки по размерам были разные: от маленьких, из одного-двух домов ("муж из деревни, состоящей из одного дома"), например, Перегребное 2—3, до крупных ("птица городок

его из конца в конец пролететь не может...”). Они состояли из стандартных утепленных полуземлянок и наземных домов с мощными очагами и сложным интерьером в виде нар, хозяйственных ям и пр. Именно такими нам видятся остатки средневекового поселения Низямы 3—4 около заброшенной деревни Низямы на левом берегу устья одноименной реки.

Летние стационарные поселки располагались на гривах или ровных мысообразных площадках, как правило, около рек, на удобных для рыбного промысла местах, состояли из жилищ наземного типа с очагами, расположенными вне построек. Сооружения были стационарного, легкого типа (частично — переносные) с одним очагом на две-три постройки. Выходы были ориентированы к реке, в отличие от зимних построек с их более постоянной привязкой к розе ветров. В рельефе такие постройки иногда не видны, как, например, на поселении раннего железного века — средневековья Перегребное 4, расположенном на правом берегу устья реки Калтысянки у поселка Перегребное.

Наконец, временные, сезонные поселения и жилища. Поскольку археологический материал с них крайне ограничен, они реконструируются преимущественно по этнографическим данным. Весной местное население предпочитало селиться у стариц и проток для удобства ловли рыбы запорами и сетями, а также там, где росли тополь и осина для изготовления долбленок; летом — ближе к реке, на удобных для рыбной ловли песках; осенью — в зарослях для защиты от ветра. Для данных поселений характерно отсутствие следов деятельности годичного цикла и долговременных капитальных построек. Если постройки и были, то скорее всего переносные, как на стоянке раннего железного века Триречье около устья одного из ручьев в районе поселка Андра.

Но где бы ни селились предки, это были места традиционных занятий, богатые рыбой, зверем, птицей (“У нас, происходящих из селения, расположенного у рыбного источника”; “На боровой стороне реки он пожертвовал семь амбаров, изобилующих пушным товаром”). С целью дополнительной защиты поселения строились на естественных мысообразных участках в устьях рек, на островах и холмах (“... у жен и мужей, живущих на семи холмах”). Учитывались чистота площадки, дренированность почвы, отсутствие гнуса. По поверьям манси, запах смородины отгоняет гнус, поэтому именно “в Смородиновом городище” жил богатырь Виш-отыр.

Эпоха железа ассоциируется у историков с освоением новых технологий не только в производственной, но и в социальной сфере. Самым

очевидным и наиболее впечатляющим проявлением изменившихся общественных отношений служит появление укрепленных поселений — городищ. Их основное назначение — защита поселений при набегах врагов; одновременно они могли быть резиденцией богатыря, вождя, князя. Каждое городище — своеобразный архитектурный комплекс, построенный с учетом всех естественных возможностей: на острове или мысу (Шеркалы I), если на берегу, то невысоком и обрывистом, еще лучше — между глубокими оврагами (Перегребное I, Низямы IV, Шеркалы II). На незащищенных местах, например с напольной стороны, возводились укрепления. Система обороны для защиты поселков на протяжении железного века, как доказано учеными, менялась в зависимости от ситуации — от простейшего частокола с вырытым перед ним рвом до нескольких таких рядов (линий обороны), причем в средневековье на смену частоколу раннего железного века (Шеркалы I—I, нижний слой) пришла одно-, двухрядовая стена (Шеркалы I—I, верхний слой). Именно о такой стене говорится в героическом сказании: “Вот перед ними город высотой в семь лиственниц” или “... вокруг поселка в семь рядов палисады поставил. С внутренней к ним завалы поставил, чтобы через стенку стрелять ловко было бы”. За состоянием оборонительной системы следили и при необходимости ремонтировали: “... выстрой новый частокол у твоего города из свежего дерева на месте старого, который иструхнул”. Прототипами таких поселений на рассматриваемой территории могут быть городища Товгор-Лор V на озере с одноименным названием, Каксинская гора I на реке Амне в бассейне реки Казым, Шеркалы VI, Низямы V, Перегребное VII на правом берегу Оби, одно из Ендырских поселений обского левобережья и пр.

После выбора места площадки под поселения выравнивались, и проводилась их застройка. На ранних этапах железного века площадки были существенно больше средневековых, а застройка — более неупорядоченной по сравнению с последующим временем (например, Товгор-Лор IV и Ендырское городище). Как и на селищах, здесь возводились наземные и полуземляночные дома жилого, культового, производственного назначения. Кроме того, по этнографическим данным, строились специальные “оленные” и “собачьи” постройки. Еще в раннем железном веке оформляется обобщающий тип стационарного жилища, характерный для всего последующего периода, в виде однокамерной подчетыреугольной в плане постройки с боковыми нарами и центральным очагом напротив входа, устроенного в южной или юго-восточной (юго-западной) стороне (жилище I поселения Куртолен 2). Дополняли интерьер построек хозяйственные ямы, расположенные как внутри, так и вне сооружений, как правило, между

ними (городище Низямы IV).

На поздних памятниках дома стояли выходами навстречу друг другу, образуя улицу. Как видим, обитатели тайги со временем научились более рационально использовать жилую площадку. Исключение составляют поселения с временными постройками (шалаш, чум), следы которых практически не фиксируются, поэтому говорить об их застройке трудно.

Анализируя структуру общества “героического времени”, знаменитый собиратель обско-угорского эпоса С.К. Патканов выделяет три типа поселений: городки (“вош”), городища (“вош-пай”) и медные города (“пыхтыр-вах-вош”) — небольшие крепости, окруженные палисадниками и, как сообщают былины, крытые сверху “медными листьями”. Медные города?! Вы улыбаетесь, читатель. Но, может, погасим улыбку и вспомним представления древних о меди как о металле, приносящем превосходство и победу. Очевидно, и в эпоху железа медь рассматривалась как знак и сакральности, и непобедимости. “Медные города” переходят в другую ипостась, устремляясь вверх и даруя веру в непобедимость.

ТАЕЖНЫЙ ПЕРЕЗВОН

*К чему ты идешь с пустыми
руками? Не иди.
Я дам тебе три серебряных прута,
Потом три медных прута,
Потом три железных прута.*

Из хантыйского эпоса

В новую эпоху, несмотря на широкое применение старых естественных материалов — камня, кости, дерева и бересты, определяющими стали бронзолитейное и, главным образом, железоделательное производства, поскольку пусть не сразу, но постепенно, к рубежу эр железо прочно вошло в быт населения. Большую часть необходимых в хозяйстве предметов — и бронзовых, и железных — местное население изготовляло само, но если литьем бронзы занималось, по данным специалистов, почти все взрослое мужское население, то производством железа — единицы. С момента становления выплавки и обработки металла эти люди были окружены разного рода таинствами, отражающими особое отношение к этому процессу и к занимавшимся им лицам, что нашло выражение в мировой литературе. Образ кузнеца-металлурга можно встретить в мифологии, эпосе, фольклоре, причем не всегда он относится к положительным персонажам. Видное

место кузнецы занимают в героических эпосах, воспевающих “первопредка”, (к ним относятся Прометей, кузнецы Гефест, Ильмаринен и др). В мифах их особая роль подчеркивается непосредственным участием в создании мира. В угорских “медвежьих” песнях центральным персонажем является чудесный кователь Нуми-Торум. В мансийском сказании “Младший из трех братьев” главному герою помогают старики-кователи в образе духов его умерших предков. К сожалению, уточнение этого вопроса осложнено как отсутствием металлургического производства у обских угров к моменту появления здесь первых путешественников и этнографов, так и немногочисленностью рассматриваемой категории вещей (в первую очередь, бронзовых) в археологических памятниках Нижнего Приобья в целом и лево- и правобережья Оби в пределах изучаемого района в частности. Наиболее представительными выглядят коллекции с городищ Шеркалы I/—2, Перегребное I и Ендырское.

Ограниченность распространения бронзовых изделий объясняется, на наш взгляд, не столько отсутствием технологических навыков, сколько ограниченностью сырьевых ресурсов. По мнению специалистов, бронзовые вещи изготавливались здесь путем переплавки других бронзовых предметов или поступали по торговым путям. Но привозные товары покрывали только часть спроса, остальное производилось на местах при сильном воздействии традиций литья бронзы. О длительности существования бронзолитейных традиций свидетельствует распространение в первой половине I тысячелетия н.э. клинкового железного оружия с биметаллическими (железными и бронзовыми) деталями. Такой предмет — так называемый клевец — был найден на городище Нумто III у одноименного озера в верховьях реки Надым. Ручка у этого оружия бронзовая, а острие выполнено из железа. Бронзовые кельты и наконечники стрел, наряду с железными изделиями, встречаются еще в коллекциях начала нашей эры.

Одним из самых интересных нововведений раннего железного века является так называемая металлопластика — изображения людей (антропоморфная пластика) и птиц (зооморфная пластика). В целом, для первой группы характерны реалистические образы, для второй присущ схематизм, хотя бывают исключения. Так, из коллекции городища Шеркалы I известны две фигурки хищных птиц — одна (маленькая) целая, вторая (большая) не завершенная, видимо, из-за литейного брака. Они напоминают, особенно первая, орлов. А орлы в угорской мифологии известны как ездовые птицы для путешествий шаманов к высшему божеству хантыйского пантеона — Торуму. По мнению одного из авторов раскопок памятника С.Г.Пархимовича, эти

уникальные фигурки птиц — одно из древнейших изображений в раннем железном веке гигантской птицы Карс, известной нам из мифов, сказок и поверий угров. А как реалистична фигурка медведя в так называемой жертвенной позе (с помещенной между ногами головой) с раннесредневекового поселения Низямы 3! Как проработаны все детали, вплоть до костей хищника! Задумчив и спокоен взгляд зверя. Именно таким видится Хозяин тайги, каковым он слывет среди таежного населения и кого считают одним из своих далеких предков ханты и манси. А вот фигурка и другого предка — более близкого по времени и образу. Это дух предка-богатыря, изображенного в полный рост, в статичной позе, в полной боевой форме: на голове шлем с наглазниками, колени защищены специальными наколенниками. Чем не автопортрет? Все фигуры выполнены в технике одностороннего литья. Но существовала и другая техника — двухстороннего полого литья. Именно в ней сделана часть предметов Шеркалинского клада, в частности изображения лебедя и хищников (волков? росомах?). Кроме того, в клада обнаружены два бронзовых зеркала и выполненный в одноплоскостной манере бобр.

В раннем средневековье (вторая половина I тысячелетия н.э.) в бронзолитейном производстве происходят существенные изменения. Если раньше мастера-бронзолитейщики наряду с украшениями и предметами культа делали преимущественно орудия труда и оружие, то теперь бронзолитейное дело направлено в основном на изготовление украшений, культовых предметов и наверший. В металлопластике также появляются новые сюжеты: в антропоморфной — чаще стали отливать фигурки людей в полный рост (описанная с городища Шеркалы I и в обломке с Перегребного I), нередко с признаками пола; в зооморфной — вместе с традиционными образами дикой фауны распространяются изображения домашних животных.

В средневековом бронзолитейном производстве широко сохраняются технологические достижения прошедших веков, достигает высокого совершенства качество отливок и их обработки. Создаются деревянные и костяные модели для сложного литья, освоена техника пайки.

Но все технологические нововведения в бронзолитейном деле были всего лишь слабой тенью новшеств железодельного производства. Особенностью технологии производства железных вещей в средневековье было преднамеренное пакетирование заготовок. Средневековые мастера научились соединять железо и высокоуглеродистую сталь, владели многими способами наклепа и т.д. Из всех видов термической обработки использовали преимущественно закалку в холодной воде.

Сырьем для железоделательного производства служил лимонит (бурый железняк), в изобилии встречаемый в заболоченных поймах рек. Его куски нередки в коллекциях памятников нижнеобского бассейна. Для флюсов, очевидно, использовали измельченные шлаки и кости животных, для разогрева металла — обычные домашние очаги. Находки ошлакованных обломков сосудов документируют применение кузнецами муфельного способа цементации железа. По сведениям специалиста по металлообработке, А.П. Зыкова, они владели приемами свободнойковки, им было известно упрочение изделий за счет холодной деформации, широко использовалась кузнечная сварка.

Со второй половины I тысячелетия н.э., когда железо уже прочно вошло в быт и сознание населения, определив дальнейший прогресс хозяйственного и общественного развития древних коллективов Нижней Оби, усилилась тенденция к профессионализации металлургического ремесла. В больших коллективах складывались группы людей, а в малых — выделялись отдельные специалисты, накапливавшие знания и опыт по выплавке и обработке металла и ревниво хранившие свои секреты от чужаков, передавая их только своим преемникам.

Может быть, дом именно такого металлурга-умельца был открыт на городище Низямы V в 1984 г. Постройка имела подквадратный в основании котлован размером 9 x 9 м и глубиной около 1 м. Центр занимал мощный очаг 3,8 x 1,5 м x 0,5 м. При его обустройстве и в процессе использования употреблялись камни, в большом количестве обнаруженные рядом. Случай редкий: абсолютное большинство используемых очагов имело костровой характер. В очаге и на околоочажном пространстве было обнаружено много обломков разбитых тиглей — глиняных сосудов для плавки металла — и кальцинированных (пережженных) костей, которые могли использоваться двояко — и в качестве флюсов, и как топливо. Помимо тиглей, найдено несколько развалов сосудов, мелких шлаков и изделий из бронзы и железа.

В археологических коллекциях железоделательный процесс представлен, как правило, тремя группами вещей: отходами, предметами обслуживания плавки металла и его обработки и готовыми изделиями. К отходам относятся крицы и, главным образом, шлаки (Низямы V, Каксинская гора V, Куртолен II). Предметы обслуживания представлены шире, хотя встречаются также редко. Это тигли, льячки (емкости для разлива металла), щипцы, молоточки (Низямы V, Шеркалы I/I—2). Ассортимент готовых изделий велик и представлен орудиями труда (ножи, топоры, скребки, провертки,

скобы и др.), оружием (наконечники стрел, копий, шлемы, панцирные пластины и др.), предметами быта (котлы) и редко — культовыми вещами или игрушками (?) (например, изображение змеи с городища Шеркалы).

Процесс формирования кузнечного производства в изучаемой зоне как части широкого таежного региона завершился к раннему средневековью, и вплоть до XVII—XVIII веков каких-либо серьезных технологических изменений не наблюдается. Такая застойность предопределила особую роль импорта качественных кузнечных изделий и некоторых бытовых предметов в жизни таежного населения, например, быстрое распространение в Зауралье и нижнеобском бассейне в первой четверти II тысячелетия н.э. металлической посуды (сначала бронзовой, позднее — железной), почти полностью заменившей глиняную, изготовление которой по-прежнему было уделом женщин и оставалось одним из главных направлений в традиционном домашнем промысле — производстве керамики.

«ПИСЬМО» ИЗ ПРОШЛОГО

*А еще как наши горы я прошу
любить узоры,
Те рогатые разводы, те крылатые
мечты...
Нет красивей этой моды, этой
древней красоты.*

Ю.Шесталов

Посуда древних людей может быть разделена по своему назначению на бытовую (обычную, повседневную) и производственную. Сосуды, известные из могильников рассматриваемого региона (например, из Шеркалинского) ничем (ни формой, ни составом глины, ни узорами) не отличались от поселенческих, поэтому говорить о наличии ритуальной посуды мы не можем. Процесс лепки сосудов кажется несложным, хотя на самом деле это трудоемкое дело, начиная от выбора и подготовки глины и кончая нанесением узоров и сушкой готовых изделий. Посуду изготавливали двумя способами — выбиванием из куска глины специальным приспособлением в виде колотушки и спирально-жгутовым методом, который являлся основным. В глиняное тесто после тщательного очищения и перемешивания добавляли в качестве отощителя примеси в виде дресвы (толченого камня) и шамота (керамики). Из промешанной глины делались жгуты, которые затем поднимались спирально на высоту сосуда. Швы и стенки

разглаживались смоченной травой или дощечкой (их следы довольно часто можно увидеть на внутренней поверхности сосуда), потом сосуды украшались узорами и, наконец, высушивались и обжигались.

Бытовая посуда различается емкостью (от миниатюрных изделий до громоздких), типами (чашки, горшки, банки), назначением (для еды, содержания воды, хранения дикоросов и прочих продуктов питания). Но это уже результат реконструкции, а при полевых исследованиях мы преимущественно имеем дело с обломками (черепками, фрагментами) сосудов. Так что же для нас является основным при их «прочтении», при отнесении посуды к определенной эпохе?

Мы уже отмечали, что некоторые места правобережья Оби и всего региона посещались неоднократно, в том числе есть подтверждения о значительном совпадении мест расселения в эпоху бронзы и железа. Соответственно, жители поселков в разное время должны были использовать одни и те же выходы глины. Казалось бы, и посуда не должна отличаться, а между тем в ее украшении и особенно в технологии производства произошли существенные изменения. Прежде всего, меняется форма днищ: вместо плоских эпохи бронзы распространяются округлые, которые существуют до конца эпохи железа. Интересный феномен, до сих пор занимающий ученых, — поддоны керамических сосудов. Их назначение, как и строительных поддонов — поддержка «груза», в данном случае — тулова сосуда. Их появление в первой половине раннего железного века многими учеными увязывается, и не без основания, с распространением на территории Западной Сибири скифских бронзовых котлов с поддонами из лесостепной зоны Евразии. По преобладающему мнению, поддоны керамических сосудов — имитация детали бронзовых котлов. Можно спорить, самостоятельное ли это технологическое решение или все же «дань моде», но бесспорно их широкое присутствие в коллекциях раннего железного века (Октябрьское I, Низямы II, IV, V, Перегребное 4, VI и др.).

Меняется форма днищ, меняется и манера украшения сосудов: если в эпоху бронзы большинство из них украшалось по всей поверхности, то в первой половине раннего железного века — только в верхней трети, в лучшем случае — до двух третей. Узоры более просты и грубы. Посуда второй половины раннего железного века и раннего средневековья более изящная и нарядная благодаря использованию штампов, которые наносились с помощью костяных или деревянных орнаментиров, а также птичьими косточками и другими предметами. Различаются штампы простые (уголок, скобка, ромб) и сложные («уточка», «змейка», трехчленный).

Производственная посуда, возможно, не так красиво оформлена и не так изящна, но, безусловно, необходима в хозяйстве. Это прежде всего емкости для обслуживания металлоделательного производства, в частности льячки и тигли. На протяжении железного века их формы меняются от овальных со сливом в раннем железном веке до рюмковидных в средневековье. На некоторых довольно редких памятниках — главным образом, средневековых — встречаются обломки сосудов, внутренняя поверхность которых ошлакована либо оплавлена. Видимо, это фрагменты посуды, непосредственно использованной в процессе плавки. Одна из таких технологических (?) емкостей была найдена в 1987 г. на городище Низямы V (раскоп III, жилище 2). Сосуд представляет собой плоскодонную чашу с вертикальными стенками и открытым устьем. Передняя стенка имеет овальный вырез с намечающимся сливом, задняя практически отсутствует. На высоте 4—5 см от днища на стенках сосуда напротив друг друга проделаны округлые отверстия диаметром 2 см. Дно в нескольких местах ошлаковано, иногда достаточно сильно: возможно, там стоял тигель. Общие размеры сосуда: высота — 17 см, длина — до 18—19 см, толщина стенок 5—8 мм, днища — не менее 10 мм. Сосуд аналогий не имеет.

Кроме посуды, из глины делались грузила (Перегребное 4), пряслица (Низямы V, Шеркалы I/I — ров) и разного рода бытовые предметы. Отдельно стоит такая категория предметов, как формы для отливки вещей из металлов. Возможно, к ним относятся несколько орнаментированных обломков из хорошо отмученной глины (?), скорее напоминающей камень с городища Шеркалы I. Некоторые узоры похожи на процарапанные на бронзовых и серебряных изделиях фигуры животных (бобров?), другие — на ломаные линии затесов на охотничьих тропах межозерья Товгор-Лор и Емант-Лор.

Еще одной загадкой, вызывающей оживленный спор ученых, можно назвать особый вид глиняных поделок. Речь идет о так называемых антропоморфных глиняных скульптурках — сильно стилизованных человеческих фигурках или их деталях (голова, туловище и др.). Поверхность фигурок украшена и создает видимость какого-то покроя одежды (?). Одни ученые считают их охранителями очага, другие связывают с игрушками, третьи — с производством металла и пр. Но, по единодушному мнению, это один из немногих источников для реконструкции одежды таежных аборигенов. Такая группа поделок найдена нами на городище Шеркалы I и является, по мнению Н.В. Федоровой, “еще одним элементом, характеризующим материальную культуру населения второй половины I тысячелетия н.э. лесной полосы Приуралья и Западной Сибири..”.

Несмотря на высказанное единодушное мнение, еще много вопросов остается без ответа. И главный из них — а что вообще представляет собой орнамент? Для чего украшались пряслица, формы для отливки металлических изделий, рукоятки ножей, наконец, керамика? Что заставляло древних людей тратить столько сил на украшение, казалось бы, обыденной вещи? Почему нет одинаково украшенных сосудов? Некоторые ученые считают, что орнамент есть отражение модели мира. Как это “научно” и абстрактно, а насколько ближе и понятнее мнение выдающегося ученого современности В.Н. Чернецова, который сравнивал отдельные оттиски “археологических” штампов со следами животных и птиц. Ему вторит известный этнограф З.П. Соколова, утверждая, что некоторые типы узоров на берестяных изделиях, одежде, обуви и предметах утвари у ханты — особенно зооморфные и растительного характера — близки орнаментам древней керамики (в частности “оленьи рога”, “заячьи уши”, “голова соболя” и др.). Некоторые из узоров, по мнению В.Н. Чернецова, легко читаются. Так не письмо ли это? Именно с этой позиции рассматривает орнамент хантыйский ученый, специалист по орнаменту Т.А. Молданова. По ее мнению, “во многих мотивах орнамента зашифровывалось мировоззрение народа”, “в названиях (словесных знаках) скрыта большая информация (опыт поколений), а мотив конкретного узора (изобразительный знак той же информации) закреплялся как ключ к его воспроизведению в памяти”. В таком случае, каждый из элементов узора — словно отдельная буква в слове или слово в предложении. И превращается украшенный узорами черепок в послание из прошлого. А если еще провести анализ глиняного теста сосуда, выяснив состав, происхождение, способ изготовления? О многом мог бы рассказать небольшой черепок, тем более целый сосуд. Главное — как все это прочесть?

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

*Обе рукавицы из кожи филина он
вертит в одной руке,
вертит в другой: как шов шился — не
видно,
как работа работалась — не видно;
или они в таком виде были сделаны?*

Из хантыйского эпоса

Наряду с гончарством для обеспечения нормальной жизни древнего населения в эпоху железа продолжали развиваться такие домашние производства как обработка шкур и кости, дерева и бересты, ткачест-

во. При этом использовались приемы, накопленные за сотни лет предыдущими поколениями.

Из названных подсобных занятий косторезное производство, наверное, древнейшее и занимает важное место в хозяйственной деятельности таежных насельников. Это подтверждается большим количеством заготовок и обрезков кости, предметов из кости и рога, где значительную часть составляют наконечники стрел. Именно кость служила материалом для изготовления рыболовных орудий (острог, гарпунов, крючков) и большинства скрепляющих деталей средств передвижения, в частности вертлюгов для собачьей упряжки. Довольно часты находки проколов и рукояток ножей, реже встречаются игольники, скребки и ножи для чистки рыбы и обработки шкур. Особый интерес вызывают предметы быта (пряслица, ложки, гребни и пр.), поскольку иные изделия имеют не только потребительскую, но и художественную ценность, например ложка с городища Низямы IV, найденная в траншее, проложенной через напольную поверхность памятника в 1983 г. Небольших размеров (длиной до 14,3 см, шириной лопаточки до 4,8 см) с плавными контурами и аккуратным рядом параллельных насечек на конце рукоятки, она создает впечатление легкости. Интерес представляет и гребень с городища Шеркалы I. Кстати, среди домашних предметов гребень занимает особое место. Дело в том, что вместилищем человеческой души, по представлениям многих народов мира, являются волосы, поэтому скальпировать — значит отнять у врага душу. Соответственно, гребень играл роль оберега. Исследователи традиционной культуры обских угров связывают тайну надежности и притягательности выполненных в традиционной манере предметов с «очеловечиванием изготавливаемой вещи».

При обработке костяных изделий применялись, очевидно, все те приемы, что известны и сейчас: пиление, строгание, сверление, резьба. Надо полагать, что этот процесс шел успешнее, когда кость находилась в распаренном состоянии.

Специфическими занятиями женщин, помимо лепки посуды, были изготовление ткани и выделка шкур, их раскрой и пошив. По этнографическим данным, полотно ткалось из волокон крапивы и конопли, которые обрабатывались с помощью чесал (Шеркалы I) и пряслиц — довольно многочисленной категории находок с поселений правобережья Оби. Образцы тканей в археологических коллекциях крайне редки. Пока что они получены с Сайгатинских 3 и 4 могильников (XII—XIV века), городища Ярте VI (конец I тысячелетия н.э.) и с городища Шеркалы I. Анализ сайгатинских образцов, проведенный тобольским ученым Т.Н. Глушковой, выявил наличие саржевой

ткани, выработанной на вертикальном ткацком станке. Шеркалинский образец еще ждет своего исследователя.

Тип одежды у коренных обитателей тайги хорошо изучен этнографами. К археологическим источникам можно отнести, с определенной долей вероятности, уже упоминавшуюся категорию предметов — антропоморфную глиняную пластику, в узорах которой большинство исследователей видит имитацию (подражание) одежды и украшений. По мнению известных угроведов В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской, эта одежда, надеваемая через голову, близка мансийской и хантыйской парке.

Шкуры крупных животных — северного оленя, лося, медведя — шли на покрытие чумов и пола, одежду и обувь. При изготовлении последних применялись шкурки пушных животных — белки, горностая, бобра, лисицы и др. Для выделки шкур использовали каменные, костяные, а позже и железные скребки, костяные лопаточки, ножи; для раскройки — резцы (преимущественно костяные и железные); для пошива — проколки, иглы.

С древнейших времен насельникам Оби были хорошо известны качества древесины (ель — гибкая и легкая, сосна — крепкая, кедр — мягкий, пихта — хрупкая и т.д.). С учетом этих качеств дерево и использовалось либо при строительстве крупных объектов — защитных сооружений, домов, транспорта, — либо для изготовления домашней утвари, охотничьего инвентаря, поделок и пр. Сначала дерево раскалывали, что подтверждается находками костяных клиньев, в дальнейшем обрабатывали с помощью тесел или топоров (Шеркалы I, Перегребное I). Если требовалось, бревна сращивали и надставляли (“соединить концы бревен”). Мастерам были известны и такие операции, как сверление, пиление, строгание: единичные орудия труда для этих операций (или их детали) встречены на тех же городищах Шеркалы I и Перегребное I. Небольшие предметы и поделки обрабатывались, видимо, с помощью ножей, скобелей, резчиков. Ножи — довольно частая находка (Шеркалы I, Перегребное I, 4, Низямы 3, IV, V), а вот остальные инструменты встречаются довольно редко (Шеркалы I/I-2).

Никто (очевидно, ни археологи, ни этнографы) не возьмет на себя смелость сказать, когда впервые человек применил бересту, нашедшую в древности и в наше время такое широкое применение. Из бересты делали и хозяйственную утварь, и покрытие построек, и полотнища для погребений... В силу специфики условий сохранности древних предметов в песчаном грунте остатки бересты, не говоря уже о целых изделиях, на памятниках крайне редки. С сопредельных территорий самые близкие находки целых берестяных изделий происходят из Сайгатинских могильников. До недавнего времени на поселениях

Нижней Оби находки бересты, и то, в лучшем случае, в виде маленьких фрагментов каких-то изделий, были крайне редки. Но после раскопок на городище Шеркалы I с обеих исследованных площадок получена великолепная коллекция берестяных поделок, хоть и небольшая, но впечатляющая: это фигурки лошадей, всадника, собаки, а также туески. Изображения лошадей и всадника вырезались, возможно, для ритуальных обрядов, связанных с почитанием небесного всадника и приношением ему даров и символических жертв. Стенки и днища берестяных сосудов покрыты выскобленными узорами, частично напоминающими настоящие лабиринты хитросплетений, среди которых, присмотревшись, можно различить изящные и гордые, выполненные в стилизованной форме фигурки оленей и гуся. Но большинство узоров выполнено в виде простых геометрических фигур. Некоторые из них, как и на многих современных бытовых предметах, почти один к одному совпадают с орнаментом сосудов эпохи бронзы — раннего средневековья (“оленьи рога”, “заячьи уши” и другие композиции). Поистине — не прерывается связь времен!

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

*И сказал им Торум:
— Вот я создал для вас оленей,
овечек, зайцев, коров и лошадей;
кожей их вы будете одеваться.*

Из хантыйских мифов

“Новая эпоха с ее возросшими экономическими возможностями, расширившимися культурными связями, с иным уровнем и строем социальных отношений и религиозных представлений принесла с собой немало нововведений в ряде направлений, производств”. Это замечание омского археолога Б.А. Коникова полностью подтверждается анализом состояния хозяйства обитателей Нижней Оби и прилегающих территорий в эпоху железа. Таежное население, опираясь на исторический опыт предков и под влиянием соседей — южных (южно-таежных и лесостепных) и северных (северотаежных и тундровых), осваивало отрасли производящего уклада хозяйства — коневодство и оленеводство, а в более южных районах — скотоводство.

Считается, что в северных районах коневодство и тем более скотоводство появились под влиянием коми-зырян и русских, а в южных — русских и татар. В то же время некоторые элементы материальной и духовной культуры угров, их терминология свидетельствуют, по

мнению Е.Г. Федоровой, что “названные занятия у манси своими корнями уходят в среду древних кочевников-скотоводов и трансформируются в процессе культурно-исторического развития”. Обратившись к фольклору, религии и обрядовым праздникам ханты с реки Казым, можно обнаружить, по сведениям Т.А. Молдановой, “ярко выраженный культ коня”. А о всаднике на белом коне Мир-суснэ-хуме, которому поклонялись манси, и в Астый-ики (Верховьев Оби мужчина) специалисты видят аналогии с иранским солнечным божеством Митрой и доказывают их взаимосвязь.

Таежное население познакомилось с лошастью еще в эпоху бронзы, около 4 тысяч лет назад — так, по крайней мере, свидетельствуют археологические данные. Ее остатки наиболее многочисленны среди костей домашних животных и в средневековых остеологических коллекциях Нижнего Приобья. На правобережье Оби лошадей разводило (?) население городищ Шеркалы I и Перегребное I, о чем говорит наличие костей молодых особей. Были знакомы с лошастью и насельники городища Низямы IV. Возможно, к первой половине I тысячелетия н.э. относится появление в этих краях известного по историческим источникам XIX века местного вида лошади — “вогулки”. В отдельных случаях ее кости сильно раздроблены — очевидно, мясо лошади шло в пищу, а также и для жертвоприношений (“белый конь”). На жертвенном месте, существовавшем на второй площадке городища Шеркалы I, среди прочих определено 425 костей лошади от 12 костяков. Естественно, они накапливались со временем, но в определенной степени отражают место коня в хозяйственной деятельности населения в эпоху железа, особенно в средневековье. Наглядным подтверждением его роли могут быть фигурки всадников с городища Шеркалы I/I (береста) и из могильника IX века Барсовского I (бронза). Помимо прочего, в совокупности с находками конской упряжи в погребении № 68 того же могильника у города Сургута, они говорят об использовании коня в качестве транспортного и ездового животного.

Несмотря на значимость коневодства для таежных жителей, основную роль в хозяйстве все же играл олень. Оставим в стороне споры о происхождении оленеводства и времени его появления у нижнеобского населения. Заметим только, что гипотеза о местных корнях оленеводства достаточно жизнеспособна. Документы XV века, рассказывая об одном из походов русской рати за Урал, отмечают: “...у Ляпина встретили их с Обдора на оленях югорские князья...” А вот археологические свидетельства с памятников первой половины I тысячелетия н.э. — с городищ Шеркалы I и Перегребное I, где среди костных остатков большинство

принадлежит, по сведениям П.А. Косинцева, северному оленю. Его остатки найдены и на городище Низямы IV первой половины — середины I тысячелетия н.э. По данным специалистов, в этой зоне оленеводство было транспортным. Впервые, видимо, северный олень в качестве тягловой силы был использован еще в раннем железном веке (конец I тысячелетия до н.э.). По мнению В.Н. Чернецова, некоторые предметы, найденные на городище Усть-Полуй в городе Салехарде, напоминают детали узды оленя-манщика. Новые факты переносят нас в начало I тысячелетия н.э. на городище Мань-Няслан-Тур, что на реке Ляпин, а также на городища Шеркалы I и Перегребное I, жители которых тоже использовали оленей и где недавно были найдены детали оленьей упряжки.

Найденные на памятниках кости оленя сильно раздроблены, ведь олень — один из источников питания таежного населения. Был он также незаменим при изготовлении одежды и утвари, орудий труда и оружия. Жир, печень и содержимое желудка использовались как средство для обработки шкур. Обо всем этом, опираясь на этнографические данные, рассказывают томские этнографы В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина в книге “Знакомьтесь: ханты”, а археологические находки с нижеобских памятников эпохи железа — яркое тому свидетельство.

Верным спутником жителя тайги уже давно стала собака, делившая с ним все невзгоды охотничьего быта. Древний человек использовал ее с незапамятных времен. Как ценное животное, “угодное богам”, собака приносилась в жертву духам при ритуальных церемониях. Одно из жертвоприношений было совершено при закладывании дома на средневековом поселении Перегребное 4. Прежде чем строить сооружение, под тремя углами постройки были захоронены собачьи черепа. По всей вероятности, они выступали в данном случае в качестве оберега от злых духов, как конские черепа — на оградах древнеславянских поселений. Как ездовое или транспортное средство собаки могли использоваться, возможно, еще в раннем железном веке. Подтверждение этому получено на городище Усть-Полуй, где найдены вертлюги, возможно, от собачьей упряжки. Такой же вертлюг обнаружен на городище Шеркалы I.

О широком использовании собак говорит обширный остеологический материал с уже упомянутых памятников правобережья Оби, в том числе отдельные черепа и скелеты. Они разнообразны по величине, среди них много крупных. В силу недостатка сведений трудно связать эти различия с хозяйственным использованием собак (для охоты, езды).

Утверждение, что население Нижнего Приобья занималось разведением домашнего скота, было бы, видимо, неразумным для периода до начала II тысячелетия н.э., хотя мелкий рогатый скот появился на правобережье Оби (городище Низямы IV) еще в середине I тысячеле-

тия н.э. Скорее всего, его использовали для жертвоприношений. Но вот в остеологических коллекциях с памятников в XI—XIII веках уже встречаются кости крупного рогатого скота и свиньи (Юдинское городище в Среднем Зауралье, Перегребное I, Шеркалы I). Косвенным подтверждением знакомства со скотоводством (в северных районах) и его наличия (в южных) служат изображения головы быка на бронзовой пряжке из Ликинского могильника (Зауралье) и барана (могильник Барсов городок у Сургута).

Несмотря на навыки оленеводства, собаководства и ограниченное применение коневодства, развитие скотоводства не характерно для коренного населения таежного Приобья. В хозяйственном развитии угорского населения в эпоху железа наблюдаются, с одной стороны, статичность, определяемая консервативностью материальной культуры, с другой — процессы, обусловленные взаимодействием разных групп населения. “Базой” статичности являлись традиционные формы хозяйства — охота и рыболовство, а взаимодействие и динамику обусловило скотоводство.

ОТЗВУКИ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

*Давай-ка последние вытряхну крохи
Из тощей сумы отошедшей эпохи.
Узнаю, вернувшись к былым берегам,
Каким наши деды молились богам.*

Р.Ругин

Человек смертен, а бессмертие — это всего лишь сон или мечта, но мечта настолько сильная, что посредством ряда простых по исполнению действий воображаемое выдается за действительное. Человек умер здесь, в нашем реальном мире, но жив там, в воображаемом потустороннем мире. Вера в потусторонний мир еще в недавнее время была реальна и сильна. Она поддерживалась действиями, которые входили в погребальный обряд и являлась частью более обширной мировоззренческой системы, знание которой, в том числе погребального обряда, дает возможность коснуться не только материальной, но и духовной стороны жизни древнего населения берегов Оби. К сожалению, это одно из “белых” пятен в исследовании древнего общества, начиная с эпохи камня и включая средневековье. Источники крайне редки. Так, на правобережье Оби известны единичное захоронение на городище Низямы V, грунтовый могильник Шеркалинский и курганное захоронение Перегребное 5, относящиеся к этому времени.

Из названных самое раннее по времени — захоронение на площадке городища Низямы V. Оно обнаружено на глубине 70—80 см от поверхности, между слоями эпохи бронзы и раннего железного века. Выше нарушение почвы не фиксировалось. После расчистки погребения выяснилось, что скелет лежал на спине, головой на запад. Слева от черепа были обнаружены лопатка и кости левой руки. Остальные кости лежали в 40—70 см к востоку—юго-востоку от черепа. Такое положение костяка позволило автору раскопок С.Г. Пархимовичу сделать предположение о возможной скорченной сидячей позе покойного в момент его погребения (?). Ни следов могильной ямы, ни сопровождающего инвентаря не обнаружено. Лишь несколько мелких фрагментов керамики эпохи бронзы. Скорее всего, это случайное, совершенное в спешке захоронение. И захоронение ли? Возможно, перед нами следы какой-то давней трагедии, разыгравшейся много веков назад на берегах Оби.

Более полное представление о погребальном обряде раннего железного века дает Шеркалинский могильник. Для захоронения своих сородичей жители правобережного устья реки Шеркалинской (Шеркальской, Шеркалки) и берегов Оби выбрали высокий чистый мыс, резко вдающийся в старичную протоку. Через две тысячи лет могильник был обнаружен томским археологом Е.А. Васильевым при исследовании поселения бронзового века Шеркалы IX, на площадке которого древние, не подозревая об этом, совершали погребения умерших.

По данным исследователя этого могильника, крупнейшего знатока древностей эпохи железа, доктора Л.А. Чиндиной, на могильнике были совершены два типа погребального обряда — ингумация (трупоположение) и кремация (трупосожжение). По обряду трупоположения были захоронены три человека. Один из умерших похоронен в деревянном ящике, сгоревшие остатки которого сохранились по краю и на дне могилы средних размеров (2,5 x 0,55 м) глубиной (в материке) 15 см. Дно ящика устлано берестой, в которую, возможно, завернули покойника. Его положили на спину, головой на восток. Одежда и головной убор были украшены бусами, бронзовыми бляшками, пронизками и подвесками. Назначение двух железных предметов из-за плохой сохранности определить трудно. Из других предметов найдены кремешок в области пояса (возможно, остатки кресала) и расположенный в ногах сосуд. Несколько в стороне от описанного погребения, севернее, найдены три округлые ямки размерами 12 x 20—35 см, заполненные пеплом, включениями пережженных костей и вещами — украшениями и оружием. В одной из ямок обнаружен обломок человеческого черепа. Керамики нет.

В целом Шеркалинский могильник датируется Л.А. Чиндиной I—III веками н.э., хотя бытование отдельных вещей могло быть более длительным — от II—I веков до н.э. до IV—V вв. н.э. Бросается в глаза, что предметы из ямок имеют в основном аналогии (и происхождение?) на западе, в Приуралье и далее — до Кавказа и Причерноморья, откуда происходит большинство бус, в то время как в могилах с труположением находятся вещи самобытного, западносибирского происхождения. В связи с этим Л.А. Чиндина не исключает разновременности погребений с различными обрядами. Но когда бы ни возник могильник и как долго он бы ни существовал, “подбор и система вещей свидетельствуют о предназначении их как символа реальных представлений о жизни и смерти”.

Шеркалинский могильник — явление для науки необычное в силу своей единичности, представительности обряда погребения и инвентаря, а также относительно узкой датировки. Два последних пункта можно опустить, характеризуя курганное захоронение Перегребное 5. В нем почти нет находок, кроме одного мелкого фрагмента керамики, и не видно следов захоронения. Тем не менее это интереснейшее открытие, сделанное еще в 1980 г. на правом берегу устья реки Колтысянки. Здесь на небольшом мысу был найден округлый в плане курган диаметром до 4,7 м и высотой от окружающей поверхности до 55 см. Курган окружен кольцевым ровиком шириной не более 30—40 см. В насыпи расчищено костровище, в основании кургана — подчетырехугольное западение размером 1,5 x 2,0 м, глубиной 10—17 см со слабыми следами прокала и четырьмя ямками от небольших (диаметром 4—7 см) столбов, расположенных в форме неправильного четырехугольника. Фрагмент керамики найден в одном из прокалов. По общему облику он может быть датирован эпохой железа — временем возведения кургана. Отсутствие костяка можно объяснить смертью покойного где-то на рыбалке, охоте, а может быть, и при набеге на соседей. Поэтому, возможно, была проведена имитация погребения (кенотаф): вырыта яма, над ней возведено какое-то сооружение, поверх которого насыпан курган. Костровище в насыпи, возможно, след поминальной тризны.

Захоронение без костяка удивления не вызывает — это давняя практика в погребальном ритуале многих народов. Интересно другое: достоверно известные науке курганы расположены не выше широтного направления реки Конды. Кроме того, курганное захоронение более характерно для населения лесостепной и контактной с ней южно-таежной зон. Так не являются ли курган у поселка Перегребное и совсем недавно найденный курган на берегу озера Товгор-Лор в бассей-

не реки Казыма Белоярского района следами бурной и давно минувшей эпохи Великого переселения народов, когда под давлением кочевников лесостепное и южнотаежное население вынуждено было отойти на север, потеснив, в свою очередь, кого-то из таежных жителей с насиженных мест.

ПРИТЯЖЕНИЕ «ПОЛУНОЩНЫХ СТРАН»

*Наносите (столько) когтистой
белки, черного и красного пушного
товара, чтобы в них утонула моя
голова, когда я буду стоять
выпрямившись во весь рост.*

Из хантыйского эпоса

Как-то исподволь сложилось мнение, что земля Югорская, “Югра” летописных сводов — это забытый людьми и Богом из-за своей удаленности край. Но приведенные выше материалы свидетельствуют о богатой культуре предков обских угров, ее разнообразных памятниках (городищах, селищах, могильниках, кладках и др.) как вехах их древней истории. Развитию культуры во многом способствовала не только внутренняя стабильность (консерватизм) развития местных общин, но и их разносторонний обмен с внешним миром. На памятниках региона за всю историю их существования, особенно начиная с эпохи металла, найдено огромное количество привозных вещей (посуда, украшения, оружие, предметы культа и быта). Все это — яркое свидетельство сопричастности югорских земель, в том числе нижнеобского региона, к системе общеевропейской и общеазиатской цивилизаций через торгово-обменные связи.

Первые контакты были робкими и касались близлежащих регионов Урала и Алтая в эпоху энеолита—бронзы, о чем уже говорилось. А вот первый дальний “импорт” относится, как считает Н.В. Федорова, к рубежу эр и связан с деятельностью саргатского племенного союза лесостепи Обь-Иртышья. Его контакты с северными соседями были минимальными, но все же и сюда кое-что проникало. Иначе откуда в тайге медальоны с портретом парфянского царя Готарда I и изображение богини Артемиды? В III—VII веках н.э. далеко за пределы территории современного Ирана, где некогда существовало могучее государство Сасанидов, шла слава о его золотых и серебряных делах мастеров. По всему Ближнему Востоку расходилась их продукция: украшения, утварь, литая и чеканная посуда. Но арабы, завоевавшие в VII—VIII веках Ближний Восток, положили

конец не только династии Сасанидов, но и искусству иранских мастеров, поскольку мусульманская религия не разрешает изображать животных и людей. Но как же быть со старой посудой? Пришлось ею торговать, тем более, что “греховные” предметы стали охотно брать северные народы. Князья и шаманы быстро сообразили, что поделки из неизвестного здесь блестящего металла с изображениями людей и животных можно успешно применять в культовых церемониях. В начале VIII—X веков большая часть привозных вещей оседала в Приуралье, лишь единичные изделия попадали за Урал. Во всех археологических комплексах Западной Сибири их известно не более двух десятков. Как правило, предметы помещались в погребения, но иногда их находят и в кладах.

С X веков приоритет в торговле перешел в руки болгарских мастеров. Количество вещей XII—XIV веков по сведениям Н.В. Федоровой, уже давно превысило сотню и стало существенно больше какого-либо другого импорта. Поражает разнообразие ювелирных изделий. Среди них височные кольца, гроздевидные и калачевидные подвески, перстни. Все вещи несут на себе отпечаток развитого городского ремесла. Некоторые из названных изделий найдены на городищах Перегребное I и Шеркалы I. Стекланные узорчатые бусы, обломки серебряных украшений, бронзовые шумящая птицевидная и лапчатые подвески — яркое свидетельство тесных торговых связей жителей городищ в XI—XIII веках с Волжской Булгарией и, не исключено, древнерусскими городами. Выделяется бусина из серебра с филигранным декором, возможно, она употреблялась вместо пуговицы. Лапчатые подвески выполнены в форме лапки водоплавающей птицы: мастера учитывали не только количественный спрос, но и вкусы “потребителя”, делая украшения по местным образцам.

Нередко привозные предметы на местах подвергались “доработке” в зависимости от вкуса владельца или целей приобретения. Чаще всего это касалось внешнего оформления изделий. Речь идет о так называемых рисунках-палимпсеста — изображениях, нанесенных на готовое изделие много позже. Примером может служить широко известный и вошедший в литературу ковш с “Коцкого городка”. Не вдаваясь в специальный анализ, уже много раз сделанный исследователями, лишь отметим, что процарапанная на поверхности ковша композиция из восьми фигурок воинов, увенчанных трехлучевыми коронами, украшенных поясами и гривнами, с саблями является иллюстрацией к истории обских угров эпохи военно-потестарной организации. Данная композиция не что иное, считают новосибирские ученые И.Н.

Гемуев, А.М. Сагалаев, А.М. Соловьев, как “групповой портрет” таежных владык. Центральная (большая) фигура — “большой князь”, по бокам — “меньшие молодые князья”. Так волею судеб хазарский ковш, приобретенный, возможно, болгарскими купцами и позже оказавшийся на берегах Оби, стал своеобразной страницей, раскрывшей перед нами один из увлекательнейших сюжетов в истории таежной “цивилизации”.

В начале XIII века в связи со становлением нового золотоордынского государства болгарская торговля временно прерывается и возобновляется только в середине XIII века, когда снова, по словам Н.В. Федоровой, “потекла за Урал серебряная река, но на сей раз вместе с изделиями болгарских ювелиров повезли драгоценную посуду золотоордынских мастеров”. Изделия этого периода сосредоточены преимущественно на памятниках Сургутского Приобья. Как золотоордынские — по времени — можно интерпретировать единичные предметы с городища Шеркалы I.

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ПРИУРАЛЬЯ

ЗЫРЯНСКИЙ СЛЕД

*... и разыдошася зде по различным
тех странах, изминиша и язык
свой.*

Г.Новицкий

Чрезвычайно важную роль в освоении сибирских просторов и присоединении их к России сыграли западные соседи обских угров — предки нынешних коми, известные русским летописцам изначально под именем пермь.

Еще в начале XII века летописец Нестор в “Повести временных лет” перечислял финноязычные племена, обитавшие издревле к северу и востоку от восточнославянских племен: меря вокруг Ростова, мурома на Оке, черемиса, мещера и мордва, нарова, ямь и весь, печора и пермь. А через семь столетий знаменитый русский историк Н.М. Карамзин писал: “От Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах”.

Многие из этих финноязычных племен с незапамятных времен тесно общались с северными славянами: кривичами, словенами, вятичами и полочанами. Они торговали с соседями, брали в жены иноплеменниц, воевали друг с другом, вступали в военные союзы против общих врагов, платили дань “находникам” — варягам.

В XI веке вплоть до Северного Приуралья, где обитали самые восточные финноязычные племена — пермяне и исчезнувшая позднее

печора, распространились пределы новгородских владений. Постепенно заселяя эти земли крестьянами, строя городки и погосты, Господин Великий Новгород овладел “древним отечеством народов чудских”, известным в скандинавских сагах под именем Биармия. Пермские владения Новгорода явились своеобразным форпостом в его дальнейшем продвижении на восток, за Каменный Пояс. Пермяне представляли собой несколько родственных групп, известных нам по более поздним летописным сведениям под именем вычегжан (по названию реки Вычегды), вымичей (река Вымь), вилежан (река Виледь), сысоличей (река Сысола) и т.д. Начиная с XV века, русские летописцы различали северных пермян — сирян, или зырян — и южных — пермяков. Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки относятся к пермской ветви финно-угорской языковой семьи.

Культура северных коми (зырян) сложилась в течение X—XIV веков в результате расселения части древних пермян из районов прежнего обитания — Прикамья — в бассейн Вычегды и длительного процесса слияния с другими финноязычными племенами. В формировании народа коми-зырян приняли участие и угры (югра), и даже русские (новгородцы). Первые русские переселенцы XII—XV веков были в значительной мере ассимилированы местным населением и влились в состав перми вычегодской. Но с ростом великокняжеских городов Северо-Восточной Руси и чисто новгородских сельских поселений постепенно начался обратный процесс ассимиляции части пермян русскими. В немалой степени этому способствовала христианизация пермян и превращение населения края в подданных Российского государства.

Роль древних коми в освоении Западной Сибири до сих пор не оценена по достоинству. Историки традиционно отводят им “амплуа” проводников и участников русских походов за Урал во времена Ивана III и в период присоединения Сибири к Российскому государству в конце XVI столетия. Справедливо отмечается, что в числе землепроходцев и первооткрывателей сибирских земель в XVII—XVIII веках было немало коми. Получается парадоксальная ситуация: пермяне, жившие на западных склонах гор и отделенные от своих восточных соседей — обских угров — Уральским хребтом, попали в Западную Сибирь лишь благодаря русским походам. Уральские горы в представлении многих историков почему-то приобрели ложный ореол такой неприступной и непреодолимой естественной границы между Европой и Азией, а первооткрывателями Сибири считаются лихие новгородские ушкуйники и данщики. В то же время признанная за коми роль проводников русских отрядов, естественно, предполагает, что

среди них было немало знатоков хитросплетенных водных путей в Сибирь, наиболее удобных волоков через Камень и непосредственно самих сибирских просторов. Следовательно, эти люди должны были знать и язык угров, и их обычаи и обряды, и их военные хитрости и многое другое. Но ведь для того, чтобы отвечать всем этим требованиям, необходимо было постоянно посещать сибирские земли.

Это прекрасно понимал Герард Фридрих Миллер, российский ученый XVIII столетия, автор первого фундаментального труда по истории Сибири. Педантичный, наблюдательный, критичный историк, обладая куцыми и немногословными летописными данными о начальных этапах освоения Сибири, все же заметил, что “большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим сторонам его”. Миллер писал, что пермяки, остяки (ханты) и вогулы (манси) “издавна сообщались” между собой, а русские с помощью приуральских жителей — пермян — постепенно приобретали сведения о землях за Уралом. Говоря о знатоках Сибири, проводивших русские отряды через Камень, он подчеркнул, что “особенно отличались зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми”. Но ничего конкретного о роли древних коми в освоении Сибири до эпохи Ермака Миллер сообщить не мог, так как у него не было никаких данных. И это неудивительно. До русских летописцев доходили далеко не все сведения о событиях, происходивших даже в их землях, а уж тем более в далекой Перми. У самих же пермян письменности не было до конца XIV века.

И все же завеса над туманными веками Перми, равно как и Югры, сегодня приподнята. Ничто не исчезает бесследно. Давно ушли в мир иной первооткрыватели новых земель, сменились десятки поколений людей. Казалось бы, ничто и никто не может сегодня осветить “дела давно минувших дней”. Но вот стоило появиться тоненькой “ниточке”, ведущей в начало нашего тысячелетия, как в песочных часах “временных лет” засверкали золотые крупницы ценнейшей информации. Этих крупниц пока немного, но, собранные вместе, они дают возможность по-новому взглянуть на события, происходившие в средневековой истории Нижнего Приобья.

Все началось с открытия одного древнего городища, найденного и исследованного свердловскими археологами в 1977—1981 годах на территории бывшего Кодского княжества. Городище располагалось на высоком коренном берегу Оби, на окраине поселка Перегребное, что находится в Октябрьском районе Ханты-Мансийского округа. К началу раскопок сохранилось лишь около трети площадки городища, часть была уничтожена бульдозером, другая часть обрушилась вместе с берегом.

Результаты раскопок оказались поразительными. Полученные материалы выглядели настолько необычно, что озадачили и удивили многих опытных специалистов по древней истории Западной Сибири. Выяснилось, что городище было построено в конце XII—начале XIII столетий переселенцами из Северного Приуралья — древними пермянами. На площадке городища, опоясанной невысоким валом и двумя канавками-рвами, были расчищены остатки типичных для древних коми жилищ. Эти дома были наземными, срубленными из бревен. В них имелись полы из плах на поперечных лагах и массивные очаги из крупных окатанных камней. Очаги располагались на высокой песчаной платформе, а их основания были выложены плотными рядами крупной гальки. По краям очаги были окружены стенками из поставленных на ребро плоских крупных камней. Возможно, у очагов были своды из каменных плиток, которые по истечении столетий разрушились. На это указывали многочисленные обломки камней, разбросанные вокруг и наваленные сверху. Все это очень напоминало хорошо известные археологам северорусские печки-каменки. Такие печки были широко распространены и у северных коми. Их называли “горя пач” — каменная печь. До недавнего времени такие печи можно было увидеть в охотничьих избушках коми-зырян. Да и по своей конструкции жилища в Перегребном во многом напоминали эти архаичные постройки коми охотников: сруб ставился прямо на землю, гвозди не использовались, пол — из расколотых плах и т.д. Совпадали даже размеры древних жилищ и охотничьих избушек, равно как очагов и печей-каменок. Принадлежность городища Перегребное древним коми подтверждалась находками типичной для них глиняной посуды — керамики, характерными бронзовыми украшениями и множеством костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и лошади). Как известно, северные коми вели комплексное хозяйство, в котором органично сочетались присваивающие формы — охота и рыболовство — и производящие — земледелие и скотоводство.

Остальные находки в основном были древнерусского и болгарского (Волжская Булгария) происхождения: стеклянные разноцветные бусины, железный новгородский замок, массивные серебряные перстни со щитками, орнаментированными красивыми плетеными узорами.

Следует отметить, что жители городища активно занимались охотой на пушных зверьков, изготавливали в большом количестве бронзовые украшения, железные ножи и наконечники стрел. Очевидно, эти изделия шли в обмен на шкурки, которые приносили местные племена предков ханты и манси. Стоит ли говорить о том, что пушнина была ценным товаром в торговле с европейскими (древнерусскими, болгарскими) купцами!

На городище были найдены искусные изделия из кости и рога: изящные наконечники стрел, ложки, пряслица и проколки. Пряслица и игольники (трубочки для хранения игловок) были изготовлены с помощью простейшего токарного “станочка”. Необычной находкой был игольник, (украшенный резным плетеным орнаментом. Учитывая тот факт, что подобный орнамент был характерен для древнерусского и болгарского искусства, можно предположить, что среди жителей городища Перегребное был человек славянского или болгарского происхождения. Вероятнее всего, это мог быть новгородец, так как археологами установлено, что уже с XII века выходцы из новгородских земель довольно часто селились совместно с пермяками. Смешиваясь с местным населением, новгородцы знакомили его с традициями древнерусской культуры, отдельные элементы которой усваивались предками коми. Примером такого влияния могут служить в нашем случае орнаментированный плетенкой костяной игольник и, возможно, печки-каменки.

Городище Перегребное просуществовало недолго, не более нескольких десятков лет. Об этом свидетельствует небольшая толщина культурного слоя. Обилие самых разнообразных находок на городище говорит о том, что жизнь на нем кипела буквально до последнего момента. После внезапного пожара, уничтожившего все постройки, городище погибло, и население покинуло его навсегда. Что послужило причиной гибели городища — стихия, неосторожное обращение с огнем или намеренное сожжение внезапно напавшими врагами? Трудно дать однозначный ответ. Следует также добавить, что на городище были обнаружены два погребения, совершенных по обряду трупосожжения, характерному для древних коми. Похоже, что после пожара часть (или все) жителей спаслась и похоронила погибших соплеменников.

Появление укрепленного поселения древних коми на Оби, за тысячу километров от их родины — факт неожиданный и не вполне объяснимый. Что это — единичный, случайный эпизод в жизни нижнеобского края или ...?

Южнее городища Перегребне, в нескольких десятках километров от него, археологи из Свердловска начали в 1979 году исследование Шеркалинского городища. Выяснилось, что в нем, начиная с XIII века тоже жили древние пермяне — выходцы с Вычегды или верховьев Камы.

О существовании городища в устье реки Шеркалки — правого притока Оби — было известно еще во второй половине XIX века. В 1894 году “Тобольские губернские ведомости” сообщали о том, что в месте впадения в Обь ручья Шаш-вош-чар (второе название реки

Шеркалки) находится древнее городище, известное у остяков как священное место. Коренные жители называют его Три брата. С Оби городище выглядит как цепочка из трех высоких холмов, разделенных глубокими рвами и вдающихся в устье Шеркалки.

Жители старинного обского поселка Шеркалы, расположенного на противоположном берегу Шеркалки, давно обратили внимание на обилие разнообразных диковинных вещей, вымываемых водой из подножия холмов. Любопытные ребята коллекционировали бронзовые бляшки, фигурки зверей и другие необычные предметы.

Раскопки, проводимые Уральской археологической экспедицией в течение трех сезонов, показали, что все три холма представляют собой своеобразный “слоеный пирог” из остатков древних сооружений различных эпох, начиная с неолита. Последними обитателями двух ближних к устью Шеркалки площадок городища (холмов) были древние коми. Судя по материалам раскопок, городище существовало довольно длительное время и погибло в результате сильного пожара. После гибели поселения жизнь на нем не возобновилась, но вплоть до начала XX века на этом месте было святилище, где местное население совершало языческие обряды, связанные с культом предков. Эти празднества сопровождались кровавыми жертвоприношениями: на обугленных руинах городища были обнаружены нижняя челюсть человека, кости лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, медведя и пушных зверьков. В верхнем слое святилища были найдены российские монеты XVIII—начала XX веков, обломки русских горшков того же времени.

Ниже святилища залегал слой поселения древних коми. Убрав беспорядочно разбросанные пожаром обугленные обломки жердей, бревен и досок, археологи расчистили основания срубных жилых построек с остатками нижних бревен срубов, пола из мощных плах, массивных печей-каменок на высоких глинобитных основаниях. Удалось найти часть упавшего частокола, окружавшего поселение. На полу жилищ и рядом с ними было обнаружено множество самых разнообразных изделий XII—XIV веков: разбитые горшки с характерными для древних коми формой и орнаментом, небольшие плоские светильники-жировики, обрезки сыромятной кожи, бронзовые и серебряные украшения, узорчатые стеклянные бусы различных цветов и оттенков, железные ножи и наконечники стрел, два древнерусских топора и даже неплохо сохранившийся лапоть из бересты...

Одна из шеркалинских находок заставила исследователей обратиться к богатейшему фольклору коми. Речь идет о костяном резном навершии железного кресала. Оно представляло собой небольшую изящную пластину с миниатюрной резной рельефной композицией, состоящей из двух

фигурок. Несколькими уверенными и точными линиями древний умелец-косторез передал сцену единоборства медведя с человеком. Медведь и человек сидели друг напротив друга, человек упирался ногами в задние лапы медведя, а руками крепко схватил его за передние лапы. Обе фигурки были чрезвычайно динамичны и выразительны, полны напряжения борьбы: запрокинута голова человека с выставленной вперед бородой-лопатой и полна мощи горбатая фигура медведя. Чтобы расшифровать сюжет этой сценки, пришлось проштудировать коми-зырянские и коми-пермяцкие эпические сказания, сказки и легенды. Оказалось, что сценка, запечатленная на шеркалинском навершии, является своеобразной иллюстрацией одного из подвигов Перы-богатыря — популярного героя коми преданий о чуди богатырской.

Однажды Пера-богатырь встретился в лесу с лешим (заметим, что в некоторых преданиях хозяин леса выступает в виде медведя), и, чтобы разрешить возникший у них спор о том, чьим будет этот лес, они стали состязаться в силе. Медведь-леший и Пера-богатырь сели на землю, ухватились с двух сторон за концы палки и начали бороться — кто кого перетянет. Этот момент в их борьбе и изобразил безымянный коми-косторез из Шеркалинского городка.

Материалы археологических исследований двух нижеобских городищ, принадлежавших древним коми переселенцам XII—XIV веков, являются весомым доказательством очень раннего освоения коми Северо-Западной Сибири. С появлением этих данных перед исследователями закономерно встали новые вопросы. Насколько длительным и мощным было переселение? Каковы причины, побудившие переселенцев покинуть обжитые края, оставить соплеменников, бросить могилы предков и святыне языческие капища? Наконец, какими были их взаимоотношения с обским угорским населением и как сложилась их дальнейшая судьба?

Для ответа на эти вопросы необходимы новые археологические поиски и исследования. Но и их все же недостаточно. Огромную помощь в этом деле могут оказать данные других наук: этнографии, фольклористики, топонимики и лингвистики.

ЛЕГЕНДЫ, ИМЕНА, НАЗВАНИЯ

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана...*

И. Бунин

Как известно, северные коми-пермяки и коми-зыряне ведут свое происхождение от легендарной чуди. По коми преданиям, раньше на

их родине жила чудь. Она поклонялась языческим богам, ей приходилось много воевать, строить для защиты от вражеских нападений мощные городища-крепости. Когда в 1379 году сюда пришел Стефан Пермский, он начал притеснять чудь, рубить топором и жечь чудских идолов, разорять святилища. Чудь, несмотря на отчаянное сопротивление, вынуждена была отступать все дальше на север, в глухие труднодоступные леса или кончать свою жизнь самоубийством. Когда беглецов настиг другой христианский миссионер — Федор Тирон, многие из чуди не поддались ему, а “бежали было за Камень, к остякам”. “В старину у коми с остяками связь была, они и по происхождению одинаковы... убежали коми за Урал и перемешались с остяками. А потом они язык свой забыли, так ведь всегда бывает, когда один народ в окружении другого проживает...”

Историческая память коми сохранила те трагические события, которые сопровождали насильственную христианизацию пермян и вынуждали язычников целыми родами уходить на Обь.

В жизнеописании Стефана Пермского и Коми-Вымской летописи рассказывается о том, как знаменитый противник Стефана Пермского по имени Пам, потерпев поражение, ушел со своими людьми на Обь, где “горы заходят в луку моря” (Лукоморье), и поселился на том месте, “где стоят Атлымские юрты”. По сей день на правом берегу Оби, в нескольких десятках километров выше по течению от поселка Шеркалы, стоят старинные поселки Малый Атлым и Большой Атлым. В начале XIX века атлымские остяки рассказывали русскому путешественнику, что их предками были коми, пришедшие из-за Урала во главе со своим вождем Памом, но они себя уже считают остяками (ханты). Местное предание подтверждает эпизод, приведенный в жизнеописании неистового Стефана Храпа.

Итак, насильственная христианизация язычников-коми, происшедшая в последней четверти XIV столетия, послужила причиной переселения на Обь в конце XIV — начале XV веков отдельных групп непокорившихся пермян. Но существовали и более глубокие причины, которые подталкивали предков коми-зырян к переселениям в течение длительного времени, начиная, по крайней мере, с XII века, экологические, экономические и социальные. Эти причины действовали в комплексе.

Вычегодские пермяне (предки коми-зырян) вели хозяйство экстенсивного типа, основу которого составляли охота и рыболовство. При росте населения увеличивалась его плотность, и пермяне вынуждены были постоянно переходить на новые слабозаселенные земли, где было изобилие рыбы и зверя. Занятия земледелием и скотоводством в

условиях северотаежного нечерноземья требовали значительных затрат времени и усилий. Дело усугублялось еще и крайне неблагоприятными климатическими условиями, сложившимися в Восточной Европе. В 20—30-х годах XII столетия начался переход к малому ледниковому периоду (XIII — середина XIX веков). Чуть ли не каждый год на землю обрушивались всяческие напасти: то засуха, вызывавшая пожары и недороды, то обильные дожди, сильные морозы, снега, приводившие к весенне-осенним наводнениям и, как следствие, к неурожаем. Все это вело к голоду, падежу скота и мору. Русские летописи писали о таких страшных годах: “...бысть глад во всей земле Рустей...”, “...мнози люди умирали различными недуги...”, “...и бысть скорбь и туга христианам велми...” В более выгодных условиях оказались вычегодские пермяне, для которых земледелие и скотоводство были лишь подспорьем в хозяйстве. Их благополучие и процветание зависели от удачной охоты и рыбной ловли.

В начале нашего тысячелетия в Северном Приуралье, на территории, где проживала пермь вычегодская, резко увеличилась плотность населения. Это было вызвано естественным приростом местного населения и появлением значительного числа иноплеменных пришельцев. С юга вычегодских пермян потеснили родственные им камские пермяне (предки коми-пермяков), а с запада постепенно просачивались северорусские крестьяне, которые селились вместе с вычегодцами. Вероятно, и тех и других переселенцев гнали нужда и голод, вызванные неурожайными годами наступавшего малого ледникового периода.

Очевидно, наступление небывалых холодов в Европе послужило толчком к пушному буму, охватившему многие европейские страны в начале II тысячелетия н.э. “Мягкое золото” северных приуральских лесов издавна славилось далеко за пределами края. Многие коми охотники начали специализироваться на пушной охоте. Это приводило к оскудению местных охотничьих угодий, и добычки пушнины уходили все дальше на север и восток.

Резервные территории были исчерпаны быстро. Поэтому охотники обратили свои взоры на восток, за Каменный Пояс, где в бескрайних лесах водилось изрядное количество ценных зверьков. Никто не знает точно, когда были проложены первые охотничьи тропы за Камень, но, надо полагать, это случилось не позднее XI века, когда состоялись первые известные нам из летописей походы новгородцев в Югру. К тому времени коми уже хорошо знали тайные тропы в нижнеобскую тайгу.

Жившие испокон веков по соседству предки нынешних коми-зырян, манси и ханты постоянно общались друг с другом. Их контакты

выражались в торговле, брачных связях. Случались между ними и военные столкновения. Переселение за Урал отдельных групп вычегодских пермян, естественно, сделало эти контакты более тесными. В результате происходило взаимообогащение культур соседних народов. Ханты и манси перенимали у коми полезные для себя достижения их традиционной культуры. Следы многих заимствований сохранились до наших дней в языке ханты и манси. Ученые насчитали около четырехсот таких заимствований, причем отмечено, что значительная часть слов коми происхождения попала в языки ханты и манси в ранний период — с X по XV века. Среди заимствованных коми слов встречаются, например, такие, как нянь “хлеб”, лузан “охотничья накидка”, саран хон “зырянская лодка”, кола “срубная избушка” и т.д.

Еще в XIX веке российские ученые обратили внимание на то, что на исконно угорской территории Нижнего Приобья и восточных склонах Уральских гор имеется множество географических названий (топонимов) коми происхождения. В последние десятилетия ученые не раз пытались объяснить появление этих названий-топонимов в Западной Сибири. Сибирские коми топонимы можно разделить на три большие группы — названия гор, рек и озер, а также населенных пунктов.

Многие горные вершины и хребты от Полярного до Среднего Урала носят коми названия. Некоторые из этих гор имеют параллельные названия на языке ненцев или манси. Это неудивительно, так как Уральские горы были их общим владением и природным богатством. И хотя западные склоны Урала угры традиционно называют саранпал “зырянская сторона”, а восточные — мансипал “мансийская сторона”, коми названия в большом количестве встречаются и на восточных склонах Урала. Ученые объясняют это тем, что русские путешественники, наносившие на карту названия гор, пользовались услугами коми-проводников и записывали чаще всего коми названия. Большая часть этих названий, как считают лингвисты, появилась в XIX—XX веках, когда прибрежные и горные тундры осваивались комиижемскими оленеводами. Но, учитывая собранные нами исторические данные, можно полагать, что немало названий гор было дано коми охотниками в начале II тысячелетия н.э. Часто эти названия не только метко и точно характеризуют горы, но и весьма поэтичны и метафоричны. Среди таких горных имен можно упомянуть Селэм-Из “Сердце-Камень”, Сура-Из “Рогатая Гора”, Перна-Из “Крестовый Камень”, Подче-чук “Бабушкин холм”, Ыджид-Парма “Великая гора, покрытая еловым лесом”, Тэл-Поз-Из “Гора гнезда ветров”.

Множество ручьев, рек и речушек, сбегающих с восточных склонов Уральских гор, носят названия, данные им коми в незапамятные времена, ведь по этим рекам пролегали пути в Сибирь. Встречаются и гибридные названия, т.е. состоящие из двух частей — коми и мансийской. Можно привести некоторые речные названия — гидронимы: Сосьва (сос по-мансийски означает “рукав”, а ва — на языке коми “вода”), Ясьва “Водная тропа” (коми), Лозьва “Голубая вода”.

Особый интерес вызывают коми названия поселений на Нижней Оби и ее притоках, которые оканчиваются на -кар “городок, крепость”: Войкар “Северный или Ночной город”, Искар “Каменный город”, Люликар “Плохой или Вражеский город”, Шурышкар “Роговой город”, Сускар “Кедровый город”, Нангакар “Лиственничный город”.

Пермский лингвист А.С. Кривошекова-Гантман считает, что эти названия могли быть даны поселениям лишь самими их основателями. Другой ученый из Перми — археолог В.А. Оборин — за несколько лет до открытия свердловскими археологами древних коми городищ на Оби сделал провидческое предположение о том, что появление коми названий на восточных склонах Урала связано, возможно, с проникновением пермского населения из Приуралья в Сибирь в конце I — начале II тысячелетий н.э. На эту мысль его натолкнул тот факт, что при раскопках средневековых поселений и могильников обских угров там встречены в большом количестве вещи древнекоми происхождения. Конечно, эти предметы могли попасть на Обь и в результате торгового обмена с приуральским населением, для чего коми торговцам было совсем не обязательно пробираться на берега сибирских рек — о “немой” торговле, происходившей где-то в горах, в заранее условленных местах, будет сказано ниже.

Сегодня, благодаря раскопкам на городищах Перегребное и Шеркалы, можно уверенно говорить не только об эпизодических появлениях древних коми охотников и торговцев в Нижнем Приобье, но и о заселении и хозяйственном освоении ими этой территории еще в начале нашего тысячелетия, за несколько сот лет до присоединения Западной Сибири к России.

Древние коми городища на Оби связаны с коми названиями, что дает основания ожидать, что и остальные названия поселков, оканчивающиеся на -кар, появились вместе с их основателями — коми — в XII—XVI веках. Почему не позднее этого времени? Дело в том, что более поздние поселки коми в Западной Сибири и на Алтае назывались уже иначе — по фамилиям и прозвищам их основателей или по национальной принадлежности: Гилева, Тарабукина, Колегова, Паршукова, Зырянка, Пермитина, Вычегжанина и т.д.

Если посмотреть на карту Северо-Западной Сибири, то нельзя не обратить внимания на то, что наиболее плотное скопление поселков с названиями, оканчивающимися на -кар, находится на Оби, чуть выше того места, где Обь разделяется на Малую, или Горную и Большую. Именно здесь находилось в XV—XVII веках, пожалуй, наиболее крупное и сильное хантыйское княжество — Кодское. В русских документах XVII столетия перечислены двенадцать главных городков этого княжества. Из них половина имеет названия, которые заканчиваются на -кар: Шоркар, Нангакар, Карымкар, Нарыкар, Вонжакар, Вежакар. Названия еще четырех городков тоже можно перевести с коми языка, а два — Малый и Большой Атлым — уже известны нам: по преданиям, туда ушел от Стефана Пермского неисправимый язычник Пам со своим родом. Не исключено, что Пам шел именно в эти места, так как там уже жили его соплеменники-переселенцы.

Следует сказать и о названии самого княжества и его центра — Кода или Куда, как оно именуется в XV веке в русских летописях и документах. Для расшифровки этого непонятного названия вновь пришлось обратиться к коми эпосу. Центральное место в нем занимает древний богатырь-прародитель пермян Кудым-Ош, который был женат на мансийской (!) княжне. В молодости Кудым-Ош звался просто Ош “медведь”. Когда умер старый чудский пам (вождь), соплеменники выбрали памом Оша, после чего тот повел своих людей на реку Куд, где построил крепость, названную Куд дым кар, т.е. “город на реке Куд”, а молодого пама стали называть Кудым-Ош.

Известно, что коми-зыряне и коми-пермяки, обживая новые места, давали рекам и населенным пунктам привычные им названия со своей прежней родины. Вероятно, и название Кода (Куда) принесли на Обь древние коми переселенцы, приходившие сюда целыми родами (вспомним предание о Паме), а с течением времени постепенно утратившие этническое самосознание и вошедшие в состав нижнеобских ханты. Ведь уже в XVI—XVII веках русские и коми-зыряне называли жителей Кодского княжества остяками. Впрочем приведенная нами гипотеза о зырянских корнях названия Коды не единственная. Есть объяснение его происхождения и из языка ханты, о чем будет сказано в следующем очерке.

Почему же древние коми переселенцы растворились в обско-угорской этнической среде? Ученые установили механизм этого сложного и небезболезненного процесса.

В качестве примера этнографы приводят влияние культур аборигенов Сибири на русских переселенцев. Известно множество случаев, когда русские люди, долгое время прожившие на севере Сибири, пол-

ностью ассимилировались аборигенами. Живя среди местного населения, они перенимали его хозяйственные и бытовые традиции, проверенные тысячелетним опытом: способы ловли рыбы и охоты на зверя, удобную северную одежду и т.д. Довольно скоро русские мигранты начинали верить языческим божествам — отправляясь на промысел, они обращались за помощью к шаманам, приносили жертвы идолам. Смешанные браки приводили к изменению внешнего антропологического облика потомков русских пришельцев. Постепенно забывался и родной язык. Через несколько поколений русские оказывались полностью ассимилированными местным коренным населением.

Возвращаясь к судьбам первых коми переселенцев в Западную Сибирь, вспомним предание о крещении чуди Федором Тироном, где говорится о коми, бежавших за Камень, к остякам, и забывших свой язык. Трудно сказать, как долго пермянам-переселенцам удавалось сохранить свои этнические традиции. Но ко времени прихода Ермака большинство из них считалось уже остяками (ханты). Во всяком случае, летописи не упоминают об обских пермянах.

В то же время, заслуживает внимания замечание обского христианского миссионера начала XVIII столетия Григория Новицкого о том, что остяки в низовьях Оби говорили “непременным пермским наречием” и что они переселились из Перми Великой. Впрочем Новицкий мог встретиться и с пермянами, переселившимися в более позднее время, в XVI—XVII веках.

Сейчас нельзя точно охарактеризовать ранние этапы переселения коми в Западную Сибирь, но можно предположить, что миграция древних коми за Урал происходила практически непрерывно в течение нескольких веков. В отдельные периоды поток переселенцев усиливался (при насильственной христианизации, обострениях социально-экономической и/или экологической обстановки в Северном Приуралье) или ослаблялся. Вновь пришедшие группы пермян постепенно ассимилировались обскими уграми. Возможно, часть из них погибала в ходе военных столкновений (вспомним обугленные руины городищ Перегребное и Шеркалы). Не исключено, что отдельным группам переселенцев, особенно тем, которые попали в Сибирь в XV—XVI веках, удалось сохранить в обской тайге островки своей национальной культуры до прихода русских. На этот счет имеются письменные свидетельства государевых служилых людей, доносивших начальству в конце XVI — начале XVII веков о том, что они встречали в тайге “самовольные” городки-зимовья зырян-промышленников. Некоторые исследователи считают, что такими “зырянскими городками” были уже известные нам Уркар и Войкар на Оби.

Трудно удержаться от соблазна и не вспомнить загадочный город Серпонов и его жителей, о которых писал в начале XVI века австрийский посол Сигизмунд Герберштейн. Он помещал эту крепость на горах за Обью, на краю Лукоморья. В то же время жителей крепости — серпоновцев — он четко отделял от жителей Лукоморья, с которыми серпоновцы вели свою удивительную торговлю. В то время, как жители Лукоморья впадали в очередную зимнюю спячку, серпоновцы выезжали к границе Лукоморья на условленные торговые места и оставляли там товар.

Из этого описания следует, что серпоновцы, проживая то ли в самом Лукоморье, то ли рядом с ним, не были жителями этой страны. В то же время они не были и русскими. Напрашивается логичное предположение, что ими могли быть пермяне, чей город находился где-то на восточных склонах Северного или Приполярного Урала, на традиционных торговых путях из Европы в Сибирь. Заманчиво предположить, что речь в данном случае идет о Саранпауле — поселке, в верховьях известной реки Ляпиной, основанном коми-зырянами. В переводе с языка манси это название означает “Зырянский поселок”. Считается, что этот поселок появился лишь в XIX веке, но есть предание о том, что он возник очень давно. Уточнение возраста поселка — задача принципиальная, но пока не решенная.

Для нас же название поселка представляет особый интерес, так как оно очень созвучно названию таинственного Серпонова, особенно в той форме, в какой его передал неизвестный итальянский автор середины XVI столетия, — Сетрипонов. Эту топонимическую параллель (Серпонов — Сетрипонов — Саранпауль), естественно, надо воспринимать с учетом искажения иностранцами исконного названия поселения. Менее вероятным выглядит предположение о том, что иноземные писатели вели речь не о поселении Саранпауль, а о существующем до сих пор названии западного склона Уральских гор, где обитали коми-зыряне, — Саранпал.

Проникновение древних пермян за Урал нашло отражение и в мансийском фольклоре. Ученым удалось записать у северных манси две исторических легенды, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Первая из них повествует о борьбе грозного бога войны Хонт-Торума с пришельцами из-за Урала. “Из-за Урала пришедших Сат-виклы (Семь богатырей) Хонт-Торум гнал вверх по Пупы-я (Река духов, расположенная в восьмидесяти километрах выше устья реки Кемпаж, притока Сыгвы. — Авт.). Там всех и кончил. Там же сделал их идолами”. Вероятнее всего, в этой легенде отразились какие-то реальные события, связанные с проникновением в Югру военных отрядов древ-

них пермян или русских ратей, причем судьба вооруженных пришельцев сложилась плачевно.

Совсем иной поворот событий в другой легенде, рассказанной манси П.И. Шешкиным. Манси и ханты произошли от Мось-ыэ (Женщины Мось), Пор-ыэ (Женщины Пор) и Мис-махум (Коровьего народа). Мис-махум пришли на Обь позже всех. Они жили где-то на Северной Двине и Печоре. Это были русые, рыжие и черноволосые люди с бородами, серыми, карими и черными глазами. Занимались они скотоводством и земледелием, лишь на севере — оленеводством. По культуре они были очень похожи на Мось-ыэ, но отличались от всех языком. Они ходили торговать на Волгу, откуда привозили шелк, шлемы, щиты и стрелы. Теперь их уже нет. Все они стали манси и ханты.

В этой легенде отразилось мирное переселение какого-то населения из Северного Приуралья на Обь. Судя по подробному описанию, это, несомненно, были предки коми-зырян. Время их переселения в легенде не указано, но перечисленные товары, которые они привозили с Волги, а именно: шлемы, щиты, стрелы — свидетельствуют о том, что это происходило до XV—XVI веков, т.е. речь идет о раннем периоде освоения Сибири предками коми. Это освоение происходило мирным путем и завершилось ассимиляцией пришельцев местным населением.

Итак, подведем итоги. Первыми сибирскими землепроходцами, открывшими обширную и богатую страну обских угров, можно по праву считать древних пермян, предков нынешних коми-зыряй. Они оказали существенное прогрессивное влияние на обских угров, что выразилось в многочисленных культурных заимствованиях ханты и манси у коми. Первопроходцы-коми были ассимилированы ханты и манси, что подтверждается многочисленными фактами археологических, этнографических, лингвистических и фольклорных исследований.

“ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ”

«ШЕДШЕ ИЗ НОВАГОРОДА В ЮГРУ РАТЬЮ...»

*Оснастили суденушко дубовое,
Со своею со дружинушкой хороброю
Сели в суденушко, поехали...*

Из новгородской былины

Издревле привозили купцы из “стран полунощных” в государства Европы и Востока драгоценные меха соболей и горностаев, бобров и лисиц, песцов и белок. По слухам, населяли удаленные эти места племена удивительные, жившие “Бога не ведающе, ни закона.. не приемлюще; сыроядцы, зверина же и гадская мяса снедающе скверна, и кровь пияху, яко воду...” Среди них, рассказывали на Руси иностранцам, встречались люди “чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь”. Именно здесь можно было смело пускаться на поиски земного рая, окруженного, по преданию, кочевьями подобных уродцев. Была окутана легендами, ходившими среди новгородцев по меньшей мере с XI века, и проживавшая в этих землях загадочная югра.

Так, в 1092 году последний редактор “Повести временных лет”, человек из окружения князя Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, услышал от некоего новгородца Гюряты Роговича и позднее записал такую историю: послал тот на Печору, к людям, дающим дань Новгороду, своего отрока. “И пришедши отроку моему, — говорил Гюрята, — к ним, и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем,

и соседят с Самоядью на полунощных странах”. И рассказали этому отроку югорские жители о том, что еще три года назад в высоких горах, заходящих в луку морскую, услышали они “кличь велик и говор”. Как выяснилось, “секуть гору, хотяще высечесися”, какие-то люди. Прорубили они уже в горе “оконце мало”, откуда говорят на непонятном языке и “кажут на железо и помавают рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дают скорою (мехами. — Авт.) противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощи”. Услышав этот рассказ, летописец пояснил Гюряте: “Си суть людье заклепани Александром, Македоньским цесарем”. В подтверждение своих слов он изложил легенду, почерпнутую им из “Откровения”, приписываемого христианскому писателю III—IV веков Мефодию Патарскому, о том, как во время одного из своих походов Александр Македонский наткнулся на “человеки нечистыя от племени Афетове” и, опасаясь, как бы они не размножились и не осквернили землю, “загна их на полунощныя страны в горы высокия”.

Эта летописная запись, помещенная в “Повести временных лет” под 1096 годом, традиционно считается первым достоверным известием о знакомстве новгородцев с жителями Югры, хотя контакты между ними, носившие, по всей видимости, торговый характер, несомненно, происходили и раньше. Об этом косвенно свидетельствует еще один легендарный рассказ, услышанный летописцем от ладожан и помещенный в Ипатьевской летописи под 1114 годом: “И еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощных странах” выпавших из тучи молодых “вевериц” (белок), которые потом расходились по земле. “И паки бывает другая туча, и спадают оленци мали в ней...”

Поначалу полусказочный мир Югры, славящейся своими богатствами, был в пределах досягаемости Новгорода: югорские племена жили в Предуралье, вероятно, к востоку от Печоры. И лишь к XIV веку, после монголо-татарского нашествия, приведшего в движение целые народы, они постепенно были вытеснены соседями, в том числе ватагами новгородцев, за Урал, где и осели в бассейне Северной Сосьвы и ее притока Сыгвы, а также на сопредельных территориях, дав впоследствии свое имя всему Нижнему Приобью.

Уже в XII веке Великий Новгород пытается обложить югричей данью, забирая у них “серебро и соболи и ина узорочья” и встречая при этом серьезное сопротивление с их стороны. “В то же время, — сообщает под 1187 годом Новгородская Первая летопись, — избьени быша печерьскеи даньники и югърскии в Печере, а друзии за Воло-

ком, и паде голов о сте кметьства”. В 1193 году в Югру вновь отправилась новгородская рать в количестве 300 человек во главе с воеводой Ядреем. Взяв один из югорских городков, новгородцы подступили к другому, однако осада его затянулась на пять недель. Начались переговоры, в течение которых югричи тайком накапливали силы. Положение усугублялось еще и тем, что среди осаждавших не было единства. Так, один из них, по имени Савка, “переветы дрѣжаше с князем югорским”. В отличие от основной массы участников похода, стремившихся силой принудить Югру к уплате дани, люди типа Савки, представлявшие интересы частных новгородских предпринимателей, дорожили ею как рынком пушных товаров и издавна имели здесь прочные связи среди местного населения.

Наконец, воевода Ядрей вместе с 12 лучшими мужами и попом Иваном Легеной были приглашены “на канун святые Варвары” (3 декабря по старому стилю) в город, где всех их коварно “изсекоша”. Та же участь постигла еще две делегации — из 30 “муж вячьших” и из 50. Кроме того, в плен к югричам попал и один из руководителей новгородской дружины Яков Прокшинич, которого они убили по совету Савки из опасения, что, вернувшись в Новгород, тот организует карательный поход. “Изнемогша голодом”, новгородцы простояли под городком еще несколько дней, пока югричи не совершили вылазку и не уничтожили значительную часть осаждавших. Оставшиеся в живых 80 новгородцев бесславно вернулись домой, где в отместку перебили сообщников предателя Савки — Сбыслава Волосовича, Завида Негочевича и Моислава Поповича, которые, как им стало известно, “сѣвет дрѣжавше с Югрою на свою братию”.

Между тем инициативу в освоении северо-западных склонов Урала пытаются перехватить у Новгорода его извечные соперники — владими́ро-суздальские князья. Так, в 1178 году Всеволод Большое Гнездо основывает в устье реки Юг городок Гледен, а в 1212 году — Великий Устюг. Его сын Юрий подчиняет своей власти племена коми-зырян по Северной Двине, Вычегде, Сухоне и Югу и овладевает северными подступами к Прикамью.

Ко второй половине XIII века новгородцы все еще считали Югорскую землю к востоку от Печоры своей волостью. Однако в XIV веке в связи с уходом югричей за Урал, где они впоследствии растворились среди местного остяцкого и вогульского населения, родственного им по языку и культуре, новгородские сборщики дани вынуждены были двигаться вслед за ними, предпринимая далекие и опасные походы к устью Северной Сосьвы. К тому же на их пути все чаще начали вставать союзники и вассалы постепенно усиливавшейся Москвы, князья

которой продолжали проводить в отношении Новгорода политику своих владими́ро-суздальских предшественников. Так, летом 1323 года “заратишася устюжане с новгородци, изымаша новгородцев, кто ходил на Югру, и ограбиша их”. Зимой 1329 года устюжские князья вновь “избиша новгородцев, которые было пошли на Югру”.

Не жаловали новгородских “даньников” и югричи, обосновавшиеся за Уралом. Например, в 1357 году “на Югре” был убит Самсон Колыванов “с други”. В отместку сюда в 1364 году отправился сильный отряд воевод Александра Абакумовича и Степана Ляпы, который “воеваши по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша”. По позднему преданию, тогда же Степаном Ляпой был основан городок, названный его именем. Возвращаясь обратно, новгородцы разгромили двинян, преградивших им путь на реке Курье.

Тем временем Московское княжество продолжало закреплять свое влияние на Вычегде, прибегнув к помощи христианства. Как уже говорилось, с 1379 года к миссионерской деятельности среди коми-зырян приступил ростовский монах Стефан Храп, родом устюжанин, сам являвшийся сыном коми-зырянки. С его именем связывают создание древнепермской азбуки, перевод на коми-зырянский язык Евангелия, открытие школы для зырянских детей. В 1383 году Стефан стал первым епископом учрежденной здесь Пермской епархии с центром в городке Усть-Выме, построенном на месте разрушенного им языческого капища. Позднее, уже в XV веке, пермские владыки распространили свое влияние и на коми-пермяков.

Из летописей известно, что в 1446 году, воспользовавшись тем, что в Московском княжестве шла кровопролитная феодальная война, новгородцы предприняли еще одну попытку силой удержать за собой Югорскую землю. Многочисленная рать воевод Василия Шенкурского и Михайлы Яковля вторглась в Югру и, укрепившись в наспех построенном остроге (здесь расположилась часть войск во главе с Шенкурским), стала совершать опустошительные рейды по окрестностям, захватывая в полон “югорских людей много, и жен и детей”. И вновь повторилась трагическая история уже упоминавшегося выше похода воеводы Ядрея. Югричи начали вести переговоры, “а ркуче тако: “Мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися и указати вам станы, и острьва, и урочища”. А в то время скопившеся и ударивша на острог Василия, и много людей, детей боярьских и удалых людей, избиша, — человек на 80”. Вскоре к острогу вернулся из рейда воевода Михайло Яковль; “виде острог разорен, а своих побитых, а иные разбегшися, и нача искати своих по реке, и скопишася к нему Василий с сыном и иные вси, и

приехала во свою землю...” Так закончился неудачей последний поход новгородцев на Югру.

А в Московском княжестве все еще не утихала “замятня”. При этом соперник Василия Темного князь Дмитрий Шемяка даже попытался привлечь на свою сторону зауральских соседей: в 1450 году он “звал вогуличей волости великого князя грабити”.

Впервые о вогуличах упомянул в “Житии Стефана Пермского”, созданном в 1396—1397 годах, знаменитый древнерусский писатель Епифаний Премудрый. И хотя они названы у него отдельно от югричей, общее племенное наименование Югра или Угра уже тогда, судя по всему, объединяло как вогулов (манси), живших на обоих склонах Урала, так и остяков (ханты), населявших Нижнее Приобье. В бассейне рек Тавды и Конды и на их притоках располагалось в середине XV века вогульское Пелымское княжество, являвшее собой достаточно сильное раннефеодальное образование. И хотя в 1450 году пелымцы на призыв мятежного князя Дмитрия Шемяки не откликнулись, уже через пять лет немногочисленное русское население Приуралья испытало на себе мощь их ударов.

Так, в 1455 году “безвернии вогулечи” напали на Пермь Великую и убили пермского епископа Питирима, пришедшего “крестити ко святой вере чердынцев”. После этого возглавлявший вогульское войско пелымский князь Асыка двинулся с Камы на Вычегду, где разорил резиденцию пермского владыки городок Усть-Вым и близлежащие волости. С этого времени северо-восточная окраина Русского государства становится местом крайне беспокойным.

ЗА КАМЕНЬ

*Не мерена вдоль и не пройдена вишьрь,
Покрыта тайгой непроезжей,
У нас под ногой распростерлась Сибирь
Косматою шкурой медвежьей.*

Д.Кедрин

В конце марта 1462 года великим князем Московским и “всех Руси самодержцем” стал Иван III. В том же году черемисы мари “с тотары казаньскими” совершили набег на Устюжскую землю. “Повоевав” правобережье Юга, они захватили в плен “много русских голов”. Устюжане пустились в погоню и “полон назад отполонили весь”. После этого Иван III послал “рать на черемису”. Великокняжеские воеводы Борис Кожанов и Борис Слепой Тютчев с отрядами устюжан, вологжан и галичан прошли на судах “к Вятке, по Вятке вниз, а

по Каме вверх в Великую Пермь". Это был первый поход московских войск к предгорьям Северного Урала.

А 13 сентября 1464 года устюжскому воеводе Василию Скрябе было велено великим князем "Югорскую землю воевати". Почти восемь месяцев готовился этот поход, начавшийся 9 мая 1465 года. В нем, помимо московских и устюжских людей, приняли участие "хотячие люди" (добровольцы), а также вымский князь Василий Ермолич "с вымичи и с вычегжаны". Судя по всему, поход этот был задуман как месть пелымцам за их набег 1455 года. Перешедшие через Уральские горы ратники Скрябы "Югорскую землю воевали, и полону много вывели, и землю за великого князя привели". В ходе боев в плен были захвачены югорские князья Калба (приходившийся, кстати, тестем Юмшану, сыну и наследнику Асыки) и Течик, которых доставили в Москву. "И князь великий их пожаловал югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую, а Скрябу пожаловал".

В 1467 году успешный набег на пелымские владения совершил независимо от Москвы небольшой (всего из 120 человек) вятско-пермский отряд. Его участникам удалось даже захватить в плен князя Асыку, которого они, правда, "от Вятки упустили".

После победы, одержанной над новгородцами в битве на Шелони в 1471 году, Иван III продолжил укрепление своих позиций в Приуралье. Зимой того же года из Устюга отправилась в поход на Пермь Великую рать во главе с воеводами князем Федором Пестрым и Гаврилой Нелидовым. Во время этой кампании были взяты городки Урос и Чердынь, разбито войско коми-пермяков под городком Искором на реке Колве. Попавший в плен великопермский князь Михаил Ермолич, родной брат Василия Вымского, вместе со своими сотниками был отвезен весной 1472 года в Москву. Резиденцией русской администрации в Пермской земле стал новый город Покча.

Впрочем вскоре князю Михаилу было разрешено вернуться в свою вотчину. А через несколько лет допущенная пермяками и их союзниками — вятчанами оплошность с побегом Асыки обернулась для князя Михаила трагически: в 1481 году "пришедше Асыка князь с пелымскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл, и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал, и повосты разорил..." Однако торжество Асыки было неполным: из Устюга уже спешил на помощь пермякам отряд Андрея Мишнева, который "вогуличов под Чердынью побил" и обратил их в бегство. Тем не менее урон, нанесенный набегом пелымского князя, был весьма велик. Из-за "вогульского разорения"

пришлось даже отказаться от переписи податного населения в Перми Великой.

Уже через год московское правительство стало готовить реванш. Наконец, 25 апреля 1483 года из Вологды выступила “рать на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку”. Экспедицией командовали посланные из Москвы Иваном III воеводы Иван Иванович Салтык Травин и соединившийся с ним в Устюге Великом князь Федор Михайлович Курбский. Кроме московских детей боярских, в походе участвовали устюжане, вологжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Пройдя Вишерой и Лозьвой, русское войско вторглось на территорию Пелымского княжества. 29 июня близ устья Пелыма вогуличи, возглавляемые сыном Асыки князем Юмшаном, были разбиты и укрылись в непроходимых дебрях Конды. “Поиде вниз по Тавде реце”, воеводы не тронули владения союзника Ивана III тюменского хана Ибака из династии шейбанидов — потомков внука Чингис-хана Шейбани (незадолго до этого Ибак вместе с ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчеем убил и хана Большой орды Ахмата, злейшего врага Москвы). Затем, пройдя по Тоболу, они разгромили сибирские улусы соперников Тюмени — князей Мара и его сына Адера из династии полулегендарного Тайбуги. После этого русские ратники спустились вниз по Иртышу “на великую реку Обь”. Здесь они захватили в плен “большого” кодского князя Молдана и “княжих Екмычевых дву сынов”. Как следует из источников, одного из них звали Сонта, а другого, очевидно, Чалмак. Они оба добровольно сдались русским в качестве заложников вместо своего отца. Дойдя до устья Северной Сосьвы, войско Салтыка Травина и Курбского двинулось в обратный путь и уже 1 октября 1483 года вернулось в Устюг, а 9 ноября добралось до Вологды.

Результаты этого похода не замедлили сказаться. Весной 1484 года в Усть-Вым прибыла делегация от побежденного пелымского князя Юмшана, которую возглавили его шурина Юрга (Югра), приходившийся сыном уже побывавшему в московском плену “югорскому” князю Калбе, и сотник “вогулятин” Анфим. В сопровождении пермского епископа Филофея они приехали в Москву и, встретившись с Иваном III, попросили у него “опас” (охранную грамоту) для своего князя, также намеревавшегося приехать для переговоров в русскую столицу. По ходатайству Филофея “князь великий Юмшану опас дал и велел ему у себя быти”.

Обратно в Пелым к Юмшану владыка послал вместе с Юргой и Анфимом и “с великого князя опасом слугу своего Леваша”, сам же остался в Москве, так как в начале лета того же года здесь появились

другие послы — с Оби, которые прибыли “с поминки великими от князей Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всея земли Кодские и Югорские, да били челом о полоненных князех о Молдане с товарищи, чтоб государь смиловался, отпустил бы их в свою землю”. Во главе посольства находился князь Пыткей. Вместе с ним приехали хлопотать за отца сыновья Молдана, а также князь Пынзей, представлявший интересы пленных сыновей князя Екмыча (Екмычя), поскольку приходился им родным братом.

Итак, в 1484 году впервые в русских летописях, наряду с Югорской землей, были названы как вполне самостоятельные Кодская земля и кодские князья. Географическое положение Коды было весьма выгодным: она находилась на главной магистрали Западной Сибири — Оби, в самом центре угорских земель. Возможно, со “среди́нностью” княжества связана и этимология самого названия Кода (Куда) как производного от хантыйских слов кутлот “середина”, кут, кутоп “средний”, кутн “между, среди”.

Следует также отметить, что из процитированного выше текста Вологодско-Пермской летописи не совсем ясно, что означают слова Лаб и Чангил — имена кодских князей или названия местностей. В научной литературе обычно дается первое толкование. Между тем есть основания в этом усомниться. Так, в “шертной” записи 1484 года, о которой подробнее будет сказано ниже, Лаб, более правильно названный здесь Лябом, скорее напоминает название княжества, находящегося по соседству с Обдором — остяцким раннегосударственным образованием в устье Оби. Это наводит на мысль, что речь в данном случае идет об остяцко-вогульском объединении, называвшемся в XVI веке Ляпинским княжеством и располагавшемся в бассейне рек Сыгвы, Северной Сосьвы и Куновати — правого притока Оби. Его название, судя по всему, произошло от названия реки, именуемой русскими Ляпиной (по-вогульски Лопынг-сойм, по-зырянски Сыгва), и стоявшего на ней Ляпина городка (по-вогульски Лопынг-уш или Лопомвож-пауль; ныне село Ломбовожское). При этом нет необходимости говорить, что объяснение происхождения этих названий от имени новгородского воеводы XIV века Степана Ляпы, основанное на позднем предании, не выдерживает никакой критики.

Что же касается Чангила, то это, очевидно, также не имя князя, а название остяцкого княжества, располагавшегося в низовьях Иртыша. Позднее, во времена Ермака, здесь были так называемые Цингальские юрты. В этих местах находится древнее Цингальское городище, которое можно отождествить с городком Тапар-вош, известным по многим хантыйским сказаниям.

Но вернемся к событиям 1484 года. Помимо приехавших в Москву югорских князей, за пленных перед Иваном III “печаловались” владыка Филофей и великокняжеский казначей Владимир Григорьевич Ховрин “И князь великий пожаловал тех князей полоненных, отпустил их в свою землю”.

Зимой того же года возвращавшееся из Москвы посольство вместе с освобожденными князьями и епископом Филофеем прибыло в столицу Пермской епархии Усть-Вым. В те времена это был небольшой городок, за деревянными стенами которого стояли храм Благовещения, монастырек Троицы Вознесения (очевидно, названный так по двум находившимся здесь церквям — Троицкой и Вознесенской), “большой” владычный двор, двор Ионы, брата епископа Филофея, и шесть дворов для владычных слуг и окрестного населения, укрепленных на случай нападения “немирных” соседей.

31 декабря 1484 года неподалеку от Усть-Выма между русскими, вымичами и вычегжанами с одной стороны, и кодскими и югорскими князьями — с другой, был заключен мир. Вот как описал эту процедуру русский очевидец: “Подкинувшу елку в жерьдь протольсту, протесав на четыре, а под нею послали медведно. Да на медведно покинули две сабли остреи в верх супротивно. Да на медведно же положили рыбу, да хлеб. А наши поставили в верх елки крест. А югричи посвоему жабу берестену доспену и с нохти. Да привяжут под крестом ниско, да под жабою над нами как почнуть ходити вокруг елки в посолон, дръжати две сабли, подкнув елку остреи вниз. Да человек, стоячи, приговариваеть: “Кто сесь мир изменить, по их праву Бог казни”. Да обоидуть 3-жды, да наши поклонятся кресту, а они на польдень. А после того всего с золота воду пили, а приговор их также: “Кто изменить, а ты, золото, чюй!”

Попутно заметим, что описанная процедура присяги напоминает обрядовые пляски березовских остяков в честь идола Еляня, которые в 40-е годы XIX века видел и описал краевед Н.А. Абрамов. Очевидно, связан с этой процедурой и сюжет на сердцевидной печатке серебряного перстня, найденного на вогульском Эссском могильнике, датируемом XV—XVI веками. На ней изображено в центре хвойное дерево (ель?), по бокам от которого в позе движения, с расставленными ногами, находятся две человеческие фигуры в длиннополой одежде. В поднятой руке каждой из фигур — сабля, направленная острием вниз. У правой фигуры, кроме того, в другой руке различим еще один предмет, напоминающий чашу. Поскольку на печатке сохранились следы материала, схожего с сургучом, можно предположить, что этот перстень с изображением обряда священной клятвы использовался при скреплении каких-то документов.

В конце 1484 года югричи “имели мир... на том, что им лиха не мыслити, ни силы не чинити некоторые над пермскими людьми”. Поэтому сам ритуал совершался в определенной последовательности. Сначала с Молданом как с самым старшим из югорских князей “шертовали” вымские князья Петр и Федор Васильевичи, вычегодский сотник Алексей Казак, слуга епископа Филофея Леваш, уже вернувшийся к тому времени из Пелыма и присягавший “за владычни за все”, вымский сотник Корос (Кироска) Устинов и вычегодский сотник Сидор Онкудинов. Затем вместе с главой посольства Пыткеем в мире вновь клялись Петр и Федор Вымские, а также сотник Алексей Казак. С Пынзеем, представлявшим одновременно своего брата Чалмака, который был, вероятно, еще несовершеннолетним, вступил на медвежью полость владычный слуга Леваш. После этого с одним из неизвестных по имени сыновей Молдана “шерть” заключил сотник Корос Устинов. Последними принесли клятву “Екмичев сын” Сонта и сотник Сидор Онкудинов.

“Князи кодские и югорские” обещали сохранять мир “за все за свои люди, что под ними есть. А за Ляба миру не имали того для, что не под ними”. При этом нижеобские князья договорились между собой, что в случае, если “поедет Ляб Обьдора вьевати, и кодичем весть дръжати обдорцом”. Последнее заставляет предполагать, что в кодско-югорском посольстве находился человек, уполномоченный говорить от имени обдорских остяков. Им, скорее всего, был князь Пыткой.

Кроме того, “Екмичева сына Сонту владыка дал Молдану да Пыткею на руки”. Второй сын Екмыча здесь не назван, но из контекста документа следует, что передали на поруки и его. В качестве поручителя за братьев, “что им быти добрым”, выступал также Пынзей, поскольку “за отца за его Екмыча те же ся поимали”.

Следует сказать, что в записи “мира” 1484 года нет ни слова о подданстве Коды и Югры Ивану III, хотя в позднейших летописях появились утверждения, будто югорские князья согласились “государю великому князю правитися во всем”, а “князь великий за себя их привел и дань на них уложил”. Очевидно, поводом для этого послужило стремление русских властей выдавать желаемое за действительное (вспомним, что дань “на всю землю Югорскую” Иван III якобы возложил уже после похода Василия Скрябы). Как бы то ни было, но в марте 1484 года московский государь дополнил свой титул и стал именовать себя еще и “великим князем Югорским”.

После утверждения мира приобские князья еще какое-то время гостили у владыки Филофея в Усть-Выме, и только в феврале 1485 года отправились “в свою землю”. Очевидно, их рассказы о загадоч-

ном мире Северного Приобья и сопредельных территорий не могли не привлечь внимания грамотных русских людей из окружения пермского епископа. В результате из-под пера одного из них (возможно, того же владычного слуги Леваша) появилось знаменитое Сказание “О человецех незнаемых в восточней стране”, содержащее первое развернутое описание сибирских народов, в котором подлинные реалии их жизни и быта оказались причудливо переплетенными со средневековыми легендарными представлениями о далеких землях.

Географический ареал этого произведения — просторы за Югорской землей, где обитает “самоядь”. Автору Сказания известны племена “малгонзеев” (по одной из версий, это ненцы-юраки, по другой — род энцев, давший название небызывестной Мангазее), “линная самоядь”, жители земли Баид, располагавшейся где-то в бассейне реки Турухана. “Люди, описанные им, — справедливо отмечает один из последних исследователей памятника А.И. Плигузов, — диковинны: живут в воде, линяют, меняя кожу, мохнаты, имеют рты на темени, умирают на зиму, немые, ходят под землей с огнем; с горы сверху смотрят и видят своих мертвых: они идут печальным путем вдоль моря и жалобно плачут, а за ними следует огромный человек и погоняет мертвых железной палицей. И та же самая диковинная “самоядь” вполне правдоподобно охотится, стреляет скоро и гораздо, ездит на оленях и живет за широкими северными реками”.

Между тем, несмотря на получение охранной грамоты, пелымский князь Юмшан выжидал еще несколько месяцев, и лишь 12 августа 1485 года приехал “к владыце Филофею на Усть-Вым... а с ним вогуличи, тесть его Калба да Ломотко”. 1 сентября “поиде с ним Филофеем к князю великому на Москву бити челом”. Во время аудиенции Иван III “жаловал владыку, почтив велми, а Юмшана жаловал же”.

По сообщению некоторых летописей, “с тех мест начал Юмшан дани давати великому князю”. Это, однако, вызывает определенные сомнения. Но даже если и пелымский князь, и князья кодские и югорские подобные обещания и давали, то выполнять их они, скорее всего, не собирались. Иначе трудно объяснить, зачем московскому правительству понадобилось организовывать в конце XV века третий, самый, пожалуй, грандиозный из всех походов русских войск за Урал.

“Того же лета (в 1499 году. — Авт.), — говорится в разрядных книгах, — послал князь великий в Югорскую землю на Куду и на гогуличи (вогуличи. — Авт.) воевод князя Семена Курбского, да князя Петра Ушатова, да Василия Иванова сына Гаврилова.

А со князем Семеном детей боярских Цыгора да Володю Сугорских, да вятчан, которые живут в московской земле, Костю Якошева сына Пугвина, да Леву Иванова сына Олексеева, да Петрушу Попова; а устюжан с ним 1304 ч(еловека), а вымич и вычегжан 500 человек.

А со князем Петром Ушатым дети боярские: вологженя Микита Тимофеев сын Матафин да Микита Пушников; да вятчан, которые живут в московской земле, Гаврило Софронов, да Ивашка Сенкин сын Бобровников, да Ивашка Якушкин; а двинян с ним, и важан, и пенежан 1920 ч(еловек).

А с Васильем Ивановым сыном Гавриловым дети боярские: вологжане Сиг Савельев да Федко Неправдин; да вятчане, которые живут в московской земле, Якуш Татаринов да Гридя Ивашков сын Татаринов; а вятчан с ним: 200 ч(еловек) руси да 100 ч(еловек) арян, татар и остяков” (очевидно, следует читать “отяков”, т.е. удмуртов).

Итак, помимо трех воевод-”генералов” и 14 детей боярских, исполнявших “офицерские” должности, в сводном экспедиционном корпусе насчитывалось 4024 ратника. Никогда еще столь внушительное воинское соединение не посылала Русь “за Камень”!

Помимо приведения к покорности югорских князей, и прежде всего Ляпинского княжества, этот поход преследовал еще и другую цель. Происходивший на глазах распад Золотой орды активизировал юго-восточную политику Московского государства. В 1487 году русские войска овладели Казанью, в которой начал править ставленник Ивана III хан Мухаммед-Эмин. С Крымом, где сидел хан Менгли-Гирей, оказавший московскому князю помощь в войне с Большой ордой, сложились союзнические отношения. Между тем еще один союзник Москвы, тюменский хан Ибак, вместе с братом Мамуком при поддержке ногайских мурз разграбил в 1492 году Астрахань и перенес свои кочевья в Заволжье. В его честолюбивых планах было занятие “Саинского престола” и восстановление былой мощи Золотой орды. Однако в 1495 году он был убит своими врагами из тайбугинской династии; Мамук же, продолжавший проводить политику брата, в 1496 году с помощью ногайцев изгнал из Казани Мухаммед-Эмина, но через несколько месяцев сам был вынужден бежать оттуда. В 1498 году он вновь стал готовить нападение на Казань. В этих условиях посылаемая в Сибирь рать должна была образумить хана Мамука и заставить его думать об обороне собственных зауральских владений.

Поход решено было проводить зимой, поэтому уже с лета 1499 года на Печоре, где авангард князя Петра Федоровича Ушатого “городок заруби для людей князя великого” (речь идет о Пустозерске), на-

чался сбор ратных сил. Осенью сюда подошли отряды князя Семена Федоровича Курбского, сына одного из руководителей похода 1483 года, и Василия Ивановича Гаврилова Бражника-Заболоцкого, а также вычегжане, вымичи и сысоличичи во главе с вымскими князьями Петром и Федором Васильевичами (по сведениям Коми-Вымской летописи, их было не 500 человек, как говорится в разрядных книгах, а 700). Поднявшись к верховьям Печоры и дождавшись снега, войско 21 ноября выступило в путь, разделившись на две неравные части: основная рать под командованием Курбского и Ушатого, двинулась “на Югру да на Куду”, а отряд Гаврилова Бражника-Заболоцкого, состоявший из 300 человек, отправился “на князей вагульских на Пелынь”.

Уже по дороге Курбскому и Ушатому пришлось сражаться: “убили воеводы на Камени самоеди 50 человек, а взяли 200 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина...” Здесь произошла стычка с югричами Ляпинского княжества, которое не было покорено во время предыдущего похода. Ляпин городок был взят. Вскоре сюда прибыли с Обдора “на оленях югорские князья”, выразившие, очевидно, покорность московскому князю. “А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках...”

Пройдя по владениям Ляпинского княжества, войско Курбского и Ушатого югорские “города поимаша, и землю повоеваша, и князев приведоша с собою на Москву, а иных князей и земских людей к роте (присяге. — Авт.) приведоша по их вере за великого князя, а иных князей и иных людей, югрич и гогулич, тамо побиша...” В позднейшей победной реляции воеводы явно преувеличили свои военные успехи, сообщая о 33 взятых ими югорских городках, о 50 захваченных князьях и о полоне в тысячу с лишним “лучших людей”, так как во всем Нижнем Приобье вряд ли набралось бы в те времена столько жителей мужского пола. Да и срок пребывания здесь русской рати был слишком мал, ибо уже весной 1500 года она вернулась в Москву. Более скромными, но и, вместе с тем, более достоверными являются сведения о том, что воевавший в Пелыме Бражник-Заболоцкий “взял 8 города да 8 голов”. Несмотря на утверждение, что “приидоша вси здраво к великому князю”, были, очевидно, и потери. Так, например, из летописей известно, что “зимы тое убиен бысть князь Петр Вымский”.

Позднее Василий III, вступивший на московский престол в 1505 году (а по некоторым сведениям, и сам Иван III), стал именовать себя, помимо прочих титулов, также князем Обдорским и Кондинским (под последним, очевидно, понималась Кодская земля), что, несомненно, являлось следствием зимнего похода 1499—1500 годов за Урал.

СЕВЕРНОЕ ЛУКОМОРЬЕ

*Владения московского князя
простираются далеко на восток...*

С.Герберштейн

В течение первой половины XVI века русские источники почти ничего не сообщают о взаимоотношениях Московского государства и княжеств Нижнего Приобья. Да это и не удивительно, поскольку внимание современников было приковано к другим событиям — борьбе Московии с Великим княжеством Литовским за Смоленск, обороне южных и юго-восточных границ от набегов крымских и казанских татар, боярским мятежам и придворным интригам. Зато немалый интерес к далеким северо-восточным землям проявляли иностранцы, более остро воспринимавшие события наступившей эпохи великих географических открытий. Ибо в то время, как Россия осваивала свой Новый Свет, деловито и без лишнего шума становясь евразийской, перед изумленной Европой открывался экзотический и несказанно богатый мир далеких заморских стран. Блеск золота и пряные запахи неведомых растений кружили головы суровым солдатам и безрассудным авантюристам. Уже не сходили с уст рассказы о “подвигах” жестоких и удачливых конкистадоров. Уже надувались ветром паруса каравелл Магеллана, совершавшего первое в истории кругосветное путешествие... Но разве редкие по красоте меха соболей и “рыбий зуб” (моржовые клыки), доставлявшиеся на Русь из неведомых северных земель, были достойны меньшего внимания?

Поэтому не случайно австриец Сигизмунд Герберштейн, дважды — в 1517 и 1526 годах — побывавший во главе посольства в Москве, жадно расспрашивал потомка ярославских великих князей Семена Федоровича Курбского о его зауральском походе. Это был, по словам Герберштейна, “человек старый, сильно истощенный выдающейся воздержанностью и самой строгой жизнью, которую он вел с молодых лет... Великий князь посылал его некогда в качестве главного вождя с войском через Пермью в Югру для покорения отдаленных племен. Значительную часть этого путешествия Курбский совершил пешком, по причине глубокого снега, а когда он растаял, остальную часть пути князь проплыл на судах и переходил через гору Печору”. Рассказывая о неприступности Уральских гор, князь утверждал, “что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не мог перейти через верхушку горы”.

Кроме того, в руках Герберштейна оказался так называемый Югорский дорожник, записанный кем-то со слов новгородских купцов на

рубеже XV—XVI веков. В нем давалось описание древнего и опасного пути “за Камень” к Ледовитому океану, проходившего через систему порожистых рек и волоков по тайге и тундре. Весьма смутное представление о реальном положении русла Оби и ее притоков нередко приводило составителя дорожника к довольно странным совмещениям. Так, в верховьях Оби, за устьем Иртыша, вдруг открывалась страна таинственных грустинцев и серпоновцев, живших у сказочных Лукоморских гор, хотя из контекста дорожника следует, что под Лукоморьем имелось в виду побережье Ледовитого океана в районе Обской и Тазовской губы и нижнее течение Оби. Здесь перед читателем дорожника представляли то неизвестный народ каламов (возможно, этот этноним связан с рекой Калами в бассейне Подкаменной Тунгуски; помимо этого можно также соотнести его с городом Калымом, упоминаемом в “Книге Большому чертежу”, о котором еще будет идти речь), то загадочные реки Березва и Данадим (вероятно, в последнем случае речь идет о Надыме, впадающем в Обскую губу), то легендарный идол Золотой бабы “в области Обдоре”, про которую “баснословят”, что она “держит в утробе сына, и будто там уже опять виден еще ребенок, про которого говорят, что он ее внук”, а возле нее — “некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб”. Тут же располагались река Коссин, вытекающая из Лукоморских гор (в устье ее якобы находилась одноименная крепость, “которую некогда владел князь Венца, а ныне его сыновья”), и река Кассима, впадающая “в большую реку Тахнин” (не исключено, что здесь имеется в виду реальная река Ташма), где плавают рыбы человеческого вида.

Следует отдать должное Герберштейну: он довольно критически отнесся не только к этим и другим диковинным рассказам, усмотрев в них “нечто баснословное и едва вероятное”, но и к утверждению составителя дорожника, “что весьма многие народы Лукомории подвластны государю московскому”. Поскольку, отмечал искушенный в реальной политике австрийский дипломат, вблизи от них “находится царство Тюмень, государь которого — татарин и на их народном языке называется царем тюменским... и он не так давно причинил большие уроны государю Московии, то вероятно, что эти племена, по причине соседства, подчинены, скорее, ему”.

Герберштейн был прав, говоря об “уронах”, нанесенных “царем тюменским”. В 1506 году Кутлук-Салтан, сын Ибака, совершил набег на Верхнее Прикамье, осадил Чердынь и разорил Усолье Камское. И хотя пермскому наместнику Василию Ковру удалось разгромить татарский арьергард на переправе через Сылву, людские и материальные потери от этого “разорения” были весьма значительными.

Впрочем правлению тюменских шейбанидов в Сибири к этому времени фактически пришел конец. Власть здесь перешла в руки тайбугинской династии сына Адера Мухаммад-бека, убившего хана Ибака. Объединив татарские улусы на Тоболе и Иртыше, тайбугины подчинили себе остатки Тюменского ханства. Прежняя его столица Чимги-Тура пришла в упадок. Резиденцией новых сибирских правителей стал город Искер (он же Сибирь или Кашлык) на Тоболе.

Как удалось узнать Герберштейну из устных рассказов, “с востока с областью татар, называемой Тюменью”, граничила “великая и обширная область Пермия”, а на севере находилась “область Югра”, которую он, судя по всему, отождествлял с Лукоморьем, описанным в Югорском дорожнике. “Русские, — отмечал Герберштейн, — произносят ее название с придыханием, народ называют югричами. Это та Югория, из которой вышли венгры и заняли Паннонию и, под предводительством Аттилы, покорили много областей Европы. Московиты сильно хвастают этим именем (Югрой — Авт.), так как их подданные опустошили некогда большую часть Европы... Говорят, что югары и до сего дня имеют общий с венграми язык; правда ли это, не знаю. Ибо, несмотря на тщательный розыск, я не мог найти ни одного человека из той страны, с которым бы мог поговорить мой слуга, сведущий в венгерском языке. И они выплачивают дань государю мехами”.

Описывая на основании Югорского дорожника земли за “Камнем”, Герберштейн указывает, что “от крепости Ляпина” недалеко “до реки Сосвы. Живущие на этой реке называются вогуличами. Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби”. По утверждению купцов, со слов которых составлялся дорожник, “через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде: ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст. И по ней также живут народ вогуличи и югричи. Если подниматься от Обской крепости (очевидно, имеется в виду какое-то остяцкое городище в Обдорском крае. — Авт.) по реке Оби до устьев Иртыша, в который впадает Сосьва, то это составит три месяца пути. В этих местах находятся две крепости — Ером и Тюмень, которыми управляют властелины князя югорские, платящие (как говорят) дань великому князю московскому. Там имеется много животных и превеликое множество мехов”. Несмотря на некоторые географические несуразности и преувеличения, эти сведения заслуживают внимания. Так, в последнем случае речь, вероятно, идет о пелымских князьях, которые могли на какое-то время захватить часть бывших владений тюменских шейбанидов.

“Записки о московитских делах” Сигизмунда Герберштейна являлись одной из первых книг, знакомясь с которой просвещенные европейцы XVI века могли почерпнуть более или менее достоверные сведения о нижеобских уграх. Во всяком случае содержащаяся здесь информация выгодно отличалась от, скажем, такого совершенно неконкретного пассажа венецианца Амброджо Контарини, побывавшего в Москве в 1476—1477 годах: “Говорят, что существует некий народ язычников, не имеющий никакого правителя; однако, когда им взбредет в голову, они подчиняются русскому великому князю. Рассказывают, что некоторые из них поклоняются первой попавшейся вещи, а другие приносят в жертву какое-нибудь животное у подножия дерева, которому и поклоняются”.

А теперь вернемся к событиям на северо-восточном порубежье, о которых рассказывают скудные строки летописей и документов.

КОНЕЦ КУЧУМОВА ЦАРСТВА

*Кулак нам — совесть,
а закон нам — меч.*

В. Шекспир

В 1531 году возобновили свои набеги на Пермь Великую пелымские князья. В 1539—1540 годах Вятскую землю и Верхнее Прикамье громили казанцы. В 1547 году на Чердынью вновь обрушились сибирские татары...

Изменение ситуации произошло в 1552 году, когда под ударами русских войск пало Казанское ханство. Уже в 1555 году сибирский правитель Едигер и его брат Бекбулат, приходившиеся внуками Мухаммад-беку, обратились к Ивану IV с просьбой о подданстве, что дало повод первому русскому царю включить в свой титул наименование еще и повелителя “всеа Сибирския земли”.

Очевидно, с этими событиями было связано появление в 1557 году царской грамоты, посланной в Югорскую землю, “в Шоркары”, казымскому князю Певгею и “всем князьям Шоркарские земли” (по всей видимости, в середине XVI века резиденция “большого” кодского князя находилась в нынешних Шеркалах). В ней говорилось о посылке сюда русских сборщиков дани Ивашки Иконникова, Нечайки Вычегжанина, Офоньки Гогунина и Васьки Лаптева. Собранную дань (“со всякого человека по соболю”) предписывалось доставить в Москву либо самому князю Певгею, либо его брату или племянникам с несколькими “лучшими людьми”. При этом указывалось на необходи-

мость “проводить наших данщиков югорским князем и югричем людем добрым от городка до городка и от людей до людей и беретчи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего”. В случае отказа собирать дань царь грозил послать на ослушников “рать своя и вострая сабля”.

Таким образом, в грамоте раскрывается хорошо отлаженный механизм сбора дани с югорских земель, хотя из ее контекста нетрудно заметить, что делалось это весьма нерегулярно.

Не имея в достаточном количестве сил для обороны северо-восточных границ государства, московское правительство сделало ставку на частную инициативу. При его поддержке хозяевами обширных территорий в Приуралье становятся во второй половине XVI века богатые сольвычегодские купцы и солепромышленники Строгановы. Вскоре здесь один за другим возникают укрепленные строгановские городки: в 1558 году — Канкор, в 1564 — Орел-городок (Кергедан), в 1568 — Нижний Чусовской, в 1570 — Сылвенский и Яйвинский острожки. В 1572 году Строгановым разрешено было иметь свои собственные военные дружины, а в 1574 году они получили право строить городки на восточном склоне Урала и в Сибири — по рекам Тоболу, Иртышу и Оби.

Жизнь подтвердила дальновидность такой политики. В 1563 году шейбанид Кучум, сын бухарского правителя Муртазы, завоевал сибирские владения тайбугинов, убил Едигера и Бекбулата и обосновался в их столице Искере. Относясь враждебно к Московскому государству, Кучум все же вынужден был в 1571 году подтвердить вассальные отношения своих предшественников, так как вел в это время тяжелую борьбу с Казахской ордой. Однако уже в 1572 году “сибирский салтан” оказался причастным к антирусскому восстанию приуральских черемисов, а в 1573 году его племянник Маметкул с отрядом сибирских татар прошел через “Камень” на Чусовую и опустошил округу, истребив юрты вогулов, плативших русским дань. Татары пробовали пройти на Пермь и даже достигли строгановских владений, но повернули назад.

Летом 1581 года восстали чусовские вогуличи во главе с мурзой Бекбелием Агтаевым, которые “воевали слободы Чусовую да Сылву”, но в бою были разбиты. Осенью того же года в строгановские владения вторгся союзник Кучума пелымский князь Аблегириим, “а с ним людей семьсот человек, а слободки на Койве и на Обве, и на Яйве, и на Чусовой, и на Сылве деревни все выжег”. Какое-то время пелымцы держали в осаде Чусовской острожек, после чего, взяв большой полон, ушли восвояси.

Как оказалось, это была лишь разведка боем. Через год Аблегириим вместе с татарами царевича Алея, старшего сына Кучума, совершил новый разорительный набег на пермские земли. Были сожжены Соликамск, Сылвенский и Яйвинский острожки, осаждена Чердынь. После этого Алей и Аблегириим “поидоша под Кайгородок, и ту велико пакость учиниша”: поднявшись вверх по Каме еще более чем на 200 верст, татаро-пелымский отряд “вымские повосты, Кайгород и Волосеницу пожегл”. На обратном пути вновь были подвергнуты погрому строгановские вотчины, население которых, спасаясь от “злого притужания” татар и пелымцев, засело в городках и острожках и “едва смерти избыша”.

Именно в это время отправились в свой легендарный поход за Урал “волжские атаманы и казаки” Ермака Тимофеевича, приглашенные на службу Строгановыми. Поднявшись на стругах вверх по течению рек Чусовой и Серебрянки, казачья дружина перетащила по волоку суда в речку Баранчу, а оттуда, стремительно продвигаясь по течению рек Тагила, Туры и Тобола, вышла к Иртышу. Здесь, под Чувашским мысом, произошло 26 октября 1582 года победоносное сражение с войсками Кучума. В тот же день Ермак занял покинутую перепуганным населением столицу Сибирского ханства. Весть о поражении Кучума разнеслась по окрестностям, и вскоре остяцкий князек Бояр, первым выразивший покорность казакам, доставил им в Искер ясак и припасы.

В ноябре грянули морозы, реки встали, отрезая ермаковцам путь на Русь. Началась их первая трудная зимовка в Сибири. Вернувшийся тем временем из пермского похода царевич Алей соединился с остатками войск Кучума, возглавляемых Маметкулом. 5 декабря у озера Абалак, находившегося в 15 верстах от сибирской столицы, произошло кровопролитное сражение, из которого казаки вновь вышли победителями.

В конце зимы 1583 года небольшая казачья станица, возглавляемая, по некоторым сведениям, пятидесятником Богданом Брызгой, отправилась вниз по Иртышу в “ясачный” поход. Казакам пришлось выдержать несколько стычек в прилегающих к Искеру татарских улусах, после чего они вступили в земли остяков. Покорив Назымскую волость и миновав владения князька Бояра, они сломили сопротивление “зборного” (т.е. собравшего помощь со всех сторон) князя Демьяна (Нимьяна) и его союзников — кондинско-пелымских вогулов, возглавляемых князем Романом. В захваченном городище ермаковцы дождались открытия навигации и, построив несколько легких стругов, отправились в дальнейший путь. На берегах реки Рачи, притоке Иртыша, они обратили в бегство остяков, совершавших жертвоприношение, после чего благополучно миновали засаду близ Цингальс-

кой горы и добрались “до Колпуховы волости и сотника их и молбища их шейтанского”, где отряд собрал ясак “з боем и без боя”. После этого у стен Самарова городка, там, где позднее возникнет Самаровский ям, а ныне находится город Ханты-Мансийск, в центре остяцкого Белогорского княжества, произошло сражение с князем Самаром, в “сборе” с которым было восемь местных князьков. Сам Самар и часть его приближенных погибли в бою. Многие жители покинули свои жилища и укрылись в тайге, а оставшиеся принесли казакам ясак “с поклоном”.

Далее за устьем Иртыша, вниз по Оби, начинались обширные земли Кодского княжества. Вскоре к ермаковцам явился со своими людьми для переговоров сам “большой” князь Алач (Алачей), владелец дюжины укрепленных городков, способный выставить сильное, хорошо вооруженное войско. В планы ермаковцев не входила война с одним из самых могущественных в Нижнем Приобье хантыйских княжеств, поэтому они заключили с кодским властелином дружественный союз, передав ему власть над всей округой (“постави князя болшого Алачея болшим, яко богата суца, и отпусти со своими честно”).

Вернувшись с ясаком в Искер, казаки рассказали Ермаку о теперь уже безопасном выходе на Обь, откуда можно было попасть на Русь древним Печорским путем. Вскоре 25 человек, возглавляемых Черкасом Александровым, отправились к царю с известием о “сибирском взятии”, забрав с собой “мягкую рухлядь”. Казаки “поплыща по Иртышу реке вниз, и по великой Оби вниз же, и черес Камень прошли Собью же рекою в Пустоозеро”, откуда добрались до Москвы.

А события в Сибири шли своим чередом. В одну из летних ночей 1583 года посланный на Вагай казачий отряд напал на татарские кочевья, перебил стражу и захватил в плен Маметкула, главного полководца сибирского хана. После этого начался развал Кучумова “царства”. В ставку Ермака привезли ясак мансийские князья Ишбердей и Суклем. От Кучума “отложились” некоторые татарские мурзы, в том числе его ближайший советник Карача, начавший собственную войну с русскими. Кроме того, воспользовавшись ситуацией, хану стал мстить за своих убитых родичей появившийся в Сибири тайбугин Сейдяк (Сеид-Ахмат), сын Бекбулата.

Тем же летом Ермак предпринял попытку вывести свой поредевший отряд “вспять на Русь” через владения пелымского князя Аблегирина и его союзников, но, потерпев неудачу, вернулся в октябре назад и стал готовиться к своей второй зимовке в Сибири. В конце 1583 года “приидоша к Ермаку от Карачи послы и просиша людей оборонити их от Казачьи орды”. Поверив их клятвам, что казакам не

грозит никакая опасность, Ермак отпустил с послами 40 человек “с вогненным боем” во главе с атаманом Иваном Кольцо. Но едва казаки явились в татарские кочевья, всех их предательски перебили. А на Великий пост 1584 года “прииде Карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь”. Осада продолжалась до июня месяца, пока ермаковцы, совершив смелую вылазку, не разгромили войска Карачи.

Вскоре Ермак с небольшим отрядом предпринял свой последний рейд на юг, вверх по течению Иртыша. 5 августа 1584 года он погиб в ночном бою на острове, расположенном на реке Вагай. “Слышав же сия во граде оставшеся казаки, яко Ермак и прочие казаки убиени бысть, и плакуся горце зело...”

А в ноябре того же года пришла, наконец, долгожданная помощь: посланные в Москву казаки Черкаса Александрова привели с собой 300 казанских, свияжских, пермских и вятских стрельцов под командованием воеводы князя Семена Болховского и письменных голов Ивана Киреева и Ивана Глухова. Вскоре Иван Киреев отправился в обратный путь, увозя с собой плененного Маметкула, а остатки казачьей дружины и вновь прибывшие стали готовиться к третьей зиме, которая для многих из них стала последней. Из-за отсутствия припасов у стрельцов Болховского начался жестокий голод. Умерли сам воевода и почти все его люди, а также часть ермаковцев. “А в Сибири толко остался во граде Иван Глухов, а толко с ним ермаковых казаков девяносто человек”, среди которых был и последний из их атаманов — Матвей Мещеряк.

Летом пережившие зиму построили струги и двинулись привычным путем вниз по Иртышу и Оби на Русь, не зная, что к оставленной ими столице Сибирского “царства” уже приближался посланный из Москвы отряд воеводы Ивана Мансурова. Подойдя осенью 1585 года к Искеру и узнав, что ермаковцы его покинули, а люди Кучума овладели им вновь, Мансуров ввиду превосходящих сил татар повернул назад. Вскоре из-за приближавшихся холодов русские ратники решили остановиться на зимовку. На правом берегу Оби, напротив устья Иртыша, был спешно поставлен укрепленный тыном Обской городок.

Новый приход русских в самое сердце Белогорского княжества, являвшегося важнейшим религиозным центром обских угров, привел к тому, что вскоре множество окрестных остяков подступило к Обскому городку. С большим трудом их натиск удалось отбить. На другой день остяки стали готовить новый штурм городка. Для того, чтобы полностью быть уверенными в победе, они “принесоша с собою

кумира своего”. Поставив его под большим деревом, они “начаша жрети пред ним, надеяхуся, яко помощью его христиан взяти и смерти предати”. Судьба этого “шайтана” и решила исход дела: метким пушечным выстрелом он был разбит, а насмерть перепуганные остяки разбежались. Через несколько дней некоторые из них вернулись к Обскому городку с ясаком и “поминками”, изъявляя тем самым свою покорность пришельцам.

Перезимовав в Обском городке, Мансуров и его стрельцы отправились весной 1586 года в обратный путь. Городок был, по всей видимости, на какое-то время заброшен, но потом, с возникновением Тобольска, его восстановили и стали посылать сюда “годовальщиков”, занимавшихся сбором ясака с окрестного населения.

Между тем слухи о появлении русского городка при устье Иртыша и о гибели белогорского “шайтана” довольно быстро докатились до коренных югорских земель, где располагалось Ляпинское княжество. Его князю Лугую, помимо Ляпина, принадлежали тогда еще пять городков: Юиль (Сек-телек-уш) и Мункос (Мункас-пауль), также стоявшие на берегу Сыгвы (Ляпиной), Сугмут-ваш (Березовый городок) в низовьях Северной Сосьвы, Куноват (Кун-аут-ваш, т.е. городок на высоком мысу), находившийся на берегу “некоего большого озера, сквозь которое река Куноват течение свое имеет”, и, наконец, Илчма (по предположению Г.-Ф.Миллера, этот городок “надо искать к западу от Югорского камня”, на реке Олеш или, по-зырянски, Илыч, впадающей в Печору, по которой “шла в прежнее время дорога с реки Сосьвы на Русь”).

Без малого сто лет со времен московских походов конца XV века русские служилые люди на эти земли не приходили, но память о прошлом была среди югричей еще жива. Поэтому можно понять беспокойство князя Лугуя, лично отправившегося в далекую Москву к царю Федору Ивановичу с просьбой, чтобы “тех его городков ратным людем, которые ныне сидят в городе... на великой реке на Оби, на усть Иртыша, воевать его, и племя его все, и его людей, которые в тех во шти городках сидят, не велети”, за что он обязался добровольно платить ежегодную дань в Вымскую землю.

Царь удовлетворил просьбу ляпинского князя, первым из нижеобских властителей прибывшего в Москву с изъявлением своей покорности. В августе 1586 года Лугуй получил грамоту, подтверждавшую его княжеское достоинство и определявшую размер ежегодной дани — семь сороков соболей “лутчих” с его владений и семь соболей с его семьи.

В том же 1586 году, закрепляя свой успех за Уралом, московское

правительство отправило сюда новый отряд служилых людей под командованием воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, вместе с которыми шли во второй (а иные, как Черкас Александров, и в третий) раз в Сибирь оставшиеся в живых ермаковцы. Над Турой, на месте древней Чимги-Туры, был возведен Тюменский острог. Через год вблизи другой сибирской столицы — Искера, где сидел уже Сейдяк, изгнавший отсюда сторонников Кучума, письменный голова Данила Чулков с отрядом прибывших из Москвы стрельцов и ермаковыми казаками основал Тобольск. Позднее Сейдяк вместе со своими союзниками Карачей и царевичем Казахской орды Ураз-Мухаммедом попал в плен и был отправлен в Москву. А еще через два года воевода Иван Нагой построил при впадении реки Лозьвы в Ивдель Лозьвинский городок, ставший на время важнейшим перевалочным пунктом в продвижении русских за Урал.

Вслед за этим размеренная поступь отрядов государевых служилых людей зазвучала и на обских просторах. На крутоярах великой сибирской реки и ее притоков вырастали стены и башни первых русских городов и острогов, заселялись ремесленниками и торговыми людьми их посады, возникали в глухой тайге промышленные зимовья, ставились на речных путях таможенные заставы. А коренных жителей Нижнего Приобья обложили ясаком. И потекла в ненасытную Москву “мягкая рухлядь” — валюта русского средневековья...

ВАССАЛЫ МОСКВЫ

ГОРОДКИ НА ОБИ

*Этот город, высотой в семь
лиственниц, был хорошо укреплен...*

Из хантыйского эпоса

Мы видели, что в XV веке московские ратники, а за столетие до этого новгородские удальцы не раз приходили на нижнеобские берега, пытаясь обложить данью местные племена. Не стал исключением в этом отношении и суровый XVI век. Вместе с тем и археологические находки, и письменные источники недвусмысленно свидетельствуют об издавна сложившихся мирных, прежде всего торговых, контактах русских с коренным населением Сибири. Так, например, в одной из царских грамот конца XVI столетия говорится: "...преж сего приходили во все сибирские города с Руси многие торговые люди, пермичи и вятчане, и вымичи, и пустозерцы, и устюжане, и усольцы, и важане, и каргопольцы, и вологжане, и всех московских городов торговые люди со всякими товары и торговали по всей Сибирской земле, ездя по городкам и по волостям, и по юртам, и по лесам, с татарами и с остяками, и с вогуличами, и с самоедью". (Между прочим, уже в 1584 году "чрезкаменный путь" Печорою и Усою на Обь стал известен от пустозерцев англичанам.)

Гости из-за Урала были прекрасно осведомлены о достаточно развитой культуре жителей Нижнего Приобья со сложившейся здесь своеобразной городской жизнью. Еще Сигизмунд Герберштейн на ос-

новании полученных им в Москве сведений отмечал, что “по берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей”. А в географическом описании XVII века — “Книге Большому чертежу”, восходящем преимущественно к источникам середины XVI столетия, вслед за “обдорскими городами” перечисляются собственно “югорские”, вытянувшиеся цепочкой вверх по Оби. Среди них названы “грады” Чемаш, Шеркар, Нецгаркор, Курмыш-Юган, Атлам, Карымкан, Емдыр, Калым и Обской Большой. Довольно легко большую их часть можно соотнести с остяцкими городками, входившими в XVI—XVII веках в состав Кодского княжества, раскинувшегося по обским берегам от устья Казыма до устья Иртыша. Если двигаться вверх по Оби от русского города Березова (а именно в Березовский уезд будет входить позднее территория княжества), то до первого кодского городка Чемашева (современного села Чемаша) было 120 верст. Далее, в 40 верстах вверх по Оби, стоял городок Шоркар (в переводе с языка коми-зырян — Город на ручье; остяки называли его Шашвош — Заспинный город). Как уже говорилось в предыдущем очерке, в середине XVI столетия Шоркар являлся, очевидно, столицей Кодского княжества. Ныне здесь расположен поселок Шеркалы.

Примерно в 60 верстах от Шоркара находилась собственно Кода — “срединная земля”, главное священное место обских угров, давшее название всему княжеству. Судя по “Книге Большому чертежу”, в которой еще нет сведений о Кодском городке, вплоть до конца XVI века никакого укрепленного жилого поселения здесь не было. Лишь после того, как вдова князя Алача приняла в 1599 году в Москве крещение под именем Анастасии, на этом месте был по ее челобитью построен первый в Кодском княжестве православный храм в честь Живоначальные Троицы с приделом во имя св. Николая Мирликийского. Вскоре сюда же перенесли и княжескую резиденцию (до этого и сам “большой” князь Алач, и его семейство проживали в 20 верстах к югу от Коды, в юртах на речке Ходос-Юган).

Неподалеку от Коды были расположены три городка: Нангакар, или Нангвош (по-зырянски и по-остяцки это название означало Лиственничный город), Низянский (Низямский) и Крамыш-Юган. Нангакар принадлежал брату Алача, принявшему крещение под именем Георгия (Юрия); в конце XVI — начале XVII века здесь жили его сын Онжа и внук Лобан. Низянским городком владело семейство Капландея, еще одного брата Алача.

Далее вверх по Оби находились “братья”-городки — Большой Атлым и Малый Атлым (с хантыйского языка слово атлым переводится как брат; возможно, некогда оба городка были основаны какими-то

братьями-князьями). Еще выше стояли городки Карымкар, Вежакар, или Емэн-вош (по-хантыйски — Священный город), Вонжакар и Нарыкар.

Кроме того, на речке Калтысянке, впадающей в Обь выше устья Северной Сосьвы, уже в XVII веке находились юрты Кылдысянские (Калтасянские или Калтокожские), очевидно, получившие свое название от общеугорского святилища в честь богини-жизнеподательницы Калтац-ими (Калтац-анки), которое было перенесено князем Алачем на север из Белогорья, попавшего в зависимость от Коды в результате гибели княжества Самара под ударами русских. Изображение этой богини, известное в документах начала XVII века под именем Палтыш-болвана, стало символом власти представителей княжеской династии в Коде. По преданию, Алач забрал из Белогорского святилища еще и панцирь Ермака, якобы переданный сюда ханом Кучумом после гибели бесстрашного атамана. Впрочем, кодские князья недолго хозяйничали в этих местах: к началу XVII века две Белогорские волости, в которых насчитывалось около 80 человек ясачных, были разделены между Березовским и Тобольским уездами, а в 1610 году вторая из них по челобитью ее жителей была выведена из тобольского подчинения и передана в Сургутский уезд.

Древнее Эмдерское княжество, некогда располагавшееся на реке Ендырь (левобережье Оби) и воспетое в знаменитой остяцкой былине о его богатырях, также было во второй половине XVI века завоевано кодскими князьями, а его разрушенная столица Эмдер (Емдыр — по “Книге Большому чертежу”) пришла в упадок. “Град” Калым, упомянутый в “Книге”, следует, судя по всему, искать в низовьях Тавды — левого притока Иртыша, где впоследствии находилась татарская Калымская волость, о которой сообщает Ремезовская летопись. Что же касается города, обозначенного в “Книге” как Большой Обской, то это, очевидно, Самаров городок, столица Белогорского княжества.

К моменту появления в Сибири дружины Ермака в Нижнем Приобье существовали, помимо Кодского, еще четыре княжества — Обдорское, Ляпинское, Казымское и Белогорское. Кроме того, в Среднем Приобье находились Бардаково (Сургутское) княжество и нарымская Пегая орда, а в низовьях Иртыша — Демьянское княжество. В бассейне рек Тавды, Пелыма и Конды были расположены также княжества Пелымское и зависимое от него Кондинское, которые в этот период можно рассматривать как двуединое раннегосударственное образование. Некоторые княжества впоследствии были покорены русскими служилыми людьми не без активной помощи Коды, ибо, признав одним из первых власть московского царя, кодский “большой”

князь Алач (“той бо бе, — писал о нем летописец, — во всех остяцких городах славен”), в отличие от других властителей приобской тайги, вступил с российской короной в отношения своеобразного вассалитета: уплата “государевой подати” в виде ясака была заменена кодичам обязанностью нести военную службу. Это позволило Алачу и его наследникам не только довольно долго сохранять определенную независимость своего княжества, но даже расширить его территорию. Вместе с тем война и военный грабеж стали едва ли не главной формой и средством существования кодских остяков, что в немалой степени было вызвано неблагоприятными природно-климатическими условиями, и прежде всего отсутствием здесь богатых пушных промыслов. Как жаловались в середине XVII века в одной из своих челобитных жители Коды, “живем мы край Оби реки все по берегу, кормимся рыбою, а отхожих, государь, у нас от реки в гору промыслов и речек нет, а вверх идучи Обью рекою все пришли болота и тундры, а по тундрам все кочевная самоедь, а по другую сторону Оби реки кондинские остяки и пелымские вогуличи, и нам, государь, промышлять негде”.

Специфика вассальных отношений с Москвой не могла не повлиять и на социальную структуру кодского общества, которая в общих чертах сложилась еще задолго до прихода сюда ермаковых казаков и государевых служилых людей, но окончательно оформилась уже в период русского владычества в Сибири. Как свидетельствуют источники, помимо князей и членов их семейств, к концу XVI столетия в кодских городках в основном проживали свободные люди. Главной их повинностью была военная служба, которую они несли в составе ополчения, собираемого князьями с подвластных им земель. От семьи выставлялся один воин. Закаленные в боях кодские “служилые” остяки совершали дальние походы: летом — на лодках, зимой — на оленьих нартах. На войну или в промысловые экспедиции они отправлялись со своим вооружением, которое при недостатке восполнялось из княжеских арсеналов. “Князь Игичей, и Онжа, и Чумей Алачевы, и дети их, — вспоминали позднее кодские ветераны, — нас на твои государевы службы отпускаючи, запасом и деньгами и всякою ратною сбруею, пансырями и шеломами и добрыми собаками звериными сподобляли, и мы... многих твоих государевых изменников и непослушных людей побивали и в полон жен их и детей имали и, деля тот полон по себе и приходя со службы в Кодские городки, князьям, князю Игичею с братьею, и детям их, после их, князей, и внучатом Алачевым в почесть ясырем и лучшим зверем били челом и тем княжие подъемы окупали”. Те же из свободных остяков, кого к службе не привлекали, должны были платить годовые “поминки” — добровольный дар князю

“в почесть” — в виде пушнины. Реже “поминки” делались продуктами (например “сухой рыбой”) или предметами домашнего обихода.

Кодские князья были в состоянии выставить “в поле” вооруженный отряд до 200, а по некоторым сведениям — до 300 человек. Помимо участия в военных действиях, на “служилых” остяков ложились также обязанности оказывать помощь русским при строительстве городов и острогов, делать кочи и мелкие суда, совершать ежегодные походы вместе с казаками и стрельцами на Ямыш-озеро “по соль”. Приходилось им исполнять и подводную повинность — “давать подводы под государеву казну и под гонцов”, и другие “всякие изделия”. Из царской казны специально выделялись хлебные запасы на прокорм кодским воинам, а князю Игичею и его братьям были установлены даже денежные оклады.

Выполняя в течение нескольких десятилетий “всякие... службы, струговые и лыжные”, кодские остяки приобрели немалый боевой опыт. “В посылках в сибирских городех и в уездах, — с гордостью писали они в одной из своих челобитных, — и в дальних землях служили всякие государевы службы... и кровь проливали и головы свои складывали исстари, от Сибирского взятъя”.

Другой, зависимой, категорией населения Кодского княжества являлись ясачные люди, проживавшие в завоеванных или пожалованных царем волостях и обязанные платить дань (ясак) князю. В 90-х годах XVI века такими волостями, помимо родовых княжеских вотчин в самой Коде, были Ендырская, образованная на месте покоренного еще до прихода русских Эмдерского княжества, и Ваховская, захваченная Игичеем Алачевым во время участия в войне с Пегой ордой. Небольшая часть ясака (с 17 человек) поступала из Ваховской волости в “государеву казну” в Сургут, а гораздо большая (с 40 человек) — в Коду. Кроме того, в 1594 году царь Федор Иванович “пожаловал” Игичею Алачева и его двоюродного брата Онжу Юрьева за их особые заслуги “волостью Васпалукук да волостью Колпукулук со всеми угоды и ясаком...” (имеются в виду Васпукольская, или Аспукольская, волость, находившаяся на левом берегу Оби, в 130 верстах ниже Березова, и Колпукольская, или Колпуховская, волость, расположенная на правом берегу Иртыша между Демьянским и Самаровским городками). О недолгом правлении кодских князей в землях Белогорья уже говорилось выше. Следует также добавить, что царь передал Игичею в пожизненное владение волость Лену на Выми. После смерти князя она была пожалована его матери княгине Анастасии и сыну Петру.

Размер ясака, получаемого князьями, колебался от одного до пяти соболей с человека в год, исходя из возможностей каждого ясачного. Жители ясачных волостей были к тому же обязаны содержать за свой

счет ежегодные экспедиции сборщиков дани, возглавляемые или самим князем, или его людьми. В случае крайней нужды ясачных могли привлекать и для участия в военных походах.

Еще одну категорию зависимых людей составляли в Кодском княжестве рабы. Основным источником рабства являлся “погромный ясырь”, т.е. военнопленные. Как жаловались в 1600 году подвергнутые незадолго до этого страшному разгрому кондинские вогуличи, “жены их, и дети, и сестры, и братья, и племянники у князя Игичея и у его людей в их волостях служат в холопех шесть лет, и, живучи де у него и у людей его, с работы и с нужи, и с голоду, и с наготы и босоты вконец погибли и помирают нужною смертью”. Во время похода на Пегую орду кодские остяки, подвергнув разграблению стойбища нарымских селькупов, “жен их и детей в полон поймали”.

Помимо захвата пленных во время войны, холопов приобретали путем купли (так, например, в конце XVI века у Степана Пуртеева, родственника Анны, жены Игичея Алачева, были “3 женки полонянки купленные”), а также через долговое рабство. Количество невольников в Кодском княжестве составляло одну четверть жителей городков, причем практически все они принадлежат князьям и их родственникам. Им приходилось выполнять всю “черную” работу в княжеских хозяйствах: они, по свидетельству одного из документов, ловят рыбу, “дрова секут, и сена косят, и хоромный лес плавят, и сено ко двору на нартах вьючат, и во дворе робят”. Однако к охотничьему промыслу рабов, как правило, не допускали.

Все приведенные выше факты красноречиво свидетельствуют о том, что в Кодском княжестве уже в XV—XVI веках складывались раннефеодальные отношения, а с приходом за Урал русских этот процесс ускорился. Московское правительство, используя в своих целях воинственных кодских остяков, многое прощало им. В свою очередь, помощь Кодского княжества Русскому государству в освоении Сибири была в конце XVI — начале XVII века весьма значительной.

НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРЕВОЙ

*...С Ермакова взятъя Сибири... служили мы,
холопы твои, с кодскими князьями...
и на всяких ослушников... с тобольскими
и с березовскими казаками за один ходили...*

Из челобитной кодских остяков

Выполняя свои вассальные обязанности, князь Игичей Алачев и его воины уже в самом начале 90-х годов XVI века совместно с при-

сланными из Тобольска в Обской городок “годовальщиками” совершили дерзкий рейд во владения Пегой орды. Тогда-то и появились у “князь Игичеевых людей” нарымский и тымский “полоны”. В числе других пленных оказался также Урунк — сын могущественного повелителя нарымских селькупов князя Вони. Княжича тут же доставили в Тобольск — новую, теперь уже русскую столицу Сибири.

Поделив военную добычу, кодские остяки стали готовиться к новым сражениям. Еще летом 1592 года в Приуралье начался набор ратных людей для решающего удара по остяцким и вогульским княжествам Приобья. Первоначально главными его объектами должны были стать Пелымское и Кондинское княжества. Дело в том, что уже с 1589 года Большая Конда, и с 1590 года и Малая Конда были обложены ясаком служилыми людьми из Тобольска. Очевидно, тогда же вынужден был выразить покорность русским и пелымский князь Аблегириим. Но когда в том же 1590 году в окрестностях Тобольска появился со своим войском хан Кучум, кондинско-пелымские вогуличи, находившиеся, судя по всему, с ним в сговоре, “изменили” московскому царю.

В 1591 году кучумовцы были разбиты тобольским воеводой Владимиром Кольцовым-Мосальским у озера Чиликуль на Ишиме. А к декабрю 1592 года столичные стратеги разработали детальный план похода на Пелым, который предстояло возглавить чердынскому воеводе Никифору Васильевичу Траханиотову и посланному из Москвы князю Петру Ивановичу Горчакову. По первоначальному замыслу, они должны были, поднявшись по Вишере, пройти через Уральские горы к реке Лозье, а весной выступить на судах из Лозьвинского городка и построить в Пелымском княжестве опорный пункт — присмотрев “под город место, где пригоже”, поставить его или “в Тоборах, или старой город занять”, т.е. обосноваться на развалинах прежней столицы княжества, располагавшейся при впадении Пелыма в Тавду (новая столица находилась выше по течению Пелыма). После этого Горчаков со своими людьми должен был “приманить пелымского князя Аблегириима, да сына его большого Тагая, да племянников его, да внучат Пелымского; тех всех, приманив, извести, и лучших его людей пяти-шти, которые самые пушие, от которых смута была, про тех, сыскав, переимав их, извести”. В том случае, говорилось далее в царском наказе, данном Горчакову, если Аблегириим, разгадав коварный замысел, “к воеводам не появитца, а почнет бегать, и воеводам... став против Пелымки на старом городище, послать ратных людей в малых судах... искать Аблегириима Пелымского, и жоны их, и дети их и люди воевать и побивать, а городок его жечи...”

Однако, как показал опыт московских походов еще второй половины XV века, разгромить Пелымское княжество лобовым ударом, без ликвидации его тылов на Конде, было практически невозможно. Поэтому руководители военной экспедиции еще в Чердыни избрали другую стратегию — сначала укрепиться в устье Северной Сосьвы (это, кстати, тоже входило в первоначальный московский план, но уже на последней его стадии), а оттуда совершить вторжение в Кондинское княжество, используя помощь и боевой опыт “служилых” остяков Коды — давних врагов кондинских вогуличей. Одновременно предполагалось нанести из Лозьвинского городка удар по Пелыму.

Следуя этому плану, в 1593 году “воеводы Микифор Траханиотов, князь Михайло Волконский да голова Иван Змеев, а с ними... ратных людей триста человек”, взяв с собой для плотницких работ “даточных людей с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычеготцкой полтораста человек”, двинулись зимним путем по Лозьве к устью Северной Сосьвы. Здесь, по соседству с остячко-вогульским городком Сугмут-ваш, принадлежавшим ляпинскому князю, был заложен весной город Березов, представлявший собой квадратную в плане крепость с рублеными стенами и башнями по углам. Вдоль Вогульской протоки к городу был пристроен вытянутый в виде неправильного прямоугольника пятибашенный острог. Вся тяжесть строительных работ, продолжавшихся все лето, легла на плечи “даточных людей”, отпущенных после зимовки домой. Служилые же люди “Березова города не ставили и лесу на городовое дело не ронили, а были в те поры на отводных караулах от остяков и в розсылке на государских службах”.

Таким образом, летом 1593 года началось приведение к покорности ляпинских остяков, которые, вероятно, были потрясены вероломством русских, ибо после получения Лугуем жалованной грамоты от царя, гарантировавшей неприкосновенность его княжества, они вот уже семь лет чувствовали себя в относительной безопасности. Чуть позже их недовольство выплеснется в форме мощного антирусского восстания, о котором будет сказано ниже.

Тем же летом, соединившись с прибывшими к строящемуся городу кодскими остяками, березовские служилые люди спустились на судах по Оби и, достигнув владений обдорских князей, изрядно их “повоевали”. В числе прочего был захвачен и разграблен обдорский городок Войкар. В результате у кодичей появились рабы “войкарского полона”, а князя Игичей Алачев и Онжа Юрьев, как уже упоминалось выше, были “за их службу в Сибирской земле” награждены в феврале 1594 года Васпукольской и Колпукольской волостями. Не остался в убытке и сам московский государь. Ведь буквально за одно

лето в состав его державы, помимо обширного Ляпинского княжества, уже реально, а не номинально, как это было раньше, вошли еще и обдорские земли. Население всех этих территорий обложили ясаком, который оно должно было возить в Березов, ставший центром нового уезда. Спустя некоторое время в нижнем течении Оби, при впадении в нее реки Полуй, на мысу, где некогда находилось древнее городище, называемое местными жителями Авот-ваш или Саля-харн (в переводе с хантыйского и с ненецкого языков это означает Носовой город), появился Обдорский острог. Сюда стали посылаться из Березова “годовальщики”, занимавшиеся сбором ясака с местных остяков и окрестной “самояди”.

Обдорский острог, на месте которого ныне расположен Салехард, столица Ямало-Ненецкого округа, стоял на одном из древнейших путей в Сибирь, поэтому здесь была учреждена таможенная застава, контролировавшая передвижение купцов и промышленных людей в знаменитую “златокипящую” Мангазею и обратно. На противоположном левом берегу Оби, немного выше устья реки Сось, была поставлена еще одна таможня, преграждавшая свободный проход в Обь и из Оби в Обскую губу. Обе заставы — Обдорская и Собская — были объединены под общим управлением.

Но вернемся к событиям лета 1593 года. В то время, как близ городка Сугмут-ваш раздавался стук плотницких топоров, к устью Пелыма спускалась на судах рать князя Петра Горчакова и письменного головы Семена Ушакова. По дороге ей пришлось сражаться с вогуличами. Во время одного из боев на Лозье сыну боярскому Василию Тыркову удалось захватить в плен Тагая, старшего сына пелымского князя, которого он отвез в Москву. Возможно, воеводы надеялись использовать княжича как заложника в случае неудачи с пленением его отца, но столичные власти от своего плана не отступили: по прибытии в Москву Тагай был умерщвлен.

Тем временем на месте старого вогульского городища, при впадении Пелыма в Тавду, был заложен новый русский город. По замыслу воевод, он должен был представлять собой рубленый четырехугольник с башнями по углам. Однако сразу это сделать не удалось, поскольку “на Пелыми деи, — жаловались позднее его строители, — города нарубить и покрыть некому, плотников нет, а служилых людей мало ж”. Поэтому, “чтоб в городе сидети было безстрашно”, около недостроенной крепости был поставлен острог из “березового жердя” с семью наугольными и воротными башнями, а вокруг него был выкопан ров.

После того, как строительство обоих опорных пунктов — Березова и Пелыма — было в основном закончено, Пелымское и Кондинс-

кое княжества оказались под ударом с двух сторон. Тогда-то воеводы и приступили к реализации своего плана. С наступлением зимы 1593 года посланные из Березова русские казаки и стрельцы под командованием письменного головы Ивана Змеева, вместе со “служилыми” остяками Игичея Алачева поднявшись по Оби, прошли, громя все на своем пути, от устья Конды до столицы Кондинского княжества — городка Картаужа. Участники похода нанесли сокрушительное поражение местным вогуличам: многих “людей... побили, и иных в полон поймали”, “юрты их разорили, и животы и статки все поймали...” Был захвачен в плен и сам кондинский князь Агай вместе со старшим сыном Азыпкой, братом Косякмой. Добычей Игичея Алачева стала также дочь Агая, однако, когда весной 1594 года победоносное войско вернулось в Березов, воеводы “ту девку у него взяли насильством и отдали... березовским остякам”. Обиженный Игичей пожаловался на самоуправство местных властей своему верховному сюзерену. В ответной царской грамоте воеводам было строго приказано: княжну отыскать и отдать “ему, князю Игичею Алачеву, тотчас, чтоб вперед на вас нам не бил челом”.

Одновременно начал военные действия против пелымцев и воевода Петр Горчаков. В конце концов князь Аблегириг, лишившийся своих тылов на Конде, вынужден был сдаться на милость победителей (в Погодинском летописце упоминается, что Горчаков “пелымского князя Аплыгарыма, призвав в город, поймал”), очевидно, не зная, что ему уже давно подписан русскими властями смертный приговор. В плену оказались также его младший сын Таустей (Таутий) и внук Учот, сын Тагая. Впоследствии в Москве, куда отвезли семьи пелымского и кондинского князей, Учот принял крещение под именем Александра. Позднее на родину удалось вернуться лишь его сыну Андрею (он и его потомки, сохранив за собой титул князей Пелымских, служили в детях боярских сначала в Пелыме, а потом в Верхотурье), а также сыновьям Азыпки — Василию и Федору Кондинским. Считаясь в глазах местных вогуличей законными князьями Большой Конды, они, как и их племянник Андрей Пелымский, были поверстаны в дети боярские и несли службу в Пелыме.

Между тем кодские остяки все никак не могли успокоиться и продолжали совершать набеги на Конду вплоть до 1600 года. И лишь угроза дальнейшего сокращения ясачных платежей (еще в 1596 году правительство вынуждено было простить недоимки, накопившиеся с прошлых лет, и снизить сбор “мягкой рухляди” с Большой и Малой Конды, поскольку “многие у них ясачные люди побиты”) заставила Москву пресечь агрессивность своих вассалов: был послан приказ,

чтобы они “в Большую Конду воровством не ходили, а вогуличь не били, и жон и детей и людей не имали, и насильства им никоторого не чинили...”

...Еще не успели отгреть бои на Конде и Пелыме, а московские власти стали готовить новый поход — теперь уже в Среднее Приобье. 19 февраля 1594 года воеводам князю Федору Петровичу Борятинскому и письменному голове Владимиру Оничкову был дан наказ о строительстве во владениях остяцкого князя Бардака нового города Сургута, чтобы уже оттуда можно было продолжить натиск на селькупскую Пегую орду. В то время Урунк, сын князя Воня, все еще находился в “аманатах” (заложниках) в Тобольске, и этому факту придавали в Москве особое значение. В наказе воеводам предписывалось: “Вонина сына Урунка взять с собою в новой город... и к отцу его приказать, чтоб он был в новой город в Сургут, и ясак с себя и со всей Пегой орды собрав, привез. А государь его пожаловал, велел ему его сына отдать и велел держать его под своей высокой рукой. Будет только сам Воня в новой город не будет, а пришлет ясак с племянником или с лутчими людьми, и им ясак взять и сына Вонина отпустить к отцу” В случае, если Воня ясак не пришлет, воеводам надлежало, собрав людей, “ту Пегую орду воевать”, чтобы с князя “ясак взять и привести под государеву руку”.

Отправившись из Москвы, Владимир Оничков прибыл в Лозьвинский городок, где погрузил на суда оружие и припасы. Соединившись в Пелыме с казачьей станицей атамана Темира Иванова, он добрался до Тобольска, где его уже ждал князь Федор Борятинский. Пополнив свой отряд тобольскими служилыми людьми, воеводы спустились по Иртышу до Обского городка и, в соответствии с царским наказом, сожгли его, а находившихся здесь “годовальщиков” — “ратных людей, литву и казаков” — забрали с собой. Вскоре к устью Иртыша прибыли им на помощь березовские казаки и кодские остяки князя Игичея Алачева, после чего вся эта армада двинулась вверх по Оби...

Осенью 1594 года на правом берегу Оби, в полутора верстах от устья речки Бардаковки и при устье другой небольшой речки Сальмы (современной Саймы), уже стоял Сургут — деревянный рубленый город с четырьмя башнями по углам. Впоследствии это укрепление было усилено еще и острогом с двумя “глухими” и одной “проезжей” башнями. “Тутошних” бардаковых людей, попытавшихся было оказать сопротивление, “замирили” с помощью пушек, пищалей и кодских стрел и обложили ясаком. После этого настала пора разыграть карту под именем “Урунк”... И действительно, князь Воня тут же поспешил в новый город, взяв с собой изрядное количество “мягкой рух-

ляди". Выкупив сына из "аманатов", он решил, что на этом расчет с Москвой закончен, поэтому, когда на следующий год сургутские воеводы послали в Пегую орду своих ясатчиков, им пришлось возвращаться назад с пустыми руками.

Более того, не дожидаясь, пока его владения постигнет судьба соседних княжеств, селькупский князь сам попытался перейти в наступление. А он располагал достаточно внушительными силами: как доносили в Москву сургутские воеводы, "у Вони князя с братьею и с детьми собирается с 400 человек, а все около его ходом в днище, а иные де волости подошли к Воне близко ж". К тому же в 1596 году от князя Бардака поступило тревожное известие о том, что к Пегой орде подкочевал сам хан Кучум, который "ссылается с князем Воней, и что они меж собой постановили договор, чтоб весной (1597 года. — Авт.) со всеми своими людьми идти против Сургута".

Для предупреждения этого "изменного" замысла в Москве решено было нанести той же весной сокрушающий удар по Пегой орде. В экспедиционном корпусе из 550 человек, который предстояло сформировать из служилых людей Тобольска, Березова и Сургута, а также из ясачных остяков, особая роль отводилась сотне воинов кодского князя Игичея, прекрасно зарекомендовавших себя в предыдущих сражениях. Однако войска к назначенному сроку собраться не успели, поэтому поход на год передвинули. Наконец, в 1598 году русские ратники вместе с союзными им остяками вторглись в пределы Пегой орды и разгромили ее. В бывших владениях князя Вони, имя которого исчезает со страниц документов того времени (очевидно, он был убит), возник еще один опорный пункт русских — Нарымский острог, основанный сургутским казачьим атаманом Тугарином Федоровым. В том же году в устье реки Ирмени, в Барабинской степи, были разгромлены главные силы Кучума.

После смерти князя Игичея Алачева, последовавшей около 1603 года, руководство военными силами Кодского княжества перешло к Онже Юрьеву, постоянно сопровождавшему своего кузена в предыдущих походах. Когда летом 1604 года по просьбе еуштинского князька Тояна на мысу над рекой Томью служилые люди сургутского головы Гаврилы Писемского, тобольского сына боярского Василия Тыркова и тюменского казачьего атамана Дружины Юрьева приступили к строительству Томска, был "з Гаврилом с Писемским" и князь Онжа, "а с ним было котцких остяков 100 человек, город ставили и всякое городовое дело делали".

Пока князь Онжа Юрьев нес государеву службу вдали от дома, вдова Игичея княгиня Анна Пуртеева и ее юный сын Михаил как

представители старшей линии в роду Алачевых правили в Коде. Между тем смерть грозного Игичея и отсутствие в княжестве лучших воинов подтолкнули к активным действиям кондинских вогуличей. Как говорилось в царской грамоте в ответ на жалобу в Москву князя Михаила Алачева, “наперед сего отец их, князь Игичей, по нашему указу послан был с нашими воеводами и служилыми людьми на нашу службу в Конду воевать и наших непослушников и изменников приводить под нашу царскую высокую руку, и они деи (кондинские вогуличи. — Авт.), рнясь тому, бьют нам челом на него, и емлют наши грамоты ложно, и за тех убитых людей, которых отец их с служилыми нашими людьми побил, ищут поголовщины; да они ж деи похваляются на них (кодских остяков. — Авт.) приходиться войною и его, и людей его побивать насмерть”. Идя навстречу просьбам князя Михаила, царь Борис Годунов поручил в том же 1604 году березовским воеводам его “беречи, чтоб ему и его людем ни от кого тесноты и насильства никакого не было”. И действительно, в течение ряда лет “для береженья” кодских князей к ним с “Березова посылалось по 10 человек годовальщиков русских служилых людей с огненным боем”.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

*...А в измене де были все земли
лучшие люди...*

*Из расспросных речей участников
Березовского восстания 1607 года*

Начало “бунташного” XVII века связано в нашем представлении с глубокими социально-политическими потрясениями, вошедшими в русскую историю под названием Смуты. Ряд непрекращающихся мятежей и восстаний вкупе с польско-шведской интервенцией на полтора десятка лет ввергли Русское государство в пучину бед. Не обошли стороной эти события и далекое Нижнее Приобье...

...Когда Онжа Юрьев вернулся со своими ратниками из томского похода, в Коде со всей очевидностью встал вопрос о власти: овеянный воинской славой честолюбивый ветеран решил стать “большим” князем. Сложилась ситуация, схожая с той, что наблюдалась во второй четверти XV века в Московском княжестве, когда престол у юного князя Василия II оспаривал его родной дядя Юрий Дмитриевич, удельный князь Галицкий и Звенигородский. Естественно, Онжа и слыхом не слыхивал об этой истории. Тем не менее, подобно Юрию Дмитриевичу, отправившемуся для подтверждения своих прав на

великое княжение за ярлыком в Орду, он, в свою очередь, поехал в Москву и подал здесь на царское имя челобитную. В ней, ссылаясь на свои заслуги и жалуясь на то, что он и его люди “одолжали великими долги”, Онжа просил вернуть ему языческий символ власти в Кодском княжестве — Палтыш-болван, принадлежавший ранее Игичею Алачеву и взятый после его смерти “на Березов в казну”.

Время для решения этого в общем-то мелкого по меркам московского правительства вопроса было выбрано не самое подходящее: на Руси полыхал пожар гражданской войны. После загадочной смерти царя Бориса Годунова и убийства его сына Федора на московском престоле оказался авантюрист Лжедмитрий I, менее чем через год преданный страшной смерти ворвавшейся в Кремль толпой восставших москвичей. Случилось это 17 мая 1606 года, после чего новым царем стал Василий Шуйский. Желая, по всей видимости, иметь как можно больше союзников, он решил удовлетворить просьбу остяцкого князя-язычника, приехавшего с берегов далекой Оби. 12 июля 1606 года березовскому воеводе князю Петру Ахамашуковичу Черкасскому была послана грамота, в соответствии с которой Онжа Юрьев жаловался “в Котцкой земле княженьем, как брат его князь Игичей княжил”. При этом ему не только возвращался Палтыш-болван, но и передавались также обе волости, Васпукольская и Колпукольская, находившиеся ранее, как мы помним, в совместном владении двоюродных братьев.

Спустя несколько месяцев вновь объявленный верховный князь Коды отправился домой. Вместе с ним возвращался на родину Мамрук, сын обдорского князя Василия. В дороге им было о чем поговорить: одерживая одну победу за другой, к столице подошла грозная повстанческая армия Ивана Болотникова. В начале октября 1606 года началась двухмесячная осада Москвы. Власть “боярского” царя Василия Шуйского висела на волоске.

Мамрук, также получивший в Москве грамоту, подтверждавшую его княжеское достоинство, уже давно лелеял надежду сместить своего отца и самому править в Обдорском княжестве. Этого можно было добиться, выдвинувшись на военном поприще. Самым коротким путем для достижения подобной цели являлся захват Березова — символа русского владычества в крае. В свою очередь, Онжа Юрьев, стремясь упрочить свою власть в Коде, тоже не раз подумывал о нападении на Березов. Первые шаги в реализации этого замысла оба они, очевидно, предприняли еще до поездки в Москву. В подготовку восстания были вовлечены многие “лучшие люди” из окрестных ясачных волостей. Уже осенью 1606 года заговорщики обсуждали план, как город сжечь,

и “казну и хлебные запасы громить, и служивых и торговых людей побить, и за тем де у них измена не учинилась, что Онжа и Мамрук Обдорский были на Москве”.

Тем временем из числа местной знати, готовящейся поднять восстание, выдвинулись новые и весьма опытные лидеры. Одним из них являлся ляпинский князь Шатров Лугуев, который “приступал к Березову городу” еще в 1595 году. “И как де город и острог поставили, — вспоминали позднее эту осаду казаки, — и березовские де остяки и самоедь к городу и к острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших людей побили. А достальные де наши люди от тех остяков сидели в городе в осаде болши полугода”. Дело было настолько серьезным, что тобольские воеводы прислали “выручати” осажденный березовский гарнизон “Черкаса Александра с служилыми людьми”. Командовавший в то время тобольскими служилыми татарами “Иван Александров сын, а прозвище Черкас”, знакомый нам по предыдущему очерку, накануне вместе с князем Андреем Елецким возводил на Иртыше новый город Тару, а по возвращении тут же был послан в Березов снимать с него осаду. В тот раз Шатров Лугуев сумел избежать сурового наказания за свою “измену”. И вот теперь он готовил новый поход на ненавистный ему русский город.

Другим лидером, заметно выделявшимся среди руководителей, готовящих в начале 1607 года антирусское восстание, был старый князь Василий Обдорский, также не питавший особой любви к русским. Известно, что, когда в 1600 году была разгромлена шедшая в Мангазею экспедиция князя Мирона Шаховского, в Тобольске подозревали, что в этой акции вместе с “самоедью” участвовал и обдорский князь.

Сообщение вернувшихся из столицы Онжи и Мамрука о непрочности положения русского царя послужило толчком к активизации деятельности остяцких вождей. Но, как нередко бывало в подобных случаях, в рядах повстанцев нашелся предатель. Им оказался сын одного из “лучших” подгородных остяков. Позднее он не без гордости вспоминал, что, “проведав” у своего отца Ваюся (в других источниках его называют Васюком) и его единомышленников об “измене” (“хотели они, те остяки всех волостей, Березов город и острог выжечь, а воеводу и служилых людей хотели побить всех без остатку”), поехал в город и сделал по этому поводу донос. “И воевода князь Петр Черкаской послал з Березова служилых людей в Березовский уезд в волости взять лутчих людей остяков”. Ваюся, отца предателя, и некоторых его товарищей арестовали, а сам он “за извет на остяков и на отца своего был пожалован” — крещен в православную веру под именем Григория “и в казаки поверстан”. Впоследствии, прослужив

более 20 лет в казаках, Григорий Ваюсев был “за старостью” отставлен. На досуге он вспомнил “прежние бесовские и темнообразные прелести”, т.е. вернулся к языческим верованиям своих предков. В 1634 году по распоряжению березовского воеводы Алексея Мешкова-Плещеева его отослали к софийскому сыну боярскому Григорию Иванову “на смиренье” за то, что он, “живучи в юртах, остяком делает шайтаны, и у себя в юрте шайтаны держит, и по первой своей вере тем шайтанам кланяется”. В последний раз имя старика Ваюсева упоминается в источниках в 1657 году, когда он хлопотал за своего сына Купрюшку, которого незадолго до этого велено было “выметать” из казаков.

Но вернемся к событиям 1607 года. К весне маховик антирусского восстания раскрутился и отдельные репрессивные акции березовского воеводы уже не могли существенно изменить обстановку. В течение апреля—мая около двух тысяч восставших, собравшихся со всех волостей Березовского уезда, неоднократно пытались взять город штурмом. Его гарнизон состоял в то время из 314 служилых людей, “и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили”.

Вооруженным луками и стрелами повстанцам не под силу было овладеть рубленным городом и примыкавшим к нему острогом, которые оборонялись русскими служилыми людьми по всем правилам военного дела. К тому же в среде восставших начались раздоры, ссорились между собой честолюбивые князья. Используя эти противоречия, березовский воевода пустил в ход посулы и обещания. Первым в конце мая 1607 года “повинился” Онжа Юрьев, опасавшийся, очевидно, лишиться из-за своих необдуманных действий не только обещанного царем Палтыш-болвана, но и жизни. В знак своей лояльности он привел в Березов схваченных им “изменников”. 2 июня “приехал на Березов князь Мамрук Обдорской, а с ним 8 человек остяков, а в распросе князь Мамрук с товарищи в измене повинились на себя и на отца своего на князя Василия и на всех остяков Березовского уезда, и измену сказал, и изменили они всею землею, и в том де он... виноват, что на отца своего и на всех остяков измены посяместа не сказал для того, что блюлся отца своего и от остяков убивства”.

Вскоре с помощью Онжи Юрьева и Мамрука были захвачены руководители восстания — князья Василий Обдорский и Шатров Лугуев. После этого началась жестокая расправа. Многие рядовые участники выступления были тут же повешены, “чтоб на то смотря, иным ворах не повадно было воровать”. Судьбу главных зачинщиков “большой измены и смуты” решал в Москве сам царь Василий Шуйский.

Им был вынесен смертный приговор: князя Василий Обдорский, Шатров Лугуев, Ваюсь, новокрещены Петрушка Куланов и его сын Антон, а также другие “лутчие люди... за их измену в Березове перевешаны двенадцать человек”. Тела их для устрашения оставались на виселицах вплоть до весны 1610 года, пока по челобитью родственников их не разрешили, наконец, похоронить. Что касается Онжи Юрьева и Мамрука, то они были лишь “даны на поруки”. Вскоре за свое предательство один из них получил-таки обещанное Василием Шуйским княжение в Коде, а другой стал править вместо своего казненного отца в Обдорской земле.

В Коде царское решение вызвало раздор и смуту. Вдова Игичея княгиня Анна Пуртеева, женщина энергичная и властная, не могла смириться с тем, что власть в княжестве ускользает из рук старшей ветви. Вражда обострилась настолько, что когда в 1609 году она вместе со своей родней и Чумеем Капландеевым, другим двоюродным братом Игичея, попыталась поднять новое восстание против русского владычества в Нижнем Приобье, заговорщики прежде всего хотели “убить князька Онжу Юрьева”. Княгиня Анна вела тайные переговоры с кондинскими вогуличами и обдорским князем Мамруком, призвала к мятежу белогорских и сосвинских остяков, рассылала по волостям языческий символ войны — “изменную стрелу” с магическими зарубками. В ее замыслах было идти “к Березову городу войною в осень, как будут темные ночи”. Восстание, однако, организовать так и не удалось, а сама Анна была арестована, находилась некоторое время в Березове “за приставом”, но потом была освобождена и даже добилась у московских властей признания верховной власти в Кодском княжестве за своим сыном Михаилом.

ЗАКАТ КОДСКОГО КНЯЖЕСТВА

*...Нам, сиротам твоим, за князем
Дмитреем Алачевым быть
однолично невозможно...*

Из челобитной кодских остяков

Как уже говорилось, до поры до времени правительство закрывало глаза на многочисленные проступки своих кодских вассалов, благо службу они несли исправно. Знание местности, умение действовать в непривычных для русских условиях делали кодских остяков незаменимыми в дальних походах. Так, в 1617 году князь Михаил Алачев посылал по распоряжению тобольских воевод 20 остяков в “тунгусы”.

Вместе с отрядом тобольского стрелецкого сотника Черкаса Рукина его воины ставили зимой 1618 года на высоком правом берегу реки Кеть, там, где начинался волок на Енисей, Маковский острог. Отсюда по приказу тобольского сына боярского Петра Албычева ходили они походом на местного князька Данула. Вскоре им прислали из Коды подкрепление. Из Маковского острога вместе с отрядом тобольского сына боярского Максима Трубчанинова кодские остяки ходили на Енисей и осенью 1619 года достраивали здесь Енисейский острог, заложенный накануне Албычевым и Рукиным. Наконец, в 1627 году 40 остяков князя Михаила Алачева отправились в составе военной экспедиции Самсона Новацкого из Тобольска на Нижнюю Тунгуску. Поход этот, призванный привести к покорности “государевых изменников” — тунгусов и гуляшей, продолжался три года, причем русских в отряде Новацкого насчитывалось лишь 50 человек.

Однако по мере продвижения русских служилых людей в глубь Сибири, появления новых городов и острогов и подавления сопротивления местных племен особая необходимость в использовании воинов князей Алачевых отпала. Кроме того, поход на Нижнюю Тунгуску показал, что в этих местах действовать кодским остякам было “не за обычай”. Независимая Кода утрачивала свое былое значение. К тому же правительство беспокоил тот факт, что немалая доля ясака уходила не в “государеву казну”, а в амбары кодских князей.

Первая попытка властей ограничить экономическое и политическое могущество Кодского княжества была предпринята в 1628 году, когда тобольский письменный голова Василий Теприцкий и подьячий Иван Костюрин были посланы в Березовский и Сургутский уезды “писати и дозирати, кто имяны за князем Михайлом Алачевым в тех волостях служилых и ясачных людей, и у них детей и братьи и племянников, и по чему с человека какого ясаку... князь Михайло с них в год емлет”.

Данные их “дозорных книг” показали существенное несовпадение со сведениями, приведенными в “рописи”, составленной самим Михаилом Алачевым и поданной накануне в Тобольск: в “утайке” оказалось 260 “ясачных людей”. Кроме того, были сысканы еще 235 человек, ясака не плативших, в числе которых оказались “свойственники” Алачевых, “новокрещены”, старые и увечные люди, “подросли” и “недоросли”.

После этого из Тобольска в вотчины Алачевых были посланы сын боярский Савва Француженин и подьячий Третьяк Левонтьев, которые объявили “утаенным” остякам, чтобы они впредь ясак в Коду не платили, а вносили бы его в “государеву казну”. Заодно с них сразу

же были взяты ясак и “поминки”. Позднее в Москве было решено из числа “новоприисканных” Теприцким ясачных людей “взять на государя половину”, а другую половину тех “утаенных людей” оставить за Михаилом Алачевым.

Князя вызвали в Тобольск для объявления данного государева указа, но он вместо этого самовольно отправился с сыном Дмитрием и троюродным братом Лобаном Онжиным в Москву, куда прибыл в ноябре 1628 года. Они подали на имя царя челобитную, в которой защищали свою “роспись” и отвергали данные “дозорных книг” Теприцкого и Костюрина. По словам Михаила, “дозорщики” просили у него “посулу” 300 рублей, а когда князь им отказал, “написали дворовых его людей 63 человека ясачными людьми”, а также допустили ряд других злоупотреблений. Жаловался князь Михаил и на притеснения, чинимые Саввой Французенином и Третьяком Левонтьевым. В Тобольск же он якобы не поехал потому, что получил “богомольную грамоту” сибирского архиепископа Макария о рождении у царя Михаила Федоровича наследника — “благоверного царевича князя Олексея Михайловича”, в связи с чем поспешил в Москву поздравить царя, “а сделал то простотою своею, а не хитростью”.

В ответ на совместное челобитье князей Михаила Алачева и Лобана Онжина в их вотчины были посланы в 1631 году новые “дозорщики” — московский сын боярский Александр Воейков и подьячий Поместного приказа Максим Козлов. Им предписывалось “дозрители”, сколько у князей дворовых людей, где и как они живут, “какими промыслы промышляют” и сколько платят князьям ясака. Такие же сведения они должны были собрать относительно княжеских ясачных людей.

Через какое-то время Лобана Онжина отпустили домой, а Михаил Алачев остался в Москве, где и умер летом 1632 года. Вскоре разрешили вернуться в Коду и его сыну князю Дмитрию.

При Дмитрие Алачеве наступил последний период в истории Кодского княжества. По-прежнему значительной оставалась роль Анны Пуртеевой, бабки нового князя, в управлении подвластными им землями. “После, государь, сына моего Михаила, — писала она в одной из своих челобитных на имя царя Михаила Федоровича, — тою ж Кодскою вотчиною... пожаловал ты, великий государь, меня, сироту твою, и мою сноху, и внука моего, Митьку Алачева”. Не доверяя никому, она сама объезжала ясачные волости и собирала с них дань, чиня между делом суд и расправу.

Следует отметить, что доходы кодских князей были весьма значительными. Например, по писцовым книгам 1631 года поступившие за

год в их казну ясак и “поминки” состояли из 325 соболей и 3260 белок. Но это, судя по всему, было далеко не все, о чем косвенно свидетельствует случившаяся в 1640 году кража: воры унесли из княжеского амбара 530 рублей денег и черную лисицу, оцененную в 100 рублей.

В своей вотчине Алачевы пользовались, как и раньше, широкими иммунитетными правами. Сам князь Дмитрий признавался, что он “чинит... остякам своим наказанье, кто дойдет до вины и кто довелся, батогами бьет и в тюрьму сажает”, потому что, по его словам, “они — вотчинные его остяки, и за их вины как наказанье им не чинить?” Даже в тех случаях, когда обвинителями выступали русские служилые люди, ехавшие из Тобольска в Березов, они обращались за помощью к нему, “и князь Дмитрий де, по челобитью служилых людей” сыскав провинившихся остяков, “за их воровство наказанье чинит и впредь им так воровать не велит”.

Между тем опала, постигшая князя Михаила в конце 20-х годов XVII века, привела к падению авторитета Алачевых среди местного населения. Как жаловался сам князь по этому поводу березовскому воеводе князю Михаилу Белосельскому, “оскорбление”, нанесенное ему со стороны власти, будет для них, остяков, “к великой радости, потому что де то его племя отца его, князь Михайлова, и братью его, князя Михайла, не любят и на них негодуют с тех мест, как они крестились в православную веру христианскую”. Потому-то от его подданных всегда следует ожидать “какое дурно, или шатость, или иной какой дурной завод”.

Слова Михаила Алачева оказались пророческими. В 1636 году жители Коды и подчиненных ей волостей “учинились сильны”, не захотели платить князю Дмитрию Алачеву ясак и оброк и перестали его слушать. Сигналом к открытому выступлению послужил отказ группы “служилых” остяков принять участие в тобольской экспедиции на Ямыш-озеро за солью. Вместо этого они в количестве 120 человек, “со всею сбруею, в панцырях, в шлемах, с луками”, собрались в городке Кармыш-Юган. В движении приняли участие представители городков Карымкарского, Нангакарского, двух Атлымских, Кармыш-Юганского, Вежакарского, Чемашевского и Киндышской волости. Незадолго до того они “своим воровским заводом” убили владельца Нангакара Лобана-Никифора Онжина. Возглавили движение Телега Серистов с братом и нангакарский остяк Манера Тугупасев. В числе повстанцев оказался и родич Алачевых Емелько Пуртеев. Дороги из Кодского городка были перекрыты заставами, в результате чего князь Дмитрий и верные ему люди оказались в осаде. Мятежники подали

челобитную на имя царя с просьбой освободить их из-под власти Алачевых и принять под “государскую руку”. При этом они выражали готовность платить ясак непосредственно в “государеву казну”. И хотя уже в июне 1636 года остяки подчинились требованиям тобольской администрации прекратить “воровство” и послали людей в поход на Ямыш-озеро, недовольство правлением Дмитрия Алачева неоднократно проявлялось и в последующие годы.

Все эти события и предопределили в конечном счете судьбу Кодского княжества: в 1643 году с его самостоятельностью было покончено. Князь Дмитрий Алачев вместе с матерью и бабкой Анной был вызван в Москву “и с того времени... в Коду не отпущен”. Его записали в московские дворяне с довольно высоким денежным и хлебным окладом и передали ему во владение дедовскую “волость, зовомую Лену, близ Еренского городка”. После этого князь Дмитрий прожил недолго, а когда в октябре 1649 года умерла и его бабка княгиня Анна Пуртеева, старшая линия князей Алачевых пресеклась, их “роду и племени... никого не осталось”.

Сын Лобана-Никифора Онжина князь Петр стал служить в Тобольске, а его вотчина была отписана на государя и положена в ясак. Старик Сатар Чумеев продолжал жить в Низянском городке, выхлопотав себе и своим сыновьям освобождение от ясака. Кодский городок оказался в запустении. На бывшей территории Кодского княжества была создана ясачная волость Кодские городки. Ее жители были положены в ясак “не в силу”, из расчета по 2 рубля с человека. Сама волость теперь состояла из 8 более мелких административных образований — “сборов”: Троицкого (Белогорская и Васпукольская волости), Сухорукского (Ендырская волость), Карымкарского (одноименная волость), Малоатлымского (одноименная волость), Большеатлымского (одноименная волость), Низямского (Нангакарская волость), Шеркальского (одноименная волость) и Естыльского (Чемашевская волость).

В последний раз кодские остяки вспомнили о своей былой независимости в 1662—1663 годах, когда обдорский князь Ермак Мамруков, пытаясь поднять антирусское восстание, сумел объединить вокруг себя практически все волости Березовского уезда — Обдорскую, Ляпинскую, Кодскую, Сосьвинскую, Казымскую, Куноватскую, Естыльскую и Подгородную. В планах честолюбивого нижеобского властелина, все еще сохранявшего власть и авторитет, с которыми вынуждена была считаться русская администрация, было создание своеобразной федерации бывших остяцких княжеств, в которой ему после захвата Березова отводилась роль “начального человека”. Это

политическое образование мыслилось как часть восстановленного Сибирского царства. При этом ясак, собираемый князем Ермаком Мамруковым вместе с “лучшими людьми”, должен был поступать в Тобольск, к потомку Кучума царевичу Девлет-Гирею, как раз в это время стремившемуся установить свое владычество на Иртыше. Узнав об этих планах, березовский воевода Алексей Давыдов арестовал и повесил и самого Ермака, и всех находившихся в сговоре с ним “лучших людей”. В числе казненных было и несколько кодских остяков, обвиненных в том, что совместно с жителями Казымской волости они собирались разгромить русских служилых людей на пути из Березова в Тобольск. Кстати, узнав о репрессиях, тобольские власти сделали резкий выговор ретивому березовскому воеводе, не без оснований подозревая его в преувеличениях и подтасовке фактов...

...Постепенно в Нижнем Приобье прекратились внутренние усобицы и межэтнические столкновения, а военно-оборонительная функция городков сошла на нет. Отпала необходимость в строительстве укрепленных крепостей, в результате чего исчезла разница между двумя типами поселений — городками и юртами. Хотя за рядом поселков название “городки” сохранялось еще долго, это были неукрепленные поселения, ничем не отличавшиеся от соседних юрт (“городу и острогу нет, только одне юрты”). В хантыйском обществе шли необратимые процессы децентрализации в рамках прежних княжеств и городков, разрушения древних институтов и структур и формирования новых социальных отношений.

ТРОИЦКАЯ ОБИТЕЛЬ

«ГОСУДАРЕВО БОГОМОЛЬЕ»

*...велено в Кодуком городке монастырь,
и попа, и дьякона, и дьячка, и пономаря
ругою устроить...*

Из царской грамоты 1653 года

Вступив в вассальные отношения с русским царем, властители Коды постепенно начинают обращаться в христианство. Как уже говорилось, первым православным, нареченным в крещении Георгием (Юрием), стал не позднее начала 90-х годов XVI века родной брат Алача, приходившийся отцом Онже. Затем в 1599 году приняла в Москве крещение под именем Анастасии вдова “большого” князя. Вместе с ней крестился под именем Петра и один из его внуков. Чтобы “быть с матерью своею и с сыном в одной вере”, собирался поехать в русскую столицу и князь Игичей Алачев, но его обращения в христианство по каким-то причинам в тот раз не произошло.

Между тем, вернувшись домой, княгиня Анастасия отправила царю Борису Годунову челобитную с просьбой дать разрешение основать в своих владениях православный храм. В ответ 19 февраля 1600 года березовским воеводам была послана царская грамота о строительстве в Коде церкви во имя Живоначальные Троицы. Поскольку при ней предполагалось воздвигнуть придел во имя св. Николая Мирликийского, можно высказать предположение, что в свое время вместе с братом под этим именем крестился и сам Алач. Все необходимое для церковной службы (образа, колокола, книги) посылалось из Москвы.

Алачевым велено было набрать для возведения храма в Березове плотников и найти священника. Им стал черный поп Евстратий, именуемый иногда в источниках игуменом. Это наводит на мысль, что уже в начале XVII века при Троицкой церкви какое-то время существовала небольшая монашеская община, а едва ли не первой инокиней в Коде являлась княгиня Анастасия.

В конце 1602 года в Москву для принятия православия отправился сам Игичей Алачев. По возвращении он в ознаменование этого события перед самой своей смертью построил в Кодском городке еще одну церковь — во имя св. Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев (надо полагать, имя одного из этих святых князь получил при крещении). Очевидно, тогда же обратилась в христианство жена Игичея княгиня Анна Пуртеева. Чуть позже новую веру приняли и их сыновья, получившие в крещении имена Григория, Михаила и Ивана. В начале XVII века, помимо старшей линии рода Алачевых и родственников княгини Анны (в частности, в одном из документов 1601 года упомянут “новокрещен” Степан Пуртеев), прихожанами кодских церквей являлись также десять княжеских холопов, обращенных в христианство своими господами, и столько же русских служилых людей — “годовальщиков”, посылаемых, как мы помним, из Березова в Коду для “береженья” семьи Алачевых от нападения кондинских вогуличей. Так в Кодском городке на месте бывшего языческого капища возникло “государево богомолье”.

Впрочем, распространение христианства в Кодском княжестве в основном и ограничилось кругом этих людей. Еще долго оставалась языческой семья Онжи Юрьева (очевидно, пример отца не пошел ему впрок), и только лишь в 1633 году в результате трехлетнего пребывания в Москве крестился под именем Никифора его сын Лобан. Продолжали поклоняться старым богам Чумей Капландеев и его сын Сатар. Да и те из князей Алачевых, кто принял христианство, не могли полностью отречься от прежних племенных верований и впадали в “неистовое житие не единова”. Не случайно спустя несколько лет черный поп Евстратий бил челом царю, что “ему де тут быть не у чего, приходу де никакого нет”. В 1608 году по распоряжению из центра Троицкий храм закрыли, а иконы и книги передали в Березов. Сюда же перевели и самого Евстратия.

При Михаиле Алачеве Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви были восстановлены. И хотя сам князь по-прежнему время от времени прибегал тайком к языческим обрядам и держал при себе, как и его отец Игичей, шаманов, средств на содержание храмов он не жалел: в них имелись “местные иконы, и у тех икон прикладные пеле-

ны, и деисусы, и праздники, и пророки, и праотцы с херувимы и серафимы, и всякое церковное строение, алтарная казна, сосуды служебные серебряные, и Евангелия, напрестольные кресты и благословляющие под окладом, с жемчуги и камнем, и ризы". При Троицком храме хранился также княжеский арсенал, в том числе 40 панцирей, луки и стрелы.

Наследник Михаила князь Дмитрий особым рвением в церковных делах не отличался. Как подчеркивали в одной из своих челобитных недовольные его властью подданные, сам князь, его мать и их люди "новокрещенные живут в Сибири в своих вотчинах меж остяков в православной христианской вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошадей дают, и люди ж его из пищалей на церквах по крестам стреляют". Более того, челобитчики обвиняли князя в том, что он даже отдал шаману для принесения в жертву "женку".

Когда в связи с ликвидацией самостоятельности Кодского княжества Дмитрию Алачеву было велено ехать с семьей в Москву, он перед отъездом, "пограбя во церквах Божиих... церковное строение, сосуды серебряные и книги, в Тоболску учал продавать". Узнав об этом, тобольский архиепископ Герасим приказал ему продаваемое церковное имущество "принести к себе посмотреть, будто для купли". Помимо серебряных сосудов, князь принес к владыке и печатные книги: комплект из 12 служебных Миней месячных и два Октоиха. "А Триоди... постную и цветную продал он, князь Дмитрий, едучи из вотчины своей, ис Коды, на дороге Самаровского яму ямщикам". По надписям на сосудах архиепископ определил, что они были 1 сентября 1631 года подарены князем Михаилом Алачевым Троицкой церкви (судя по всему, он прислал их из Москвы, где находился в это время). "А книги... данье к Живоначальные Троицы, иные... отца ево... князя Михаила Алачева, а иное... данье ево, князь Дмитриева, по своих родителех". Положив эти книги и сосуды в Софийскую казну, архиепископ Герасим сообщил о случившемся в Москву, откуда вскоре пришло распоряжение все вернуть назад в Троицкую церковь.

Прошло несколько лет, и уже новый тобольский владыка, архиепископ Симеон, приехавший в Москву в 1653 году, основываясь на челобитных остяков четырнадцати кодских волостей, сообщал царю: "В прошлых де годах в Кодском городке церкви Божии стояли многие лета, и пение Божественное совершалось по вся годы, и их братия, остяки многие, слышали православную христианскую веру, приходя в Кодской городок, крестились; а ныне де тот Кодской городок стал впусе, и церкви Божии стоят без пения". Далее следовала про-

сьба, “чтоб им (остякам. — Авт.) пожаловать, велеть на том месте, где церкви Божии стоят, быть монастырю и старцам, чтоб, видя православие, крестились”. В ответ на эту челобитную 20 октября 1653 года последовала грамота царя Алексея Михайловича с распоряжением “в том Кодском городке монастырю и старцам, дьячку и пономарю быть, и ругою и жалованьем их устроить”.

Так на правом берегу Оби, на высоком мысу, который омывала с северо-востока речка Кондушка, возник Кондинский, или Кодский, Троицкий монастырь. С самого начала главным монастырским храмом являлась холодная деревянная церковь во имя Живоначальные Троицы с шатровым покрытием, двумя приделами и небольшой бревенчатой оградой со святыми воротами, обновленная незадолго до открытия обители. Здесь находилось большое количество икон, крестов и другой церковной утвари, а также книги и монастырский архив. Просуществовав в таком виде около ста лет, она была в 50-х годах XVIII века заменена новым каменным зданием, а ветхое деревянное строение разобрали позднее на дрова. Старая деревянная церковь во имя св. Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев с самого начала практически не использовалась. Уже в начале 70-х годов XVII века о ней говорилось: “Стоит пуста и развалилась, маленькая”.

Спустя лет пятнадцать после открытия монастыря рядом с Троицким храмом, “в другой новой ограде”, была выстроена “церковь новая, теплая, шатровая ж, с трапезою и с келарскою с прирубными, алтарь и придел прирубные ж. А во имя та церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы”. Просуществовала она до 1727 года, после чего ее перестроили, и она простояла еще почти сорок лет. Возле нее возвышалась в XVII веке “колокольня на дву столбах, а в ней колокол в семь пуд, да три колокола менши того”. Еще один колокол “государева жалованья”, весом в 16 пудов, долгое время лежал без дела. Тут же находился погреб, “а на верху сушило”, а также амбар и ряд келий, в том числе поповская, больничная, хлебная и несколько братских.

Сколько монахов проживало в обители в первые годы ее существования — трудно сказать. Но уже к началу 70-х годов XVII века их, вместе с черным попом Макарием, исполнявшим обязанности настоятеля, казначеем Васьяном и бывшим черным попом Василием, насчитывалось 27 человек. Как показывают дополнения к монастырской описи, составленной в августе 1673 года софийским сыном боярским Григорием Протопоповым в связи с передачей дел от Макария и Васьяна, вызванных вместе со старцем Никоном “в Тоболеск по святительскому указу”, новому начальству — присланным сюда сибирским

митрополитом Корнилием “черному попу Иякову да старцу Филипу”, а также “выборным старцем, казначею Протасию да старцу Ионе”, — некоторые иноки находились в постоянных разъездах.

Следует отметить, что уже в XVII веке Кондинский монастырь становится местом ссылки. Так, в числе проживавших здесь монахов в описи назван “исетской ссыльной старец Варфоломей” (очевидно, постриженник Далматовского монастыря), а в “хлебне” содержался “ссыльной узник Иван Чекиш”.

Судя по описи 1673 года, в числе “крепосных служебников манастырских”, помимо зырян и русских, встречались остяки: “Федка новокрещен Сандатов” с двумя “малыми робятами” — Ивашкой и Березкой, “новокрещенные” Данилко Нифунтаев, Ерка Кулчал, Ивашко Ошуш” и “малой детина Юрка, новокрещен, крепостной же”. “Миронко Слепой, новокрещен”, жил своим двором “за манастырем” в трудниках. Кроме того, семь семейств “новокрещенных” жили на монастырских землях в бобылях. Среди вкладчиков, трудников и “строшных” (срочных) работников, числившихся за монастырем, преобладали русские.

К 1684 году общее количество чернецов, бельцов и служителей достигало в Троицкой обители 39 человек. Кроме игумена, трех иеромонахов и диакона, а также собственно монашеской братии, здесь было четыре пономаря, клирошанин, просвирник и два вотчинных надзирателя. Всего же в монастыре имелось 18 светских служителей, 14 монашествующих, 6 бельцов и подьячий. Заслуживает внимания тот факт, что за одиннадцать лет, прошедших с 1673 года, число иноческой братии уменьшилось почти наполовину, зато появилось большое количество причетников и светских служителей, отсутствовавших раньше.

Монастырь обладал довольно большими запасами хлеба и рыбы, в его казне хранилось немало одежды и посуды, сукна и кож, тканей и мехов, воска и ладана, он располагал значительными суммами денег и даже пищалями и винтовками.

Процветание обители в первые годы ее существования во многом было связано с деятельностью “строителя” (эконома) Ивана (или “Иванища”, как именуют его иногда источники). В одной из своих челобитных на имя царя Алексея Михайловича он так описывал трудности, с которыми приходилось сталкиваться братии: “...живут де они в студеной стране, хлеба у них не родится, питаются Христовым именем и ходят с образами, збирают хлеб по городам и слободам”. Идя навстречу своим “богомольцам”, царь велел отпускать “впредь ему, строителю с братиею, государево

жалованье и годовое хлебное для их бедности". Им также должны были выдавать ежегодно "по пуду воску, по ведру вина церковного, по две гривенки ладану и по восьми гривенок меду". Кроме того, благодаря настойчивости "Иванища", в начале 60-х годов XVII века монастырским старцам особой жалованной грамотой были отведены плодородные земли на реке Исети, где возникла Троицкая пустынь или, как называли ее тогда местные жители, Кондинская (позднее Николаевская) заимка, которая находилась в Тюменском уезде в 98 верстах к юго-западу от Ялуторовского острога. В 1678 году принадлежавших заимке бобылей и вкладчиков по распоряжению местных властей отправили в "низовые города" на пашню. Однако через год игумен Макарий добился перевода сюда пятидесяти крестьян из других мест. В 1683 году монастырской вотчине на Исети принадлежало 350 десятин пахотной земли, сенокосных угодий на 12 тысяч копен и 47 крестьянских дворов, благодаря чему сельскохозяйственными продуктами, и прежде всего хлебом, обеспечивался не только сам Кондинский монастырь, но и другие "беспашенные" районы Березовского уезда.

Монастырь имел также свое подворье в Тобольске, находившееся вблизи церкви Владимирской Богородицы (позднее она была переименована в Богоявленскую), "по конец Бухарского моста". 31 октября 1678 года царь Федор Алексеевич освободил своим указом как сам монастырь, так и его тобольское подворье от военного постоя. Принадлежавшие подворью лавки монастырские старцы сдавали в аренду, что приносило им ежегодный доход до 200 рублей. В январе 1679 года, идя навстречу ходатайству игумена Макария с братией, царь повелел отвести Кондинскому монастырю земли в радиусе трех верст от того места, где он стоял.

Уже в начале 80-х годов XVII века при монастыре имелись мукомольная мельница с солодовней, мастерские для выделки сливочного и конопляного масла, а также для скания свечей. Под горой находилась кузница на пять наковален, одна из которых предназначалась для серебряного дела, а остальные — для железного. Тут же, на правом берегу Оби, добывалась железная руда. Есть сведения, что сам "Иванище" Кодский был хорошим рудознатцем и даже обнаружил в урочище под монастырем залежи медной руды, образцы которой возил в Москву "и на Москве плавил тайно, и ис той руды медь родилась". Однако он этот факт от властей скрыл, не желая, очевидно, нарушать спокойствия обители...

«ОГНЕПАЛЬНОЕ» ВРЕМЯ

*Слыши небо и внуши земле!
Вы будьте свидетели нашей крови
изливающейся.
Толко наша великая вина,
еже держим отцу наших предание
неизменно во всем!*

Протопоп Аввакум

Имя “Иванища” Кодского вошло в историю не только потому, что он активно занимался укреплением монастырского хозяйства. Предпринятые в начале 50-х годов XVII века патриархом Никоном исправления церковных обрядов породили религиозный раскол — одно из самых сложных и драматических явлений в общественной жизни России того времени. В числе приверженцев “древлего благочестия” был и “Иванище”. В начале 70-х годов XVII столетия он навсегда покинул нижеобские берега, избрав трудную и опасную стезю борца за “старую веру”.

Ушел “Иванище” не один. Его спутником был старец Авраамий, о котором следует сказать особо. Отцом его был “литвин” Криштоп Венгерский, “пахолок пана воеводича Витепского Сопеги”. Во время наступления на Москву польского королевича Владислава, пытавшегося силой оружия вернуть себе “законный” царский престол, Криштоп попал в Медынском уезде в плен и в августе 1618 года был сослан в Тобольск. Здесь он принял православие, став в крещении Иваном, и перешел на русскую службу. Будучи уже тобольским сыном боярским, он в 30-х годах XVII века исполнял обязанности приказчика Нижненицынской слободы. Около 1635 года у него родился сын Алексей, также поверстанный впоследствии в тобольские дети боярские. Однако в 1658 году Алексей Венгерский оставил службу и, надев в Кондинском Троицком монастыре монашескую рясу, стал иноком Авраамием. “Постригал ево черной поп Василей... И в том... монастыре жил он десять лет”.

В обители Авраамий сблизился со строителем “Иванищем” и по его поручению поехал в середине 60-х годов XVII века в Москву “бить челом” о монастырских нуждах. Вскоре после возвращения из столицы в конце 1667 или в начала 1668 года, он появился в Тобольске. Этот его визит был, очевидно, связан с дошедшими до братии Кондинского монастыря известиями о Московском соборе 1666—1667 годов, внесшем необратимые перемены в церковную жизнь России. Являясь убежден-

ным противником нововведений, Авраамий вступил в “спор о вере” с тобольскими епархиальными властями, за что его сослали в далекий Туруханский Троицкий монастырь. Позднее ему “по отпуску” удалось вернуться в Кондинскую обитель. А через некоторое время у друзей созрело окончательное решение об уходе.

Первоначально “Иванище” и Авраамий обосновались в Кондинской пустыни на Исети, ставшей вскоре одним из центров урало-сибирского старообрядчества. Здесь “Иванище” постриг в монахи под именем Даниила бывшего попа тюменской Знаменской церкви Доментиана (незадолго до этого тот вернулся из пустозерской ссылки, где оказался еще в середине 60-х годов XVII века за “неистовое прекословие” в вопросах веры). Организовав после этого на речке Березовке под Ялуторовским острогом тайную старообрядческую “пустынь”, Даниил-Доментиан стал собирать в нее и постригать в монахи толпы местных крестьян, драгун, казаков и посадских людей и призывать их ко “второму неоскверняемому огненному крещению”.

Являясь противниками самосожжений, старцы, жившие на Кондинской заимке, отнеслись к этой затее с неодобрением. В частности, “Иванище”, будучи духовным отцом Даниила-Доментиана, отказал ему в благословении на “гарь”. Однако предотвратить трагедию ни он, ни Авраамий были не в силах: в ночь на 6 января 1679 года лесные кельи-избушки, заранее облитые смолой, обложенные соломой, берестой и другими горючими материалами, жарко запылали, унося жизни 1700 человек...

В связи с этими событиями начался жестокий правительственный розыск, породивший угрозу еще двух самосожжений — в деревне Мостовке и в Мехонской слободе. Заимка Кондинского монастыря стала местом весьма беспокойным, поэтому старцам пришлось покинуть свое убежище. Можно предположить, что перед уходом они забрали с собой и находившиеся здесь книги, составившие ядро их совместной библиотеки.

В 1682 году мы встречаем “Иванища” и Авраамия в Утяцкой слободе, где в декабре того же года произойдет новое массовое самосожжение, в котором погибнет около 400 человек. Незадолго до этого Авраамий Венгерский вместе с одним из организаторов “сборища” слободчиком Федором Иноземцевым напишет “сказку”, в которой будут излагаться причины отказа участников протеста “целовать крест” (т.е. приносить присягу) новым царям Ивану и Петру Алексеевичам.

После Утяцкой “гари” Ивану и Авраамию, накануне покинувшим слободу, приходится скрываться. По их следам идет погоня. Скитальческая, полная опасностей жизнь старцев, вероятно, заставила их передать свои книги на хранение верным людям. Не исключено, что од-

ним из них был тюменский крестьянин Иван Коробейников, ездивший в 80-х годах XVII века по поручению Авраамия на Дон к видному расколоучителю черному попу Феодосию, будущему основателю знаменитого старообрядческого центра на Ветке.

Об этом свидетельствует следующий эпизод. 15 января 1683 года военная команда тобольского сына боярского Федора Фефилова, производившая на Дальних Кармаках в Тюменском уезде розыск в связи с Утяцкой “гарью”, сделала у Ивана Коробейникова, проживавшего в деревне Гилевой, обыск. В его избе были обнаружены “в двух ящиках писма неведомо какие”, а также 13 книг (как сообщал позднее в своей “сказке” сам Коробейников, это были “книги учителные, Псалтырь да Часовник, да Соборьничек; а то... книги печати царя Михаила Федоровича). При этом сыщики старались дознаться, где скрываются старцы Авраамий и “Иванище”. Однако акции Фефилова не суждено было увенчаться успехом: толпа местных крестьян отбила у стрельцов Коробейникова и его имущество, в том числе и книги, часть которых, возможно, принадлежала старцам.

Во время скитаний Авраамий Венгерский и Иван Кодский какое-то время жили в скиту на Ирюме, а около 1686—1687 года перебрались на пустынные острова за Дальними Кармаками. Здесь престарелый “Иванище” скончался и был похоронен.

Очевидно, в эти годы библиотека Авраамиева скита пополнялась новыми книгами, тем более что “крыющийся старец” поддерживал тесные контакты с другими центрами старообрядчества — Доном, Керщенцем, Веткой, а также вел полемику о сущности Антихриста и допустимости самосожжений с бывшим атаманом верхотурских беломестных казаков, известным урало-сибирским расколоучителем Яковом Борисовым сыном Лепихиным. Это продолжалось вплоть до разгрома “пустыни” Авраамия и его ареста, произошедших в начале января 1702 года.

Неожиданный налет посланного из Тюмени отряда служилых людей во главе с сыном боярским Василием Некрасовым и подьячим приказной избы Иваном Васильевым на тайный скит Авраамия, расположенный среди непроходимых летом Бахметских болот, принес “поимщикам” желаемый результат: в лесных кельях были схвачены как сам старец, так и его товарищ, инок Варлаам, принявший в свое время постриг из рук Даниила-Доментиана, но сумевший уйти из его “пустыни” накануне самосожжения. Кроме того, было захвачено немало имущества, в том числе библиотека из 22 рукописных и печатных книг. Скит Авраамия и его “отхожие кельи” на соседнем Пустынном острове были преданы огню. Между тем весть об аресте стар-

цев мгновенно разнеслась по округе, и по дороге в Тюмень на отряд Некрасова было совершено нападение большой группы вооруженных луками и пищалями староверов во главе с тюменским конным казаком Елисеем Кокшаровым. Отбить арестованных им, правда, не удалось, но зато в их руки попали все “пустынные” книги.

Впрочем, вскоре “отбойщики” были разысканы и доставлены вместе с добычей в приказную избу. По распоряжению тюменского воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского шесть книг из числа захваченных были временно переданы в соборную Рождественскую церковь, пострадавшую от ночного пожара в начале ноября 1699 года, а остальные “запечатали под приказною избою”.

Судя по “рописи” конфискованных книг, семь из них были “письменными”. Помимо богослужебной литературы, которая в библиотеке старца Авраамия явно преобладала, здесь имелись книги, пользовавшиеся по вполне понятным причинам особой популярностью в среде старообрядцев. Это прежде всего Книга Кирилла Иерусалимского (М., 1644), Ефрем Сирин (М., 1653), рукописный Апокалипсис и два рукописных “цветника”, в которых также, видимо, находились тексты эсхатологического содержания. Вполне объяснимым является наличие в книжном собрании Авраамия и рукописных “тетрадей” с выписками из Требника “о исповеди”, несмотря на то что в его распоряжении имелось отдельное издание Требника: странствующему отцу духовному, каковым он являлся, подобные тетради были нужны постоянно. Как показывал на допросах Варлаам, “к нему, Аврамку, многие люди приезжали, и во многие де дома он, Аврамко, езживал”. Да и сам Авраамий открыто признавался: “А младенцов де он, расколщик Аврамко, крестил, и мирян, приходящих на исповедь, к себе принимал и по исповеди их причащал”. Для подобных же целей нужны были Авраамию “книга выписано о правилех писменная” и “Канонник за единоумершаго писмянной”, упомянутые в “рописи”.

Дальнейшая судьба Авраамия Венгерского и других арестантов была достаточно традиционной — их велено было отправить в Тобольск. Старцев здесь ждали застенки в архиерейском доме, а остальных — розыск с кнутом и дыбой и наказание, “чем будут по винам своим достойны”. На Софийский двор велено было отправить и все конфискованные книги.

Позднее старцу Авраамию удалось с помощью своих сподвижников бежать из Тобольска. Он вернулся в свою старую пустынь на Ирюме, а перед смертью завещал перевезти свое тело на Дальние Кармаки и похоронить на острове, рядом с могилой своего друга и единомышленника “Иванища” Кодского...

«СВОЕГО РАДИ ДУШЕВНАГО СПАСЕНИЯ...»

*Добро есть, братие, почитание книжное,
паче всякому христианину...*

Из древнерусского поучения

Уже к началу 70-х годов XVII века Кондинский Троицкий монастырь обладал довольно значительной по тем временам для периферийной обители библиотекой. Как свидетельствует упоминавшаяся выше монастырская опись, в алтаре холодной Троицкой церкви имелось напрестольное Евангелие, переплетные доски которого были облачены “бархатом травчатым”, а сверху его украшали “евангелисты серебряные, басмяные, позолоченые”. Здесь же хранились еще 43 книги (если считать их по количеству переплетов), из них 27 были печатными, а 6 — рукописными. Способ изготовления остальных 10 книг в описи не указан, но скорее всего они тоже были печатными. При характеристике печатных книг составители описи не приводят год их издания, но иногда указывают, “московская” это печать или “киевская”. В отдельных случаях подразделяется “старая” (дониконовская и “новая” печать. Нередко определяется формат книги или рукописи (“в десть”, “в полдесть” и “в четверть”).

Сразу же заметим, что в описи названы “два Охтая на осмь гласов, в десть”, которые можно идентифицировать с теми двумя Октоихами, что удалось уберечь архиепископу Герасиму во время “распродажи”, устроенной последним кодским князем. Правда, годовой круг служебных Миней в Коду, судя по всему, так и не вернулся, а остался в книгохранильнице Тобольского архиерейского дома.

Наряду со служебной, в монастырской библиотеке было немало богословской и четвѣй литературы. Так, среди печатных книг здесь встречаются Евангелие учительное, полный комплект Прологов, киевское издание Бесед Иоанна Златоуста на деяния и послания апостольские, Житие Сергия Радонежского, Маргарит, Ефрем Сирин, “Книга Николы Чюдотворца житие и служба” и др.

В числе печатных книг, названных в описи, особо следует отметить “Патерик Печерской, киевская печать”. Эта книга, изданная в типографии Киевской Печерской лавры в 1661 году, находится ныне в коллекции старопечатных книг и рукописей Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. Она очень хорошо сохранилась и содержит в себе, помимо герба, рамки, многочисленных заставок, концовок и инициалов, также 49 иллюстраций к тексту. Все эти украшения выполнены в технике гравюры. Внизу, по листам книги, идет вкладная запись, сделанная полууставным почерком: “7175

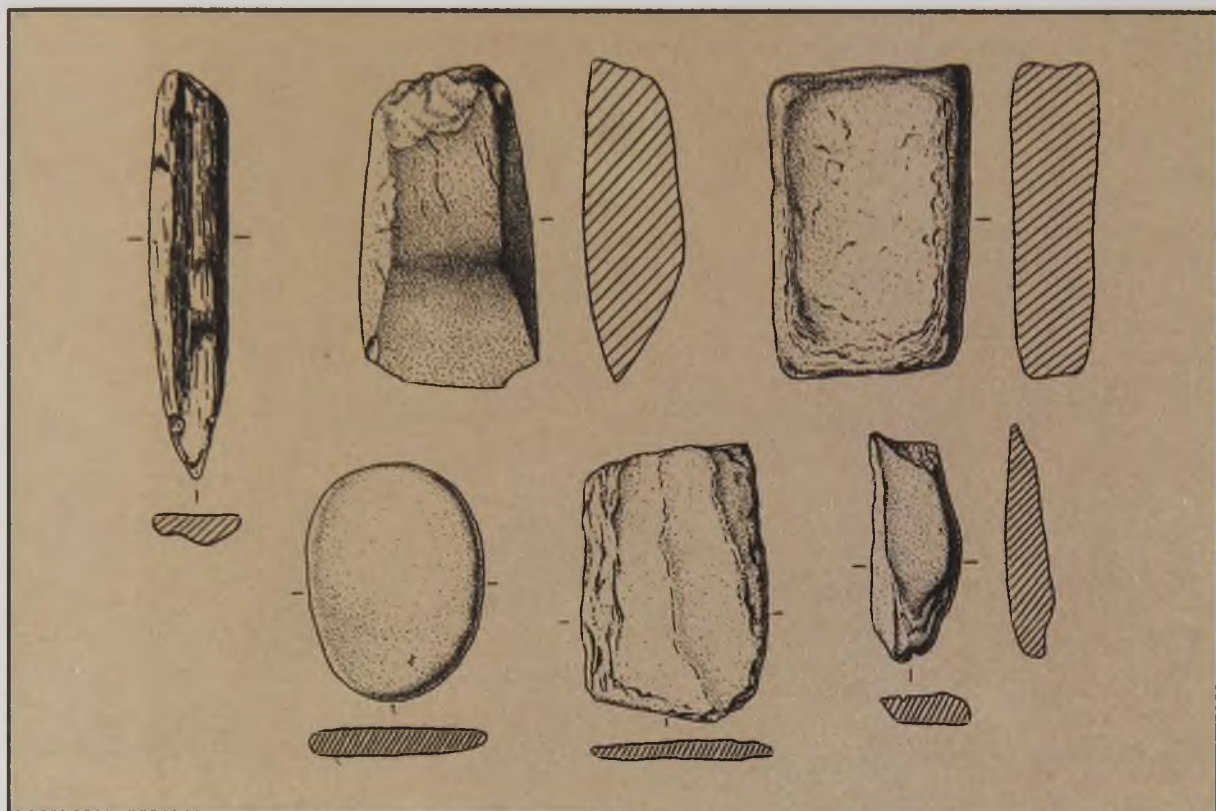
(1667 года. — Авт.) генваря в 17 день приложил святую богодохновенную книгу сию, глаголенную Патерик, во обитель Пресвятые и Живоначальные Троицы великий господин преосвященный Корнилий, архиепископ Сибирский и Тобольский, своего ради душевнаго спасения, здравия и благоденства и ради поминания родителей своих: игумена Феодосия, иерея Стефана, иерея Филиппа, Пелагеи, Неонилы”.

Среди рукописей в монастырской библиотеке имелись Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Житие Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, Поучения Иоанна Златоуста, Октоих “перваго гласа” и Синодик. Часть книг, судя по пометам в тексте описи, была взята “на Исеть”, т.е. находилась на Кондинской заимке. Этим книг было семь: “Полууставие дестевое”, одна из “общих болших Миней с Празники”, один из “Апостолов тетр, в десть, печатных”, “книга Кирил Иеросалимский печатная”, “книга Сборник печатная, с недели Фарисея по неделю Всех святых”, Служебник “в полдести, старая печать... московской” и “Книга об вере, печатная, в десть”.

Мы уже упоминали о том, что часть книг, находившихся в пустыни на Исети, очевидно, забрали с собой старцы “Иванище” Кодский и Авраамий Венгерский. Это, в частности, подтверждается совпадением некоторых названий как в описи 1673 года, так и в “рописи” Авраамиевой библиотеки 1702 года.

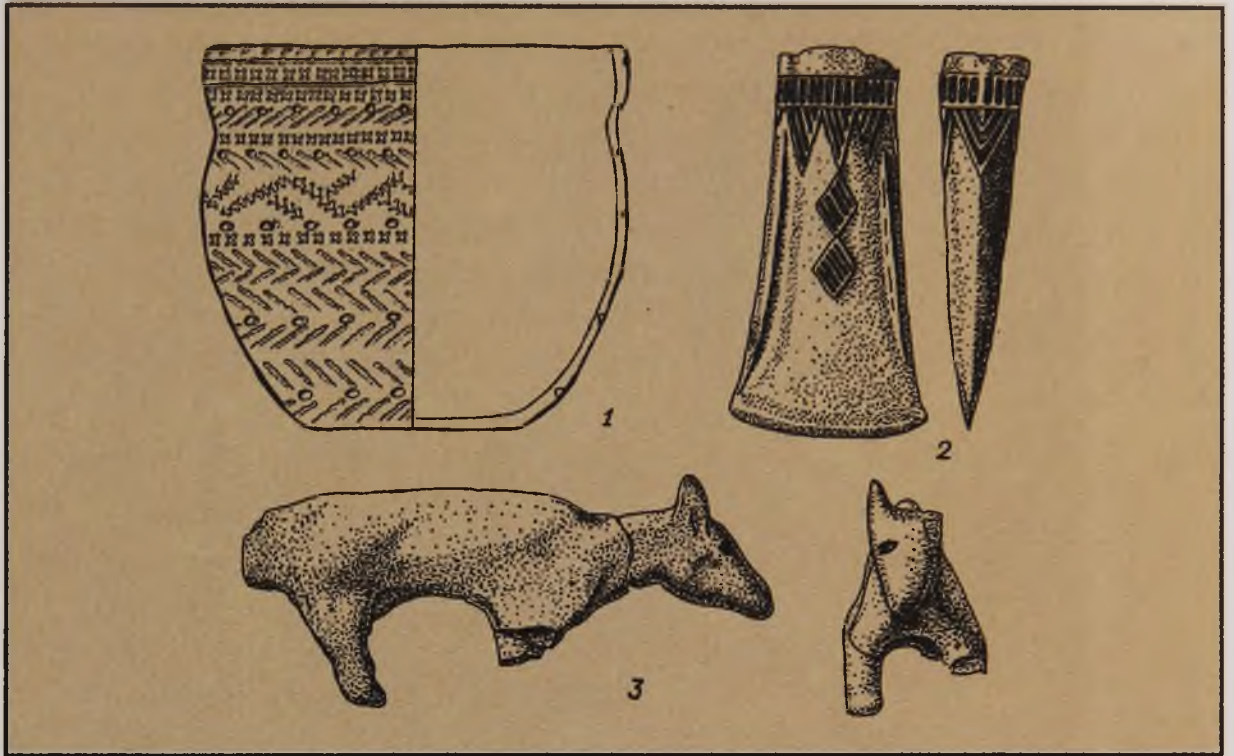
Как бы то ни было, но уже во второй половине 70-х годов XVII века в монастыре обнаруживается нехватка книг. В ответ на просьбу игумена Макария и старцев в декабре 1678 года было по указу царя послано из Москвы “в Сибирь, в Коцкой монастырь, книг и иной утвари церковной на 30 рублей”. Кроме того, от его имени монастырю были подарены картина Страшного Суда, писанная на холсте “на устрашение и покаяние в вере Христове живущим, на просвещение и спасение людей неверных, тамо пребывающих”, а также четыре колокола. Один из них был весом в 15 пудов и имел следующую надпись: “Лета 7187 (1678. — Авт.) декабря... великий государь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, для вечнаго поминовения отца своего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца, пожаловал сей колокол в Сибирь, на великую реку Обь, в обитель Святые и Живоначальные Троицы, в пустынный монастырь, по челобитной того монастыря игумена Макария с братиею”.

По всей видимости, среди книг, присланных в 1678 году из Москвы, был и хранящийся в настоящее время в Ханты-Мансийском краеведческом музее Шестоднев (М., 1663). В начале XVIII века, во вре-

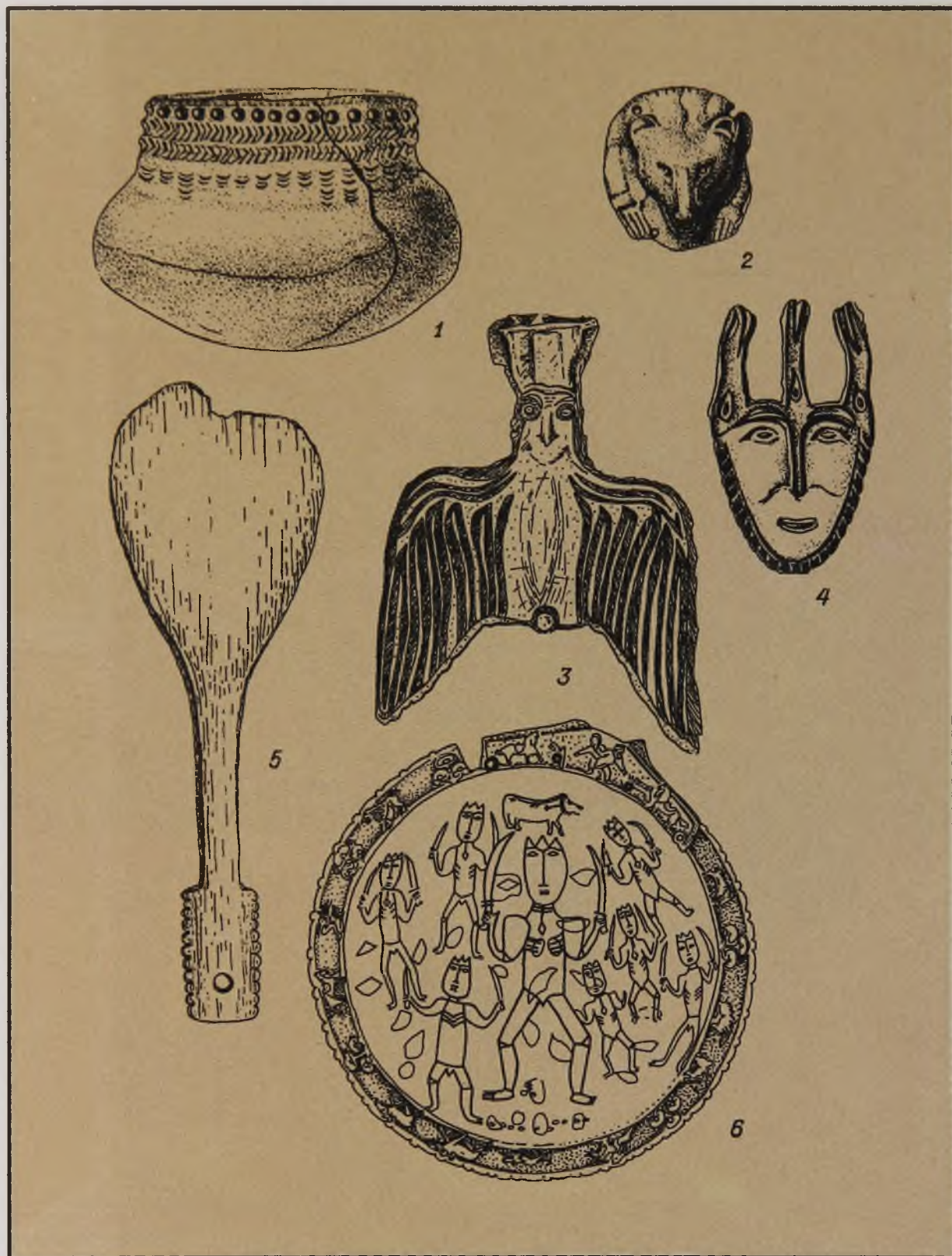
Каменные шлифованные орудия эпохи раннего металла (III—II тыс. до н.э.) с памятников правобережной Оби.

Изделия из кремня эпохи раннего металла с памятников Низямского археологического куста.

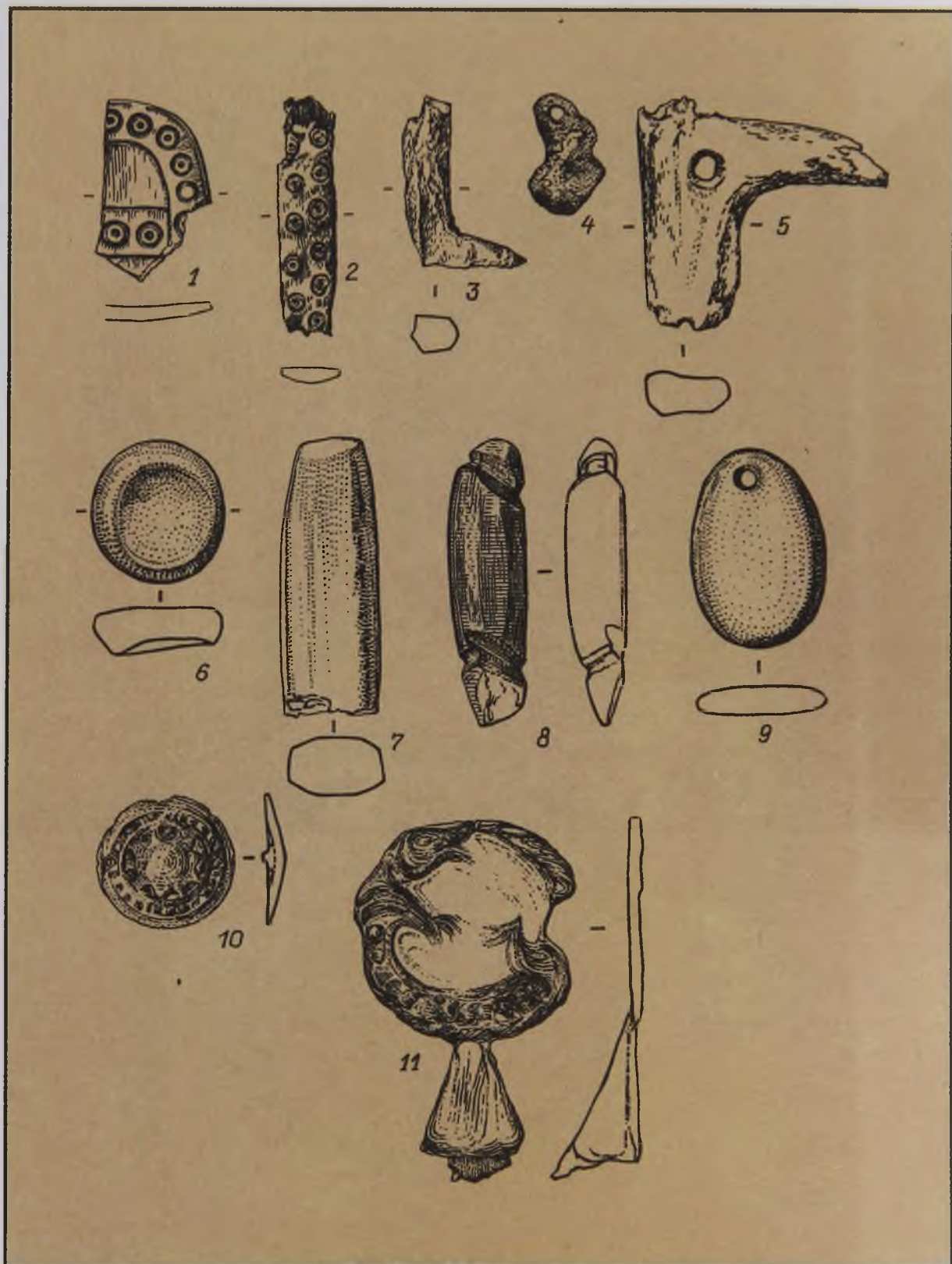

Находки эпохи бронзы: 1 — керамический сосуд (пос. Перегребное 4); 2 — бронзовый кельт (г. Ханты-Мансийск); 3 — глиняная скульптура оленя (пос. Низямы 8).

Вещи, найденные близ д. Низямы: 1 — костяная проколка с гор. Низямы IV; 2,3 — шлифованные наконечники стрел; 4 — обломок глиняной формочки; 5,6 — сосуды для переплавки металла (гор. Низямы V); 2-4 — эпоха бронзы; 1,5,6 — средневековые.

Эпоха средневековья: 1 — глиняный сосуд; 2 — медведь в жертвенной позе (бронза, гор. Низямы IV); 3 — священная птица (бронза, гор. Шеркалы I); 4 — бронзовая антропоморфная фигура с пос. Низямы III; 5 — костяная ложка с гор. Низямы IV; 6 — блюдо с Кодского городка.

Находки со средневековых гор. Перегребное I и Шеркалы I. 1-5 — кость; 6-9 — камень; 10-11 — бронза.

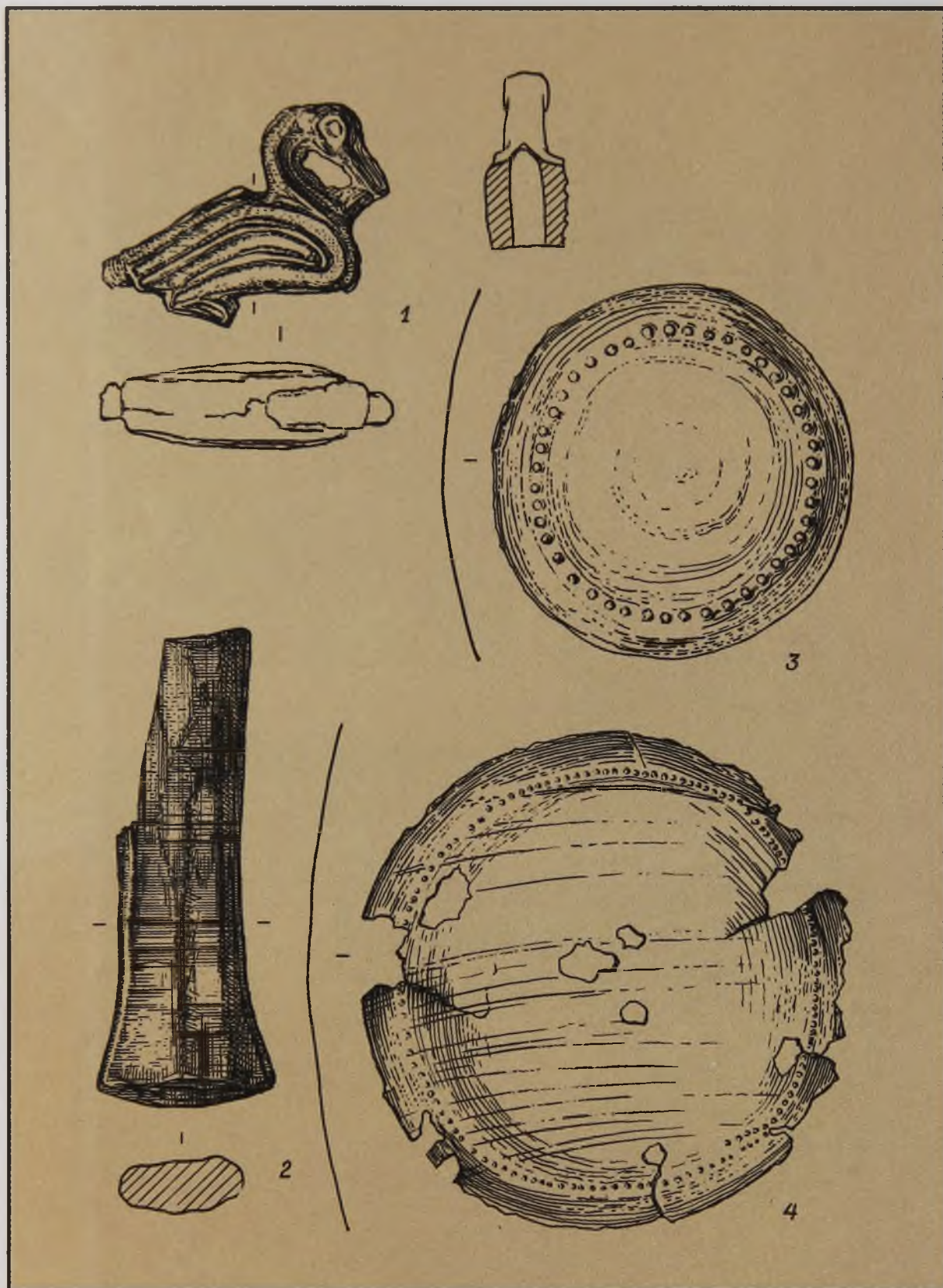
Железное оружие и орудия труда с гор. Шеркалы I.

Ножи с гор. Шеркалы I.

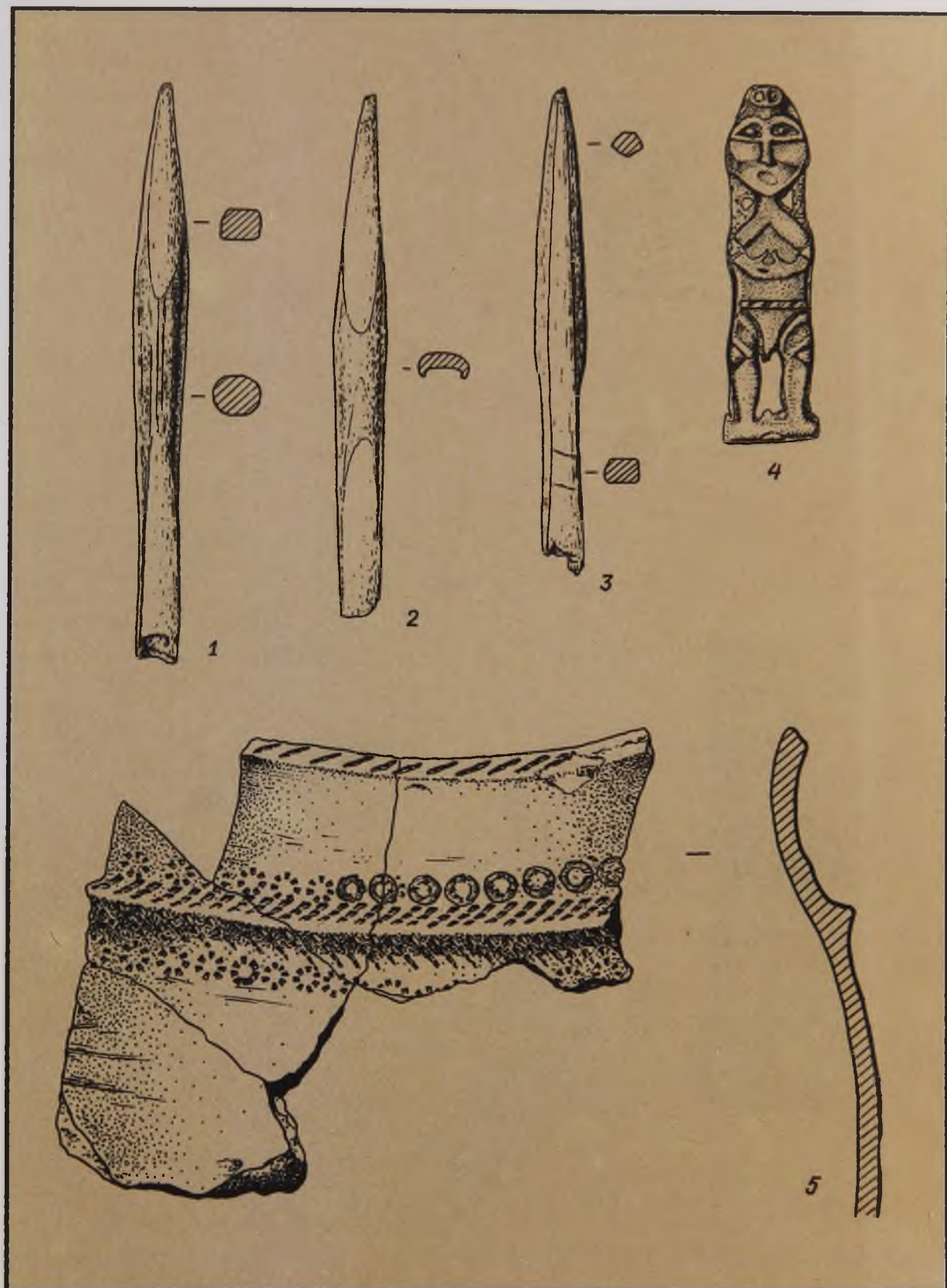

Гор. Шеркалы I: 1 — глиняный штамп; 2 — костяная деталь упряжи; 3 — бронзовая подвеска; 4 — железный нож; 5 — наконечник стрелы; 6 — образцы тканей.

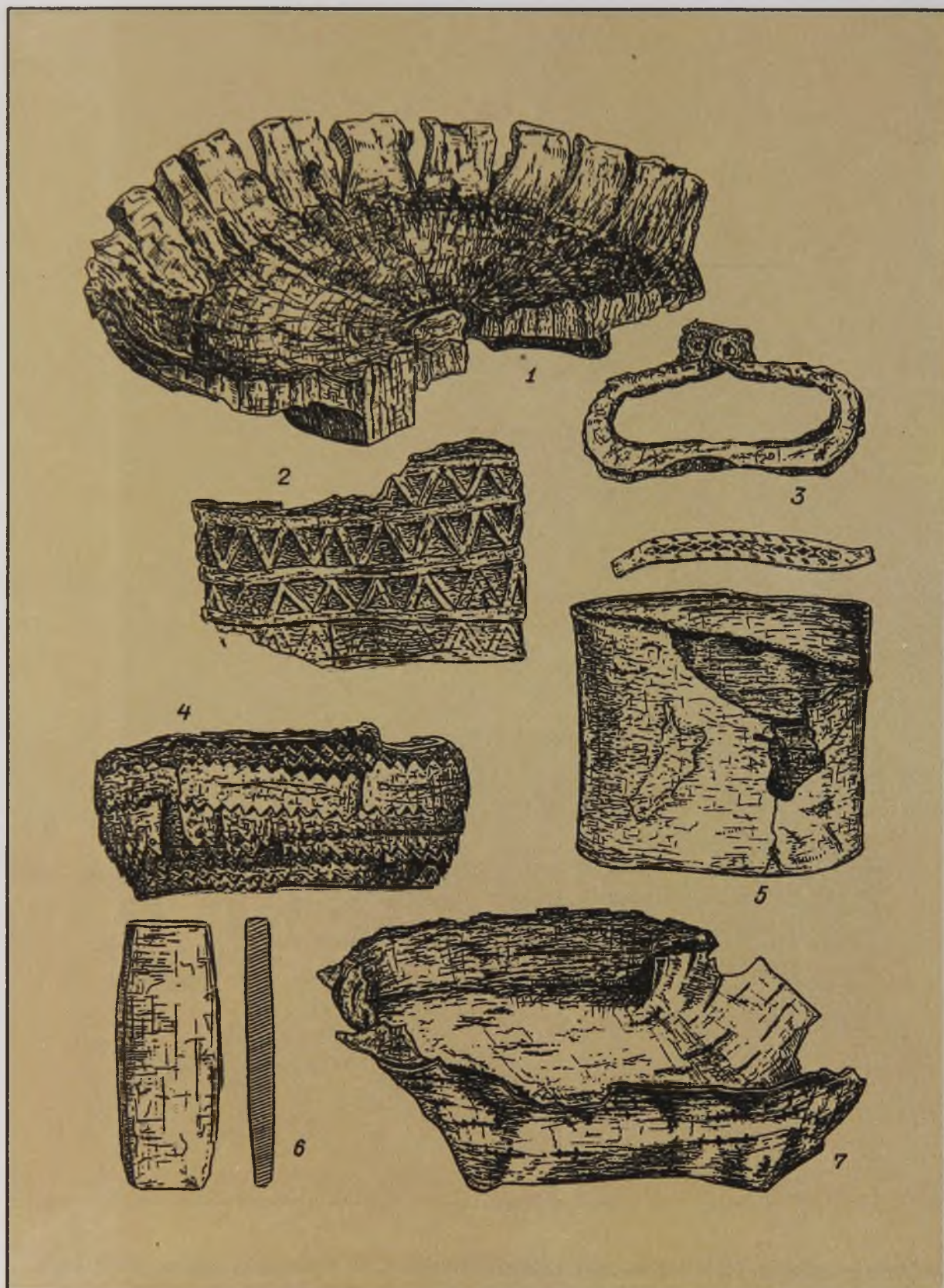

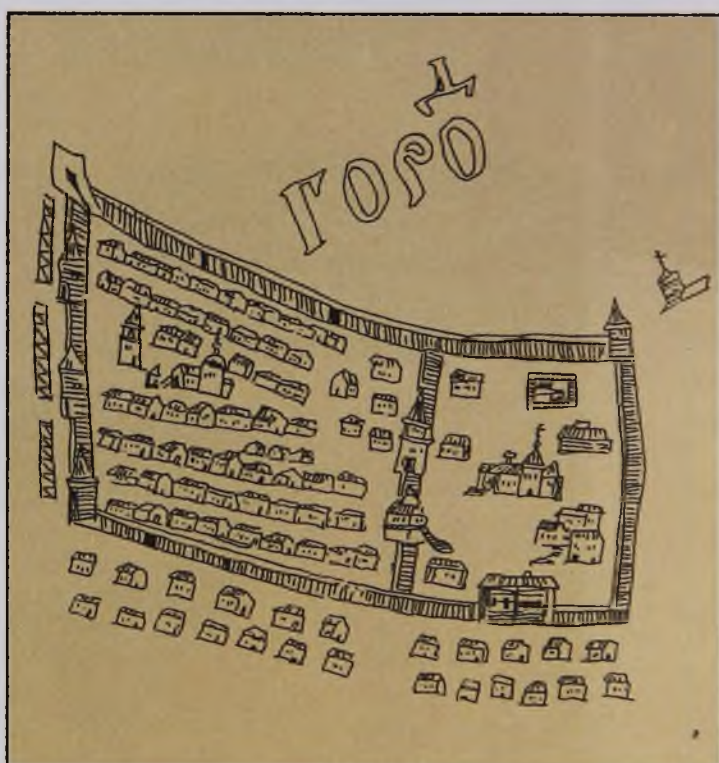
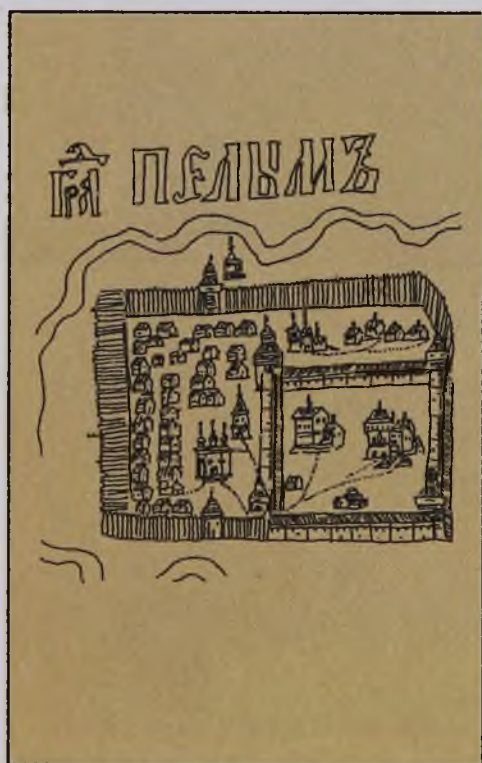
Шеркалинский клад: 1 — бронзовая фигурка лебедя; 2 — костяная рукоятка ножа; 3-4 — бронзовые зеркала.

Гор. Шеркалы I: 1-3 — костяные наконечники стрел; 4 — бронзовая личина предка-богатыря; 5 — фрагмент приуральского (коми-зырянского) сосуда.

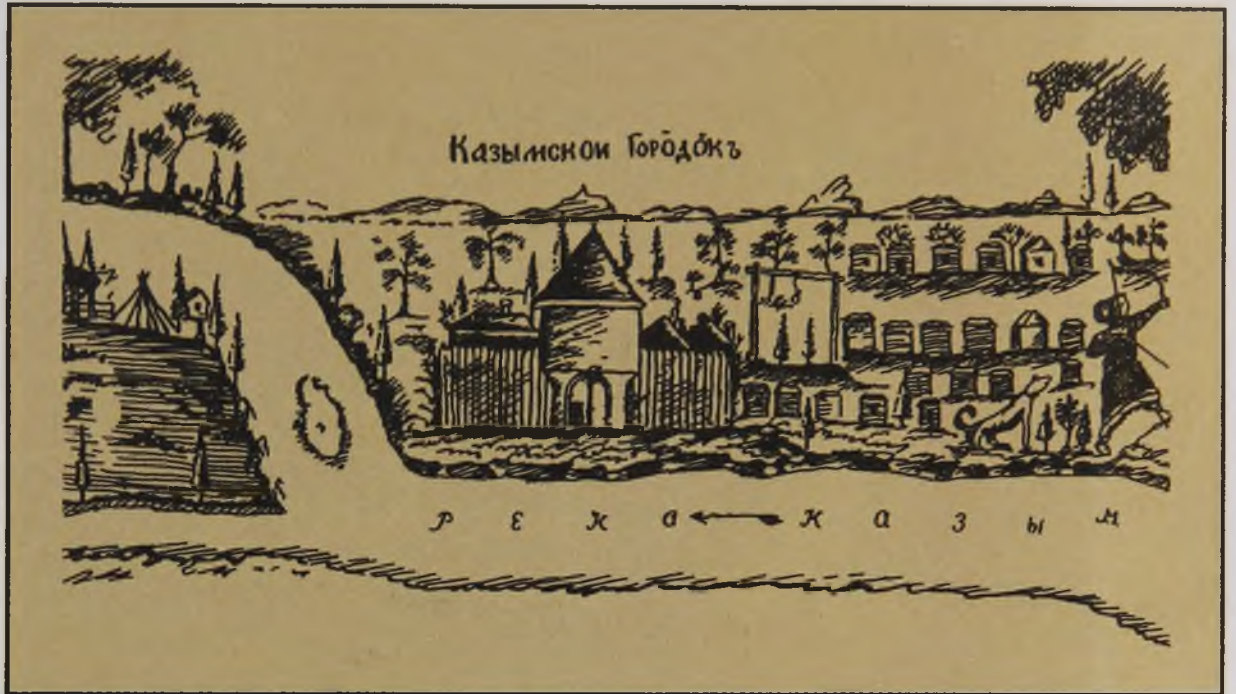
Могильник Перегребное 9 (XVIII-XIX вв.). Находки: 1 — кора; 2,4,5,7 — береста; 3,6 — железо.

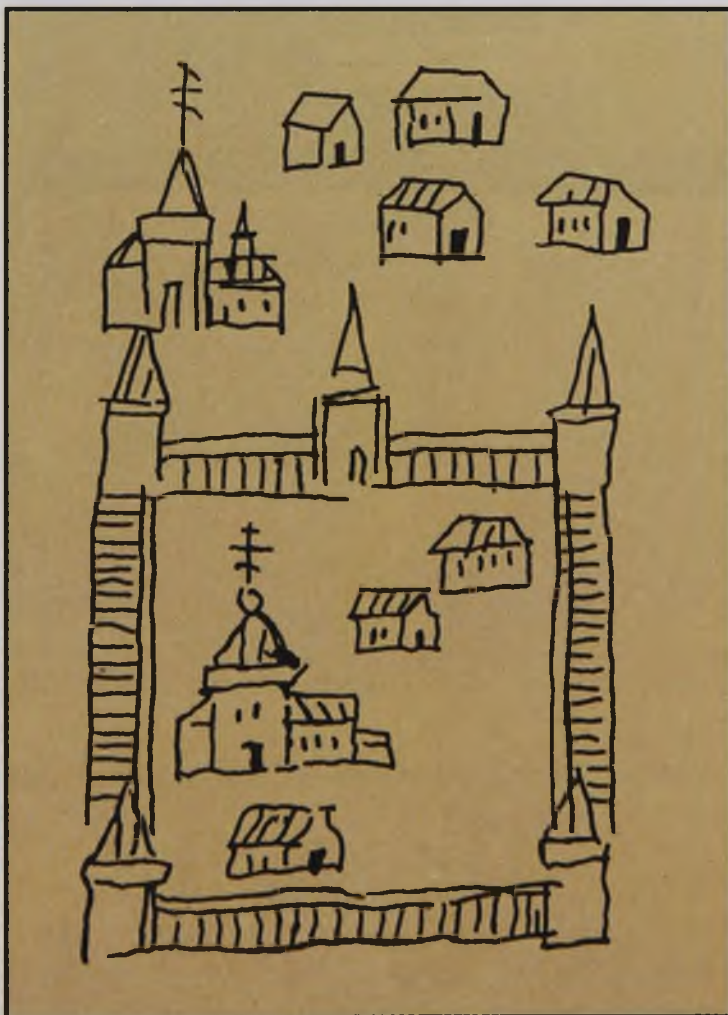
Крепости Сибири. Из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Конец XVII века

Изделия из бересты, дерева и кости гор. Шеркалы I.

Юильский (Казымский) острог. XVIII век. С рисунка XIX века.

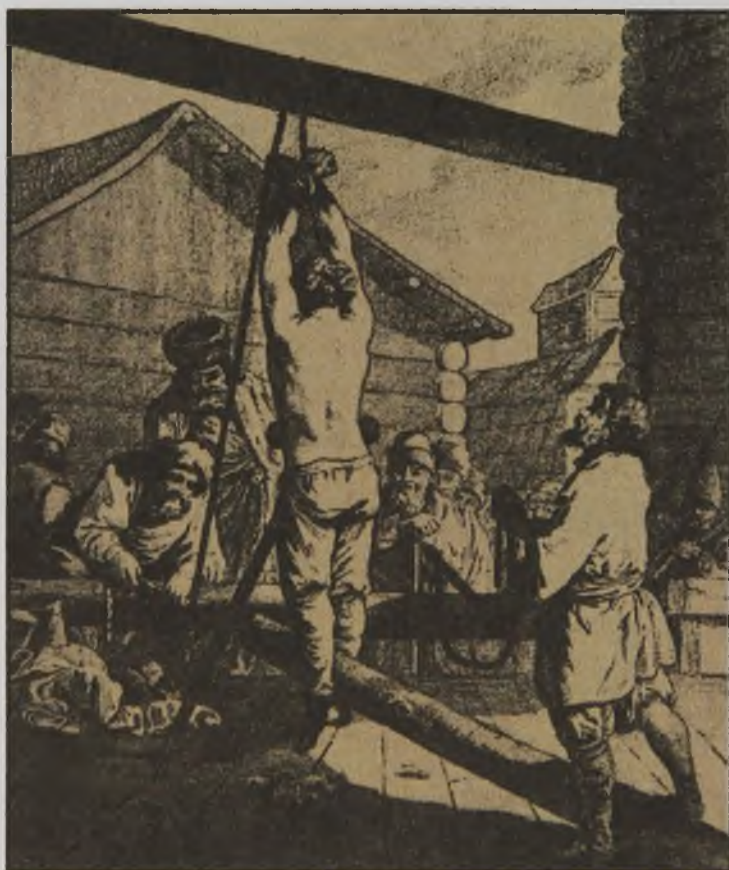

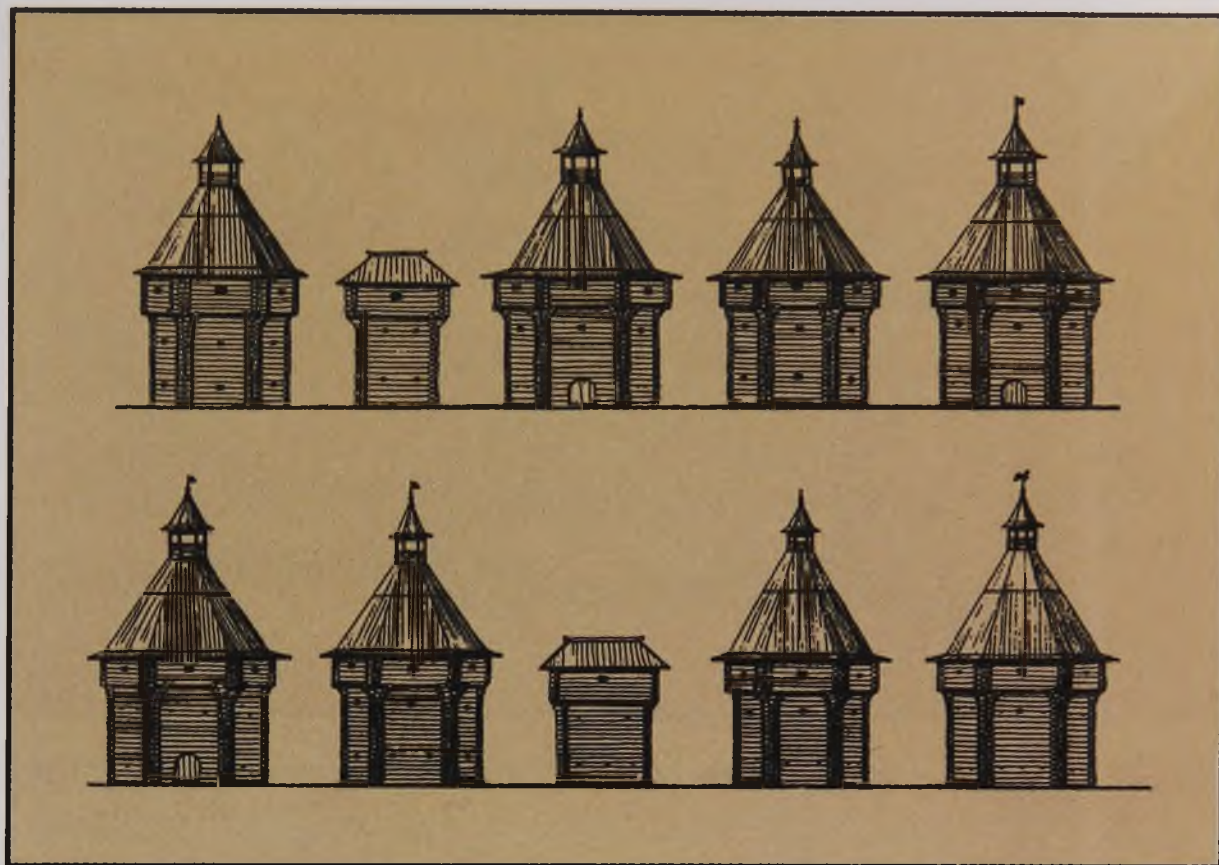
Изображение Мангазеи в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова. Конец XVII века.

Ляпинский городок XVIII века. С рисунка XIX века.

Наказание кнутом. Гравюра XVIII века.

Типы башен сибирских городов конца XVI—XVIII веков. Реконструкция.

Ключи новгородского типа с гор. Шеркалы I.

Бусы с гор. Перегребное I.

Городовая печать Березова.
Реконструкция.

Городовая печать Пелыма.
Реконструкция.

Городовая печать Обдорска.
Реконструкция.

Бронзовая антропоморфная
пластика Среднего Приобья.
Средние века

Резная кость с городища Шер-
калы I/2

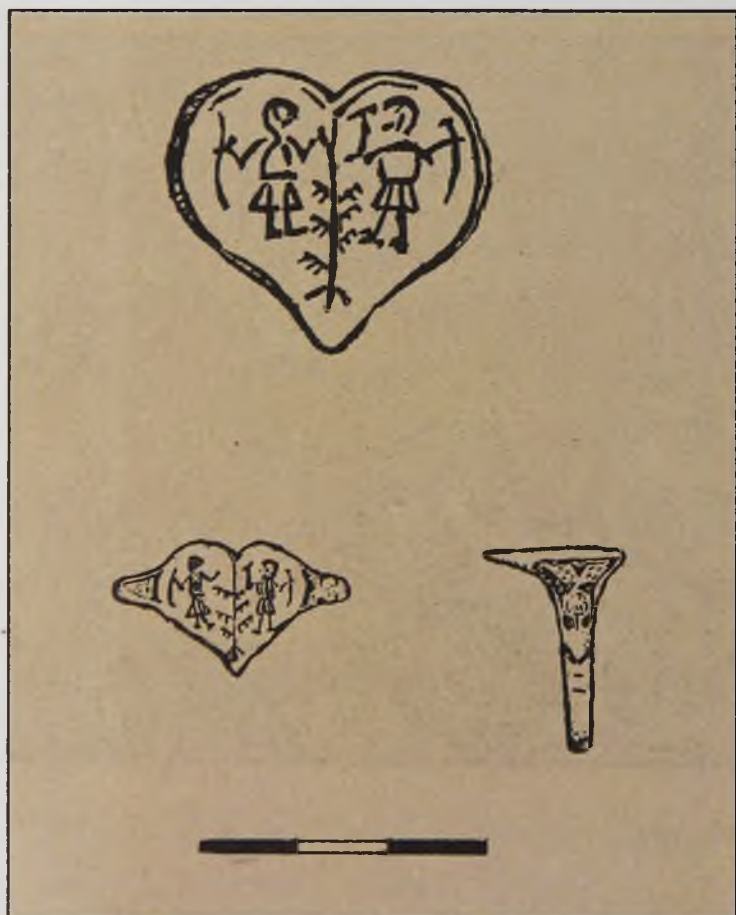
Бронзовый литой браслет.
Средние века.

Щиток для защиты руки от
тетивы. Городище Шеркалы I/2.

Фрагмент берестяного туска с орнаментом. Городище Шеркалы 1/2.

Перстень с печаткой, изображающей сцену шерти (присяги) XV-XVI века.

Перенос лодки через волок. С гравюры XVI века.

Меновая торговля. С гравюры XVI века.

Охота на пушного зверя. С гравюры XVI века.

Рыбная ловля в прорубях. С гравюры XVI века.

Иван Грозный. Портрет XVI-начала XVII века.

Ладья и сани. Миниатюра XVII века

Краткое описаніе.
о народѣ остяцкомъ.

ице

Бирѣвлевъ полнощныхъ царства сибирского

Сибирь
Земля

одевается
Сибирь и мѣсто тогоре Лартда осознѣшыхъ
зещей збленіемъ

Анаипаге.

Орбитій озыганъ ипрезиданій сего остяцкого
народа понае ихъ прераномъ злогестіи. Ху миросл
ренига оОбращеніи зпавослояндоблогестіи зту
Лартитансизъ збд.

Евѣ

Ду поспѣшеетующѣ тишаніемъ свѣтелнѣшаго
жизта Матрѣта Петровита Загарына Зуберна
тора царства сибирскаго. Пропозблѣтовѣ тра
домьного злогестіи пропозблѣниа итѣитѣ
мо. Преосвѣщеннаго Архидерета Деодора схи
монаха.

Совыствѣта

Зверѣлиа пражана престоло метрополиа сибир
шой великаго Іпана Ларосвѣтащеннаго Архидерета
Іоана Махимоуита.

Списаніе запозелнѣемъ его Крѣи сѣтлостіи И:
Зенаторо сибирь.

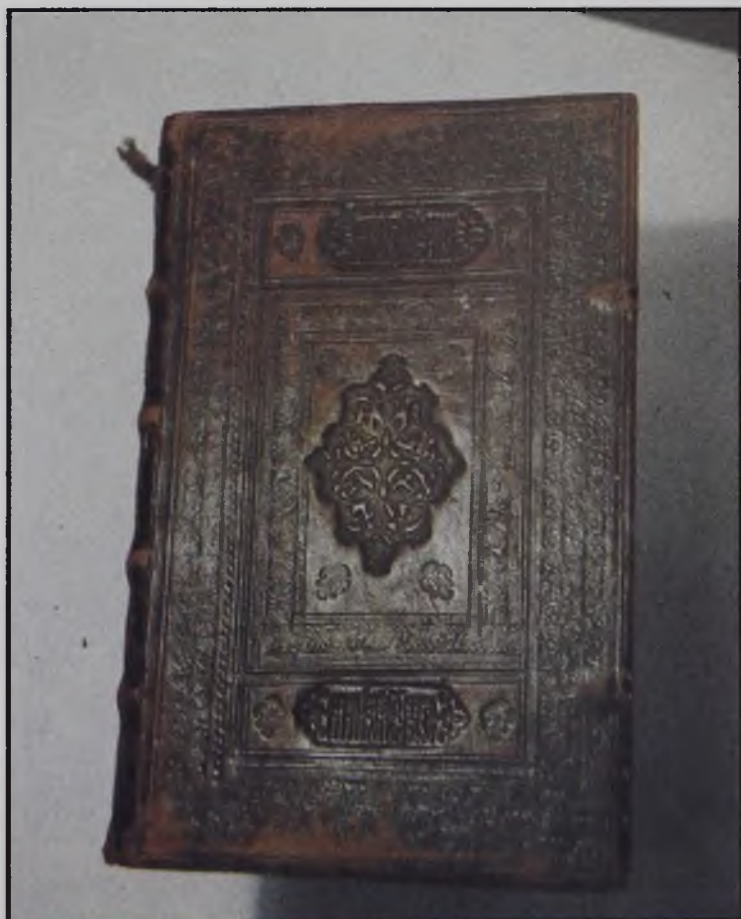
Исправилъ его свѣ Григоріе Нозинъ.

Митрополит Сибирский и Тобольский Филофей Лещинский. Со старинной гравюры.

Ручные и ножные колодки и цепи. С рисунка XVIII века.

Шестоднев. Москва, 1663 год.

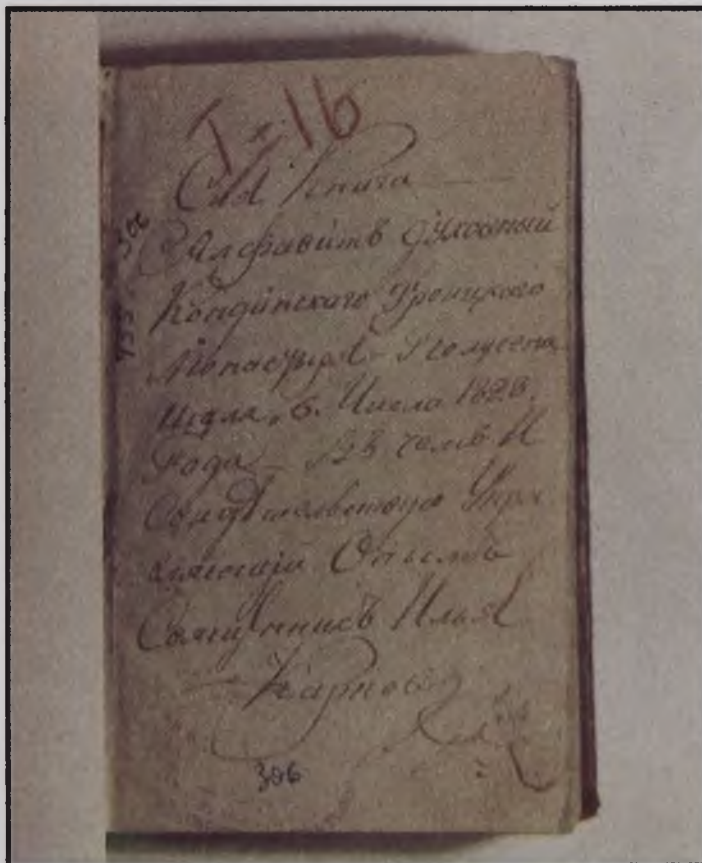
прїидоша злїи рабонїицы
 сїи . хотѣху деиженна ја
 гл҃авити

Нападение разбойников на северный монастырь. Миниатюра XVII века.

Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольничьей брынской вере.
Москва, 1783 год.

Исайя (Копинский)
Алфавит духовный. Москва,
1811 год.
Запись на первом форзацном
листе. «Сия книга Алфавит
духовный Кондинского Трои-
цкого монастыря...»

мя проверки книжного фонда монастыря, на листах этой книги появилась следующая скорописная запись: “Сия книга глаголемая Шестодневцец Троицкого Коцкого монастыря, что на великой реке Оби, подписана 1711 году месяца декабря в 10 день при бытности строителя иеромонаха Филарета. И быть ей неотъемлеме вечно во веки веков. Аминь”.

В 1685 году кондинский игумен Иван сетовал в своей челобитной на царское имя, что во вновь построенной церкви Преображения Господня с приделом во имя св. Николая Мирликийского в пустыни “на Исете реке... нет Евангелия на престолного и толкового, Апостола, Псалтыри со возследованием, Часослова, Октаев на осми гласех, Минеи общие, Прологов, Жития Николая Чюдотворца”. Очевидно, именно тогда в Кондинский монастырь поступили “жалованные вещи” от царей Ивана и Петра Алексеевичей и правительницы Софьи Алексеевны, в том числе куранты, “животворящий крест серебряной под золотом, кадило серебряное, две книги печатные, 1-я Обет, 2-я Вечеря” (имеются в виду книги Симеона Полоцкого “Обед душевный” и “Вечеря душевная”, изданные уже после смерти писателя в Верхней типографии соответственно в 1681 и 1683 годах).

Одна из этих книг — “Вечеря душевная” — в настоящее время находится в коллекции книг кирилловской печати Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Она превосходно сохранилась (цел даже гравированный фронтиспис с подписью: “7190 (1682. — Авт.) году знаменил Симон Ушаков”). На нижних полях листов книги читается следующая запись, сделанная скорописью начала XVIII века: “Сия книга, глаголемая Вечеря душевная, пожаловали великие государи цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы, в Троицкой Коцкой монастырь, что на великой реке Оби. А велено в монастыре поминать за упокой боярина князя Василия Адоевского и супругу его княгиню Акилину. Подписана в Троицком Коцком монастыре 1711 году месяца декабря в 10 день при бытности строителя иеромонаха Филарета. И быть ей неотъемлеме вечно. Аминь”. Судя по штампам на верхнем форзацном и титульном листе уже в 1916 году книга принадлежала Тобольскому церковному древлехранилищу.

В 1698 году книжное собрание Кондинского монастыря пополнилось вкладом, присланным “из домовые казны кир святейшаго Адриана, архиепископа Московского и всея России и северных стран патриарха”. В Ханты-Мансийском краеведческом музее находятся две книги из этого вклада — Евангелие учительное (М., 1686) и Триодь

цветная (М., 1692). Обе они имеют записи 1711 года, в которых указан источник их поступления. Попутно заметим, что тогда же два на-престольных серебряных креста под золотом прислал “в Сибирь, в Коцкой монастырь, по родителех своих в вечное поминовение” патриарший келейник черный диакон Митрофан.

Пополнялась книгами монастырская библиотека и в последующее время. Так, сохранились сведения о том, что по заказу обители рафайловский игумен Маргарит приобрел в январе 1782 года Евангелие (М., 1752), вес которого достигал 1 пуда 15 фунтов. Только на украшение его переплета было израсходовано около фунта чистого серебра.

Кроме того, до нашего времени сохранилось еще несколько книг, принадлежавших монастырю. Все они сейчас находятся в Ханты-Мансийском краеведческом музее. Среди них — Евангелие (М., 1717), которое, судя по имеющейся здесь записи, было переплетено заново в 1793 году, “в бытность игумена Иувеналия”. Еще две книги — “Пращица духовная” нижегородского епископа Питирима (М., 1752) и “Розыск о раскольничьей брынской вере” ростовского митрополита Димитрия (М., 1783) — благодаря сохранившейся здесь антистарообрядческой полемике вызвали, как свидетельствуют имеющиеся здесь пометы, живой читательский интерес: первую из них “смотрел” некий Прокопий Хазов, вторую прочли “сполна” соответственно в 1800 и 1801 годах березовский купец Александр Нижегородцев и тобольский мещанин Александр Любимский.

На “Алфавите духовном”, написанном еще в первой половине XVII века киевским митрополитом Исайей Копинским и изданном в Москве в 1811 году, сохранилась следующая запись: “Сия книга Алфавит духовный Кондинского Троицкого монастыря. Получена июля 6 числа 1829 года, в чем и свидетельствую. Управляющий оным священник Илья Карпов”.

К последнему периоду истории обители относится запись, сделанная, очевидно, в 20-х годах нынешнего столетия неизвестным посетителем, которая читается на внутренней стороне верхней крышки переплета “Богословий” Иоанна Дамаскина (М., 1834): “Осмеливаюсь, дарю на добрую и дорогую память ея высокопреподобию высокочтимой матушке игуменье Серафиме... Прошу Вас, помолитися за меня”.

Среди знаменитых икон, принадлежавших некогда Кондинскому монастырю, следует прежде всего назвать образ Пресвятыя Троицы древнего письма, приобретенный в 50-х годах XVIII века стараниями его настоятеля Иоакима. Чуть позже московский дворянин Василий Саввич Турский дал сюда вкладом старинную икону Казанской Богородицы. Наконец, в 1784 году на сбережения игумена Сергия, а также

на средства обители и “доброхотных даятелей” была куплена древняя икона св. Николая Мирликийского. Все эти замечательные памятники древнерусской живописи были украшены богатыми серебряными окладами и помещались в монастырских иконостасах. Как сложилась их судьба после ликвидации монастыря — неизвестно

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРОПОВЕДЬ НА ОБСКИХ БЕРЕГАХ

*...путь сей простирашеся неправдо,
но везде сокрушая идолюбесие...*

Г.Новицкий

С самого момента основания Кондинскому Троицкому монастырю, расположенному в самой гуще остяцких поселений Нижнего Приобья, была отведена роль распространителя православия среди местных язычников. Однако сделать это было не так-то просто.

Основу традиционных религиозных построений обских угров составляла уходящая корнями в глубокую древность вера в добрых и злых духов, населявших окружающий мир. Мифопоэтическая модель этого мира представлялась им расчлененной на три уровня — верхний (небесный), срединный (земной) и нижний (подземный). Мировой осью обычно выступала река, ассоциировавшаяся, очевидно, с Обью. Творцом мироздания был владыка неба Нуми-Торум (по другим мифам, демиургом являлся его отец Корс-Торум, прародитель всех угорских богов), антиподом которого выступал его брат, властитель злых духов и, соответственно, нижнего мира, по имени Куль-отыр. Во время сотворения земли из ила посреди первичного океана Куль-отыр, принявший облик гагары, трижды нырял на дно за этим “строительным материалом”. По одному из угорских мифов, Мир-сус-нэ-хум, младший из семи сыновей Нуми-Торума и его жены и, одновременно, сестры Калташ-Эквы, жизнеподательницы, отвечавшей за срединный мир людей, похитил из преисподней солнце (его богиней была Хотал-Эква) и луну (ее богом был Этпос-ойка). К верховным божествам относились также покровительница огня Най-Эква и бог грозы Сяхыл-Торум. Важное место в угорском пантеоне занимали сыновья Нуми-Торума и другие духи, отвечавшие за те или иные силы природы (дух леса Кумп-эленг, дух воды Вит-хон и др.).

Сразу же оговоримся, что нами приводились мансийские названия богов. У ханты некоторые из этих имен близки по звучанию. Так, хозяин верхнего мира звался у них Торум (Нум-Торум), хозяин нижнего мира — Куль-ики (Хынь-ики), хозяйка срединного мира — Калташ-ими (Калташ-анки; иногда ее называли

Сорни-ими “Золотая женщина”; очевидно, к этому эпитету, связанному с ее изображением, восходят многочисленные легенды о “Золотой бабе”, одну из которых, как мы помним, приводил в своих “Записках” Сигизмунд Герберштейн). Седьмой сын Торума и Калташ, родившийся между небом и землей и поэтому являвшийся связующим звеном между этими мирами, носил имя Мир-ванты-ху “За миром наблюдающий человек” (именно ему было посвящено главное святилище в Белогорье, а его идол остяки пытались использовать против стрельцов Ивана Мансурова). Покровительницу огня ханты называли Най-анки, громовника — Послан-ху, хозяина леса — Унт-ики, хозяина воды — Йинк-ики и т.д.

Наряду с анимистическими представлениями и почитанием предков, у обских угров сохранялись также пережитки тотемизма. Яркий пример этого — культ медведя, являвшегося, по преданию, предком-родственником ханты. С ним был связан целый комплекс мифов и обрядов, получивший название “медвежьего праздника”.

Отправление языческих культов сопровождалось у коренных жителей Приобья идолопоклонством и связанными с ним многочисленными ритуалами. При этом у них существовали и особый слой жрецов-шаманов, обычно называемых в русских источниках “шайтанщиками”, и специальные священные места, где совершались обряды и жертвоприношения.

На Коде, помимо крупных святилищ в Белогорской волости и в Кылдысянских юртах, о которых уже упоминалось выше, языческие капища располагались практически в каждом городке или селении. Некоторые из них, например “кумирня” в Шоркарском городке, имели общехантыйское и даже общеугорское значение. Так, Шоркарский религиозный центр был посвящен Мир-ванты-ху — одному из главных божеств, имевшему у остяков многочисленные синонимы и эпитеты: Орт-ики “Богатырь-старик”, Али-сорни-ху “Золотой человек”, Ун-ики “Верхний старик” Кон-ики “Царь-старик” и т.д.

Еще два известных на Коде святилища были связаны с военной атрибутикой. Они располагались в Большом Атлыме, где хранились “два копыя железных в берестяной пойве”, и в Нарыкарах, где находилось капище “крылатого старика” — орла, которого олицетворяли Семь стрел, завернутые в ткань.

Кондинскому монастырю было далеко не просто конкурировать с “кумирнями” древних остяцких богов. Да и сам процесс христианизации шел в крае весьма медленно. Лишь в начале XVIII века, в связи с широкой миссионерской деятельностью тобольского митрополита Филофея Лещинского, положение меняется.

Если в XVII веке случаи обращения в христианство носили единственный характер, “новокрещен” не мог жить с язычниками и покидал соплеменников, а от ясака его полностью освобождали, то по царскому указу 1706 года, который сумел “пробить” Филофей, специально за этим ездивший в Москву, с новокрещенных “иноземцев” снимались только ясачные недоимки, т.е. принять православие должна была поголовно вся ясачная волость. При этом перед миссионерами ставилась чрезвычайно сложная задача, поскольку массовое крещение предписывалось проводить добровольно.

По просьбе Филофея ему в непосредственное подчинение были переданы восстановленный по его настоянию Березовский Воскресенский монастырь, о котором еще будет идти речь, а также Троицкий Кондинский. Оба они должны были стать важнейшими миссионерскими центрами Обского Севера.

Вернувшись в Тобольск, Филофей послал в 1707 году в Березов миссионеров, однако их поездка по Оби каких-либо существенных результатов не принесла. В 1710 году назначенный в Сибирь первым губернатором князь Матвей Петрович Гагарин привез тобольскому архиерею еще один указ царя Петра Алексеевича, в котором вновь предписывалось крестить остяков и вогулов, “идолы огнем палить и рубить и капища их разорить”, тем же “иноверцам”, кто ослушается царского указа, грозила “казнь смертная”. Эти суровые меры являлись, по всей видимости, следствием административного рвения первого сибирского губернатора. Впрочем, уже в 1714 году правительство опять ввело запрет на насильственное крещение, противоречившее всему предшествующему светскому законодательству по поводу обращения “иноверных” в православие.

Между тем митрополит Филофей, принявший в 1709 году из-за тяжелой болезни схиму в Тюменском Троицком монастыре под именем Феодора и передавший все бразды правления в епархии новому владыке Иоанну Максимовичу, после своего выздоровления решает посвятить остаток жизни миссионерской деятельности в Сибири. В 1712 году, получив от князя Гагарина “изобильную” помощь, схимонах Феодор отправляется со своими людьми “водным плаванием” от остяцких “первых жилищ... по Иртышу... в трех днях... от Тобольска”, до Березова. Основным местом деятельности миссионеров стали Белогорская волость, Кодские городки и Шоркарские юрты.

Жители Белогорья поначалу “крепко” противились обращению в новую веру, однако, как вспоминал позднее участник экспедиции Григорий Новицкий, “тишайшие словеса” схимонаха Феодора “мало свирепство противников укротиша”. В огне был уничтожен идол “Старика Обского”, являвшегося покровителем рыболовства.

Более дружелюбно встретили миссионеров в Коде. После проповеди схимонаха Феодора выразил желание принять крещение один из потомков князей Алачевых. Узнав, что Русь тоже некогда являлась языческой и была “одержима... кумирслужением”, но потом, “во дни святого Владимира”, обратилась в православие, он захотел съездить в Киев и своими глазами увидеть эти исторические места. Вслед за Алачевым крещение приняли еще 30 человек. Далее было пресечено сопротивление язычников из Шоркарских юрт, а их “кумир, изсеченной из дерева в подобие человеке, серебрено имеющ лицо”, вместе “со всем своим богомерзким капищем” был предан огню.

Через год миссионеры во главе со схимонахом Феодором вновь побывали в этих местах, продолжая обращать в христианство жителей Васпукольской, Казымской, Шоркарской, Белогорской и других волостей. По свидетельству Новицкого, во время этой поездки “три тысячи пять сот душ крестятся”. Конечно, эта цифра явно завышена, однако успех был налицо. Правда, в малоатлымских юртах произошел конфликт: местный шаман столь ревностно и убедительно отстаивал веру отцов, что остяки начали силой изгонять проповедников из своего “пристанища”. И опять схимонаху Феодору благодаря красноречию удалось одержать верх. Христианизация народов Нижнего Приобья продолжилась и в следующем 1714 году. Тогда же были окрещены вогулы шести волостей Пелымского уезда.

В результате миссионерской деятельности Филофея Лещинского (схимонаха Феодора) и его помощников на Обском Севере стали возникать новые православные приходы. Уже в сентябре 1713 года появился указ сибирского губернатора, в соответствии с которым березовские остяки должны были “в каждой волости сделать по церкви”, причем представителям светских властей повелевалось выделить на это казенные средства “и иконников нанять в Тобольске”. Кроме того, значительные пожертвования на церковное строительство сделали сам князь Матвей Гагарин и схимонах Феодор. Что касается священников и церковного причта в приходских храмах у новокрещенных, то они брались на государственное обеспечение.

Издавна на Руси сложилась традиция сооружать церкви и монастыри на месте языческих капищ. Так же поступал в Нижнем Приобье и Филофей. В итоге православные храмы были воздвигнуты в Белогорье (Троицкий), в Сухоруковских юртах (Святодуховский), в Малом Атлыме (Преображенский), в селениях Шоркарском (Спасский), Казымском (Успенский), Сосьвинском и Кушеватском, относящемся к Куноватской волости, (Христорожественские), а также в Ляпине городке (Богоявленский). В 1716—1717 годах в Сургутском уезде, где

Филофей продолжил массовую христианизацию остяков, тоже стали появляться в разных местах церкви.

После смещения с должности сибирского губернатора князя Гагарина, обвиненного в казнокрадстве и взяточничестве и впоследствии казненного, отношение местных светских властей к миссионерской деятельности изменилось, причем не в лучшую сторону. Новый губернатор князь Алексей Михайлович Черкасский даже предложил в 1720 году Сенату вообще прекратить строительство церквей у новокрещенных за счет государственных средств, не давать жалованья священникам, служившим в них, и не «награждать иноверцев при крещении из казны». Одновременно был увеличен ясак, бравшийся с новокрещенных. Схимонах Феодор, вновь вернувшийся в 1715 году к руководству Тобольской епархией, с трудом сумел сохранить прежнее положение, причем его поддержал сам царь Петр, пославший митрополиту особую «похвальную грамоту», в которой отмечались его выдающиеся миссионерские заслуги. Кроме того, сенатским указом от 1 сентября 1720 года были установлены различные поощрения для новокрещенных. В частности, для них предписывалось «во всяких государственных сборах и в изделиях давать льготы на 3 года, дабы тем придать к восприятию веры греческого закона лучшую охоту». По истечении льготного срока новокрещенный снова должен был вносить ясак, но при этом он освобождался от других сборов, а также от подводной повинности.

Для дальнейшего развития христианизации в Березовском крае владыка Феодор закрепил специальные миссионерские функции за игуменом Березовского Воскресенского монастыря Гедеоном и за настоятелем Кондинской Троицкой обители Зиновием. Священникам остяцких приходов велено было три раза в год объезжать паству для совершения духовных треб на казенных подводах. Делалось это, однако, нерегулярно, к тому же многие миссионеры не владели языком коренных жителей, поэтому влияние миссии на новообращенных христиан было слабым и весьма поверхностным.

ГРИМАСЫ «ПРОСВЕЩЕННОГО ВЕКА»

Приложить должно более старания к тому, чтобы вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями...

Из «Наказа» Екатерины II в Уложенную комиссию 1767 года

В первой половине XVIII столетия Кондинский Троицкий монастырь, в целом, процветал, насколько это процветание было возмож-

ным в суровом северном краю. Еще в конце 70-х годов предыдущего века за ним был закреплен прииск слюды на Оби, из которой монастырский оконник впоследствии делал на продажу оконные пластины. Монастырь также поставлял на рынок мясо (здесь имелось два скотных двора), рыбу и рыбий жир (старцы и бельцы активно занимались рыбной ловлей и имели для этого все необходимое). Во время Первой ревизии 1719 года в вотчинах Кондинского монастыря было учтено 290 душ мужского пола, из которых 206 душ лукавые старцы от переписи утаили.

Как уже упоминалось выше, Троицкая обитель была в Нижнем Приобье не единственной. Еще в 1635 году при Воскресенской церкви в городе Березове возник небольшой монастырек. В 1656 году он был закрыт, а его немногочисленную братию перевели в только что появившийся Троицкий Кондинский монастырь. В 1696 году сибирский митрополит Игнатий Римский-Корсаков без согласования с Москвой открыл Воскресенский Березовский монастырь вновь. При этом он назначил его настоятелем “ссылного старца Михайла Харзеева, которого святейший Иоаким патриарх сослал с клятвою и запрещением за ево непристойные и злые дела”. В подчинение Харзееву был передан и Кондинский монастырь. Посчитав, что “ссылный старец” беззастенчиво грабит их обитель, кондинские монахи донесли об этом в Москву. К тому времени владыка Игнатий попал в опалу и был вызван в столицу, где его объявили сумасшедшим и вскоре тихо уморили. Что же касается его детища — Воскресенского монастыря, то он в 1699 году был закрыт вторично. Однако в 1706 году новый сибирский митрополит Филофей Лещинский, ссылаясь на необходимость распространения в крае христианства и на просьбы березовских казаков, добился возобновления его деятельности. Окончательно эту обитель упразднили в 1723 году. На ее месте был устроен тюремный острог, где впоследствии отбывали ссылку и жертвы дворцовых переворотов (“полудержавный властелин” Александр Данилович Меншиков, князя Долгорукие, граф Андрей Иванович Остерман), и “секретный арестант” Гонковский, обвиненный в шпионаже в пользу Пруссии, и другие узники. Что же касается имущества и братии Воскресенской обители, то их вторично передали Кондинскому монастырю. А это еще больше увеличило его богатство и влияние.

Помимо пожалований, Кондинский монастырь сам приобретал у местных остяков под денежные ссуды сенокосные угодья и рыболовные пески. Немалые доходы продолжала приносить Николаевская заимка на Исети. В 1759 году она состояла из села Николаевского и четырех деревень — Кутчанской, Городищенской, Зырянской и Макарьевской, в ко-

торых насчитывалось 789 крестьян. В результате регулярных зерновых поставок отсюда (зерно возили на обратном пути на судах, доставлявших рыбу на тобольский рынок) в монастырской казне скопились значительные хлебные запасы, которые с успехом реализовывались как ясачным остякам, так и русскому населению Березовского уезда.

В 1764 году, в связи с проводимой правительством Екатерины II секуляризационной реформой, в Кондинском Троицком монастыре был учрежден штат третьего класса. Братия и служители стали получать фиксированное казенное жалованье, а все земельные вотчины и угодья монастыря передавались в ведение Коллегии Экономии. Однако уже через два года, учитывая особое местоположение обители и ее роль в миссионерской деятельности на Обском Севере, некоторые владения были ей возвращены. Тем не менее монастырь стал постепенно приходить в упадок.

В 1765 году при монастыре было создано Духовное Правление, в ведение которого перешел ряд приходов, относившихся ранее к Самаровскому заказу. В начале 80-х годов XVIII века в Кодинский заказ входили следующие приходы, состоявшие преимущественно из «остяцких жилищ»: Троицкий (при Троицкой церкви Кондинского монастыря), Шеркальский (при Спасской церкви Шеркальского погоста), Чемашевский (при Николаевской церкви Чемашевского погоста), Малоатлымский (при Преображенской церкви Малоатлымского погоста), Сухоруковский (при Святодуховской церкви Сухоруковского погоста) и Белогорский (при Троицкой церкви в Белогорской волости). Всего в шести приходах Кодинского заказа насчитывалось 398 дворов, в которых проживало 3102 души обоего пола.

В XVIII веке при Кондинском монастыре имелась школа, открытая еще митрополитом Филофеем Лещинским. Во времена владыки Антония Стаховского она именовалась латино-славянской, в периоды управления епархией Сильвестром Гловацким и Павлом Конюскевичем — славянской, а при Варлааме Петрове ее называли просто русской. В ней обучались дети местного духовенства, штатных монастырских служителей и сироты. Однако, из-за нехватки учителей и частого перевода школы то в Березов, то снова в Коду, она в конце концов прекратила свое существование.

По штатам 1764 года число братии в Кондинском монастыре было сокращено по сравнению с прежними временами почти вдвое: здесь оставили только игумена, казначея, четырех иеромонахов, пономаря, просвирника, ключника, чашника и подьячего. До девяти было уменьшено и количество светских служителей. Взамен монастырь все чаще пополнялся бельцами да теми, кого присылали сюда отбывать наказание.

В числе оказавшихся за монастырскими стенами как по своей воле, так и в качестве ссыльных было немало ярких личностей. Так, например, в 1717 году в монастыре принял постриг под именем Федосия бывший томский комендант Федор Родионович Качанов. За плечами этого 67-летнего человека была жизнь, наполненная самыми невероятными событиями. Сын новгородского помещика, сосланного в Сибирь за причастность к делу о “подметном письме” на царского тестя, он начал свою служебную карьеру томским сыном боярским, позднее производил перепись в Тобольском уезде, а в 90-х годах XVII века, будучи уже московским дворянином, занимался розыском о злоупотреблениях якутских воевод. Въедливость и неподкупность сыщика привели к тому, что он на три года и семь месяцев (!) оказался со своими людьми в самой настоящей осаде на съездем дворе в Якутске, которую организовал местный воевода князь Иван Гагарин, беззастенчивый взяточник и казнокрад. Тут было все: и перестрелки, и штурмы, и вылазки, и смерть осажденных от цинги и голода... Чудом вырвавшись в Москву, Качанов представил молодому царю Петру столь впечатляющий “компромат” на воеводу и его родственников, что это послужило одной из причин нового, теперь уже всесибирского сыска, возглавленного думным дьяком Данилой Полянским. В состав сыскной комиссии был включен и Федор Качанов. В дальнейшем, будучи уже илимским воеводой, он руководил розысками по поводу различных уголовных и политических преступлений как в самом Илимске, так и в других восточносибирских городах и острогах — Красноярске, Иркутске, Братске, Балаганске и т.д. Кроме того, в 1707 году Качанов занимался в Иркутске, Якутске и Нерчинске расследованием ввоза и вывоза контрабанды — “китайских заповедных товаров и мяжкой рухляди”. В 1709 году он был назначен воеводой в Нерчинск, где добывал и плавил серебро. Последний год своей службы он провел в Томске, где, в частности, производил набор рекрутов.

Не раз за время своей деятельности Качанов получал награды и похвалы от царя, не раз кричали на него “слово и дело государево”. И даже в далеком северном монастыре не обрел он покоя: в сентябре 1720 года “схимонаха Федосия” особым митрополичьим указом перевели в Тобольск и определили в архиерейский дом наместником “у судных дел”. И снова начались допросы и очные ставки, только теперь контингент у Качанова был другой — священнослужители, церковные причетники, монахи. Ему пришлось заниматься всем: и убийствами, и изнасилованиями, и кражами, и подлогами. Так что скучать старому сыщику, судя по делам, которые ему пришлось вести, было некогда...

В XVIII — начале XIX века в Троицком монастыре не раз отбывали церковное наказание (епитимью) те, кого отправляли сюда органы епархиального и местного духовного управления. Так, в ноябре 1763 года в обитель “на покаяние” был привезен пономарь березовской Одигитриевской соборной церкви Василий Бешкильцев, укравший в Воскресенской церкви “денег три рубля семьдесят копеек”, за что ему на два года запретили приобщаться к святым тайнам. Судя по всему, Бешкильцев был попросту горьким пьяницей, что и толкнуло его на совершение церковной кражи. Не случайно в 1807 году, уже являясь священником той же Одигитриевской церкви, он вновь будет прислан в монастырь “на исправление” за беспробудное пьянство. Пройдет еще три года, и Бешкильцева в третий раз пошлют сюда на епитимью, и все по той же причине.

В 1765 году в монастырь привезли отбывать церковное наказание трех остяков из Низямских юрт — Матвея Ильина Алачева, а также Александра и Дмитрия Евдокимовых Алачевых (очевидно, потомков Капландея, брата кодского князя Алача). Будучи на промысле, они ели в Филиппов пост вареное бобровое мясо. В 1808 году сюда “под строгий надзор” прислали Семена Чельчикова, несовершеннолетнего остяцкого мальчика из Лумпокольской волости, который во время страшного голода вместе со своими братьями ел тело убитой матери. По прибытии в монастырь Чельчиков в том же году скончался. Еще один несовершеннолетний, крестьянский сын Иван Изосимов, оказался здесь в 1826 году. На него была наложена семилетняя епитимья за укрывательство убийства своего отца, совершенного его братом.

Помимо епитимщиков, в Кондинском монастыре побывало в ссылке немало людей, чьи преступления носили идейно-политическую окраску. Так, в 1732 году, в связи с “делом Родышевского”, Тайная канцелярия арестовала знаменитого русского живописца Ивана Никитина и его братьев, Романа и Родиона, которым вместе со многими другими людьми, оказавшимися под следствием, вменялись в вину чтение и распространение пасквиля на всеильного архиепископа Феофана Прокоповича. Пять долгих лет томились братья в застенках мрачного ведомства Андрея Ивановича Ушакова и в казематах Петропавловской крепости. Между делом, в 1735 году, Родиона Никитина, являвшегося протопопом московского Архангельского собора, лишили сана. В начале ноября 1737 года наконец-то был вынесен приговор: братьев Никитиных сослали в Сибирь, причем Родиона как лицо духовное велено было отправить “в Коцкой монастырь за караулом, в котором содержать его в монастырских трудах вечно, никуда неисходно”. Позднее, при Анне Леопольдовне, Родион получил свобо-

ду, а уже после воцарения Елизаветы Петровны из тобольской ссылки вернулись и его братья.

В 1747 году в Кондинском монастыре появился закованный в ножные кандалы бывший абалацкий протопоп Авдей Михайлов, которого велено было держать здесь “в покаянии и тяжких трудах... безысходно”. За ним числился целый ворох преступлений: блуд, два побега, “ложное в показаниях раскольнических учителей доношение”, а также кощунственные и невежливые слова в адрес покойных сибирских митрополитов и “других честных особ”.

Оказывались за монастырскими стенами и деятели урало-сибирского старообрядчества. Одним из них был присланный из Екатеринбурга в 1751 году “белец и злый раскольничий лжеучитель и противник” Иван Ильин. Согласно сопроводительной промемории из Канцелярии Главного управления сибирских и казанских заводов, он ссылался сюда “в вечную и во всякую работу”. А по распоряжению митрополита Сильвестра Гловацкого Ильина велено было поместить в “крепчайшей тюрьме” в ручных и ножных кандалах, не давать ему ни бумаги, ни чернил, ни острых предметов и веревок, дабы он не мог “себе учинить повреждение”, и держать его под неусыпным наблюдением. В случае, если Ильин “не обратится к церкви и здохнет, то труп его отвезти в лес, вринуть в яму и засыпать перстью без всякаго над ним отпевания христианского”. В 1754 году из-за слишком мягкого содержания преступника (ему в надзиратели был определен иеромонах Илларион, пьяница и скандалист, сам не раз наказываемый епитимьей) и отсутствия в обители железных оков, Ильина перевели в Самаровский ям.

Еще один раскольник, чернец Иона, был прислан в Кондинский монастырь в январе 1752 года. Судя по всему, им был инок-схимник поповского софрониевского толка, носивший в миру имя Ивана Григорьева сына Швалова, которого в ноябре 1751 года схватил вместе с одним из его товарищей в Черноисточенском заводе местный духовный заказчик Дмитрий Лапин. Находясь под следствием в Тобольской духовной консистории, Иона отрекся от раскола, принял православие и был отправлен “под начал” в Троицкую обитель. Однако позже, во время второго следствия, проводившегося в Тобольске в 1759 году, выяснилось, что обращение Ионы в лоно официальной церкви было неискренним. Это он подтвердил своим дерзким поведением на допросах “с пристрастием под плетью”.

В “тяжких трудах” содержался в монастыре с 1756 года поп-растрига Исаак Рыбин, сосланный сюда за “неприлично чинимые... поступки и продерзости”, а также за прелюбодеяние, в том числе “с духовными дочерьми”. А через десять лет после этого в Кондинский мо-

настырь был прислан “секретный арестант” — безымянный сержант, которому велено было “приготовить... удобное и безопасное место”. О дальнейшей судьбе этого таинственного узника никаких сведений нет.

Пожалуй, самой яркой и беспокойной личностью был содержащийся в монастыре с 1768 по 1770 год Феофилакт (Федор) Мелес. Сын украинского мещанина, он в 1747 году принял монашеский постриг, а через два года был послан учиться в Московскую славяно-греко-латинскую академию. В 1752 году, став уже иеромонахом, Феофилакт был переведен в город Киль в Голштинии, где прожил три года, после чего самовольно снял с себя монашеский чин и потребовал своего перевода в Россию. По распоряжению св. Синода его за этот поступок сослали в Сибирь, в Далматовский Успенский монастырь. Здесь Мелес сразу же стал проявлять всяческое неповиновение, отказался от монастырских трудов и “на словах стал устрашать показыванием важных случаев”, вследствие чего указом императрицы Елизаветы Петровны его в 1758 году велено было перевести в Кондинский монастырь. По дороге из-за сильного разлива рек его временно задержали в Тобольске. Пребывание Мелеса в архиерейском доме затянулось на десять лет из-за того, что он стал чинить здесь всевозможные “ослушания и непорядки” и несколько раз пытался бежать. Ирюмский крестьянин Мирон Иванович Галанин, видный урало-сибирский писатель-старообрядец, сам прошедший через многие тюрьмы, вспоминал позднее в одном из своих писем: “При мне одного монаха из Малороссии Феофилакта, колодника, закованого железными цепями, под караулом строгим привезли в Тобольск и били плетью. Участвует при всех тиранствах архиерей Павел. В Успенском монастыре Далматовском я спрашивал монахов, за что так жестоко мучат Мелеса монаха? Мне сказали, что за богохульство. Не знаю положения его”.

А положение Мелеса было следующим. По прибытии в Кондинский монастырь он на первых порах вел себя смиренно, но потом вновь стал куролесить: отказывался выполнять распоряжения монастырского начальства, несколько раз угрожал поджечь обитель, бросался с ножом на приставленного к нему иеродиакона Мартирия, а после того, как его посадили в хлебной келье в чулан, разбил доской окно и пытался вышибить дверь. После всех этих “подвигов” Мелеса по настойчивым просьбам кондинской братии перевели в Тюменский Троицкий монастырь, но и здесь он не ужился. В 1773 году Мелеса, “яко к бытию в монашестве не желающего”, отослали в Сибирскую губернскую канцелярию, после чего его имя в официальных документах больше не упоминает-

ся. По некоторым сведениям, впоследствии он стал старообрядческим епископом.

Следует упомянуть еще одного узника Кондинского Троицкого монастыря — Ивана Глобу, последнего войскового писаря Сечи Запорожской, оказавшегося здесь в 1776 году в результате ликвидации князем Григорием Потемкиным этого оплота украинской вольницы. Умер Глоба в Кондинске около 1790 года, оставив после себя потомство.

Помимо ссыльных, большое беспокойство старцам затерявшейся в приобской тайге обители доставляли в XVIII столетии беглые каторжники (недаром в монастырском арсенале хранились фузеи и небольшие пушки!). В первый раз они напали на монастырь летом 1745 года, когда партия колодников, “воров и разбойников” из пятидесяти человек, отправленная из Тобольска в Восточную Сибирь в сопровождении капитана Петра Хрушкова и поручика Петра Белянина, сумела освободиться и, отобрав у караульной команды оружие, устремилась вниз по Оби. По дороге разбойники захватили торговое судно, убив при этом одного из работников и ранив тюменского купца Петра Зубарева, и ограбили под Сургутом выехавшего на рыбалку местного воеводу Еропкина. Только лишь заступничество Дарьи Хардиной, единственной среди беглых женщины, сосланной в Сибирь за отравление нелюбимого мужа, спасло его от смерти. Миновав Самаровский ям, лихая ватага напала на Кондинский монастырь и разграбила его. Здесь, по преданию, беглые колодники силой взяли с собой в качестве проводника некоего зырянина по имени Михаил, надеясь с его помощью уйти по рекам Сосьве и Ляпиной за Урал. Между тем Михаил, зная язык остяков, выведывал у них по дороге те места, где стояли ловушки с настороженными на медведей и лосей ружьями и луками, и вел разбойников именно через эти урманы. В итоге беглые в лесах исчезли. Не вернулся домой и повторивший подвиг Ивана Сусанина зырянин Михаил.

В 1768 году произошло новое нападение беглых каторжников на Кондинскую обитель, под стенами которой развернулось самое настоящее сражение. Яростным отпором, оказанным разбойникам монастырскими служителями и местными крестьянами, руководил случайно оказавшийся здесь сержант Ковалев. Описывая эти события, игумен Маркион жаловался в Сибирскую губернскую канцелярию, что “на каждое лето беглые разбойники, следуя мимо монастыря здешнего к Сосьве реке”, угрожают его спокойствию. При этом он подчеркивал, что в связи со сложившимися обстоятельствами “немалая предвидится опасность, дабы со временем по здешней реке, по коей по большей части жительство имеют по природе своей многоробкие ясашные остяки, не завелись бы волжские многовредительные разбойники...”

КУПОЛА НАД ОБЬЮ-РЕКОЙ

*Далекий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, дрожащий, как струна.*

Из русского романса

После того как деревянная Троицкая церковь в Кондинском монастыре полностью обветшала, рядом с ней был заложен в 1731 году каменный пятиглавый Троицкий храм с колокольной и двумя приделами — во имя Казанской иконы Божьей Матери и св. Николая Мирликийского. Сделано это было по благословению и при живейшем участии митрополита Сибирского и Тобольского Антония Стаховского, который еще за два года до начала строительства “приложил” в обитель для этой цели “пятьдесят тысяч кирпичу да двадцать бочек извести”. Строил храм подмастерье каменных дел из Далматовского Успенского монастыря Иоакинф Денисов. Наконец, 22 февраля 1758 года главное здание (собственно Троицкая холодная церковь) было освящено, а 8 и 9 июля 1765 года освятили и теплые приделы. Почти сразу же подвальные помещения под храмом были отданы под винный склад. Позднее, уже в XIX веке, здесь был погреб для хранения кваса, капусты и соленой рыбы. В результате свод и стены из-за сырости стали портиться, а на потолке в Казанском приделе образовалась трещина.

В течение XIX века храм неоднократно перестраивался и поновлялся. К 1862 году все трещины были заделаны, стены здания и шатровой колокольни оштукатурены и побелены, кресты и четыре малых купола вызолочены. Большой центральный купол выкрасили в зеленый цвет и расписали серафимами с золочеными крыльями. Кроме того, к церкви и колокольне пристроили два новых крыльца, сделали в приделах новые печи, а вокруг монастыря поставили новую бревенчатую ограду (ее протяженность составляла 155,5 сажень) с воротами, обращенными к реке, и высокой лестницей на берегу. Другие ворота вели в селение. Тогда же были выстроены двухэтажный настоятельский и одноэтажный братский корпуса. Позднее, в начале 80-х годов, появились баня и корпус для работников. За Кондинским селением, насчитывавшим в то время чуть более полусотни дворов, было также построено два кирпичных сарая.

Еще в самом конце XVIII века монастырю были отданы во владение два острова с песками для рыбного промысла, а в 1840 году ему отвели в Вандинском бору 150 десятин кедрового и дровяного леса. Но, несмотря на это, монастырское хозяйство все больше приходило в упадок. Из-за отсутствия рабочих рук угождая за незначительную плату сдавались в аренду. Сокращалось и число братии. Уже в середине

XIX века вместо двенадцати человек, положенных монастырю по штату, здесь проживало всего лишь восемь: игумен, два иеромонаха, священник и четыре инока. В 60—70-е годы количество монашествующих колебалось от девяти до трех человек, а к 1884 году их осталось только двое.

В 30-х годах XIX века в Березовском крае вновь усиливается миссионерская деятельность, что было вызвано поездкой летом 1832 года Тобольского архиепископа Евгения по Иртышу и Оби. В результате поездки он увидел, что остяки, считающиеся христианами, не имеют о вере должного понятия. Преемник Евгения, архиепископ Афанасий, неоднократно получал из св. Синода предписания укомплектовать штат Кондинского монастыря людьми, способными к миссионерству среди аборигенного населения. Наконец, в 1844 году при Кондинском монастыре вновь была учреждена церковная миссия “для проповедания инородцам Березовского края христианской веры и для утверждения в ней крещеных остяков, не знающих христианских обязанностей”.

Миссию возглавил назначенный кондинским настоятелем иеромонах Воронежского Митрофаньева монастыря Арсений. Набрав в окрестных остяцких жилищах десять мальчиков, он открыл при обители школу для их обучения. Впоследствии к ним прибавилось три остяцких мальчика, воспитывавшихся при монастыре, и десять русских мальчиков из Кодского селения. Кроме того, игумен Афанасий открыл школы для остяцких детей при церквях Сухоруковского, Малоатлымского и Белогорского селений. В каждой из них обучалось по десять человек. Их учили чтению, письму, церковному пению, краткому катехизису и священной истории. После окончания школы дети возвращались домой, где должны были учить азам церковной грамотности своих родственников.

Плачевное состояние материальной базы самого монастыря, низкий уровень преподавательского состава и отсутствие должного контроля за обучением со стороны епархиальных властей — все это вкупе давало весьма неважные результаты. Как отмечал тобольский протоиерей Петр Попов, производивший в 1882 году по поручению епархиального начальства ревизию в Кондинском монастыре, несмотря на продолжительность обучения (4—5 лет), “дети не умеют порядочно ни читать, ни писать”. После этой ревизии встал вопрос о закрытии не только училища, но и самого монастыря, поскольку, как писал в 1884 году в св. Синод тобольский архиепископ Василий, “находясь на отдаленном севере, среди неприветливой пустынной местности с суровым климатом, Кондинский монастырь не может привлекать в недра свои желающих терпеть разного рода лишения и выносить борьбу

с природою. С этой стороны Кондинский монастырь всегда страшил многих, тем более, что миссионерам неизбежно приходится обращаться с инородцами, ведущими жизнь кочевую и грязную, а вследствие того зараженными большею частью болезнями. Все эти местные условия требуют особенного самоотвержения и нравственной твердости, но людей с такими свойствами в среде современного монашества не видится. Только надежда на сравнительно достаточное и безбедное существование среди неприветливого края может еще привлечь туда нужных людей из белого духовенства, от которых можно было бы ожидать несомненной пользы для миссионерского дела”.

В течение ряда лет судьба монастыря решалась в разных церковных и светских инстанциях, пока, наконец, не было принято в 1891 году решение преобразовать пришедший в упадок Кондинский Свято-Троицкий мужской монастырь в женский с подчинением его Иоанно-Введенскому женскому монастырю Тобольской епархии. На эти цели из казны выделялись немалые средства. В распоряжение новой женской общины, сформированной из числа монахинь Ивановской обители и находившейся под непосредственным управлением игуменьи Миропии, поступали постройки и имущество, а также земельные угодья и рыбные ловли, ранее принадлежавшие мужскому Кондинскому монастырю. В состав новой общины вошли сестры Анна Дружинина (наместница), Августа Хомякова (казначей), Аполлинария Безсонова (пономарница), а также пять рясофорных послушниц и девять белиц. Находившиеся еще в монастыре иеромонах Вениамин и иеродиакон Никифор, в течение последних лет живший здесь в одиночестве, были причислены соответственно к Знаменскому монастырю в Тобольске и к братии Абалакского монастыря. Управляющему Кондинской обителью священнику Шеркальского села Евгению Ивановичу предстояло летом 1891 года сдать сестрам все оставшееся имущество.

Так в конце XIX века начался последний этап в истории одного из старейших в Северо-Западной Сибири монастырей. Как сообщал один из очевидцев, писатель К.Д. Носилов, заставший обитель уже преобразованной, в ней кипела деятельность: “строились хозяйственные службы, обновлялись и ремонтировались старые корпуса, приводился в порядок старый храм, и всюду была видна заботливая женская рука, наблюдающая чистоту и благодеяние, и я почти не узнал монастыря и его зданий: все было перестроено, подкреплено, обновлено; монастырь выглядел, словно новый.

Но обновление монастыря далеко еще не было окончено в том виде, как оно было проектировано новыми хозяевами: у них не хвата-

ло средств. Но и это затруднение скоро было преодолено: св. Синод прислал ему щедрое пособие, женский монастырь, под ведением которого находилась община, также помог ему; получены обильные пожертвования со стороны частных лиц.

Кондинский монастырь и зимой при приближении к нему по Оби имеет красивый вид, стоит на берегу, на темном фоне леса и вечно сумрачного здесь неба. Но еще более отрадное впечатление он произвел на меня своим внутренним видом и устройством.

Здания уже были окончены и обновлены, храм блестел новизной, женская заботливая рука не оставляла его и в это мрачное и суровое для севера зимнее время: всюду были сделаны чистые дорожки в глубоким снегу, храм был тщательно обметен.

Когда я попросил отворить храм, чтобы зайти в него и поставить свечу, как я имею обыкновение делать в пути, я был приятно удивлен чистотой и благолепием внутреннего его устройства и почти не узнал его после того, как я был в последний раз, четыре года назад, проезжая мимо: пол блестел чистотой, иконостасы были выкрашены и сияли новыми образами, золото и серебро мягко переливалось в украшениях икон и алтарей, и всюду была такая забота, любовь и благолепие...”

Одной из главнейших задач новой женской общины с самого начала стало восстановление при монастыре школы для местных, в том числе хантыйских, детей, содержащихся за казенный счет. Школу разместили в настоятельском корпусе. Первыми ее учащимися были 4 девочки и 3 мальчика. В дальнейшем их насчитывалось уже 16 человек. Здесь учили письму, чтению, церковному пению, а также различным рукоделиям. Закон Божий преподавал монастырский священник Анин Горизонтов. Руководила школой молодая монахиня Нина Лепехина. В 1893 году она открыла в Низямах передвижной учебный пункт, в котором обучала хантыйских детей русскому языку.

“...Было чудное тихое утро, — писал побывавший в этих местах на исходе XIX века К.Д. Носилов, — когда я последний раз покидал монастырь, плывя на юг; на Оби чуть-чуть рябило, и белый храм и монастырь так и отражались на зеркальной поверхности воды; мягкие звуки благовеста наполняли воздух. На колокольне звонила монашенка, и этот благовест словно призывал меня откликнуться на его звук, словно говорил, чтобы я не забыл его там, в России, среди шума и вихря другой, более широкой и шумной жизни...”

Но наступил XX век. Новые вихри ворвались в жизнь россиян, докатившись и до таежной сибирской глухомани, — вихри революции и гражданской войны.

В июне 1918 года к сходим Кондинского монастыря подошел пароход "Красная звезда" (бывшая "Святая Мария"), на котором прибыл отряд красногвардейцев. А через два дня его командир П.И. Пейсель объявил жителям села Кондинского о национализации монастырских владений. После этого небольшая монашеская община при Троицкой церкви чудом просуществовала еще почти 12 лет, пока в феврале 1930 года ее уже окончательно не ликвидировали. Последнюю настоятельницу Кондинского Свято-Троицкого женского монастыря мать Серафиму увезли под конвоем в Тобольск, попа Якова сослали в ссылку, а Троицкий храм был закрыт и разграблен...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подошло к концу наше путешествие в прошлое, то спокойное и размеренное, то бурное и стремительное. Остались позади туманные тысячелетия древних эпох. В гуле битв и отблесков пожарищ прошла перед нами чередой суровых средних веков. Властно приковало к себе наш взор восемнадцатое столетие — “столетие безумно и мудро”. А затем промелькнули как в калейдоскопе пестрые десятилетия века девятнадцатого. И вот уже готов увлечь нас в неудержимый водоворот трагедий и великих свершений “век-волкодав” — наш с вами двадцатый век... Но остановимся, ибо это, как говорится, уже совсем другая история.

В послесловии обычно принято подводить итоги и смотреть “сквозь магический кристалл” в будущее. Сделаем это и мы, только лишь в отношении одного, хотя и очень важного, на наш взгляд, события. Напомним: на исходе двадцатое столетие. Вместе с грядущим двадцать первым веком неумолимо приближается начало третьего тысячелетия. Для всего человечества эта грань времен станет особой вехой в истории, а для Коды — вдвойне, ибо наступление двухтысячного года ознаменует собой четырехсотлетие существования и Кодского городка, ставшего новой столицей самых могущественных хантыйских князей Нижнего Приобья, и первой в этих местах русской православной церкви, на месте которых появятся позднее село Кондинское (нынешнее Октябрьское) и Кондинский Троицкий монастырь.

Итак, 1600-й год. Запоминается легко. Но не забыть бы о нем в суете юбилея планетарного масштаба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ И МУЗЕЙНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1.1. Архив Российской Академии наук (Санкт-Петербургское отделение). Ф.21 (Сибирский архив Миллера). Оп. 4. Д. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

1.2. Государственный архив Тюменской области Ф.47 (Тюменская приказная изба и воеводская канцелярия). Оп. 1. Д. 2041, 3607.

1.3. Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург). Собр. Русского археологического общества. № 30.

1.4. Российский государственный архив древних актов (г. Москва) Ф. 7. (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция). Оп. 1. Д. 221. Ф. 130 (Сибирские дела). Оп. ..1. Д. 1, 2. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портф. 481. Ч. 1,3; 482. Ч. 1,2. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 1, 2, 4, 6, 19, 27, 202, 761, 762, 1350, 1451; Оп. 3. Стб. 8, 27, 31, 36, 71, 73, 127, 134, 154, 203, 220, 339, 371, 373, 376, 400, 476, 1058, 1237, 1451, 1581, 1604, 1621, 1638.

1.5. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Ф. 468 (Кабинет е.и.в.). Оп. 9. Д. 12, 53, 54, 895, 897, 1043, 1050. Ф. 796 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Оп. 7. 1726 г. Д. 75; Оп. 11. 1730 г. Д. 810; Оп. 15. 1734 г. Д. 483; Оп. 55. 1775 г. Д. 402; Оп. 57. 1776 г. Д. 234а.

1.6. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 144 (Александр Сулоцкий). Оп. 1. Д. 41, 42, 46. Ф. 152 (Тобольское общее губернское правление). Оп. 33, Д. 2353; Оп. 37. Д. 495; Оп. 39. Д. 5, 7, 25, 44. Ф. 154 (Тобольская казенная палата). Оп. 8. Д. 43, 273, 393. Оп. 21. Д. 83, 84. Ф. 156 (Тобольская духовная консистория). Оп. 1. 1727 г. Д. 1; 1743 г. Д. 79; 1752 г. Д. 56; 1763 г. Д. 158; Оп. 5. 1724 г. Д. 253. Ф. 329 (Тобольское губернское правление). Оп. 541. Д. 34, 36, 119, 206, 257. Ф. 341 (Тобольское наместническое правление). Оп. 1. Д. 33, 52, 55, 120.

1.7. Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей. Коллекция старопечатных книг и рукописей. ХМ 2663/685; 2657/686; 2658/687; 2659/688; 2713/757; 2718/762; 1905/985; 1001.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ, МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ

2.1. Абрамов Н.А. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения в 1581 г. до начала XIX столетия // ЖМНП. 1854. № 2-3.

2.2. Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // ЖМНП. 1851. № 12.

2.3. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. XII.

2.4. Абрамов Н.А. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский // ЖМНП. 1846. № 10.

2.5. Айпин Е. Ханты или Звезда Утренней Зари. М., 1990.

2.6. Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII—XVIII вв. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1.

2.7. Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г.Ф.Миллера. Описи копийных книг: В 2 т. Новосибирск, 1993. Т.1.

2.8. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

2.9. Алквист А. Вогульский словарь. Хельсингфорс, 1891.

2.10. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание "О человецех незнаемых в Восточней стране" // Древность: Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. XIV.

2.11. Афанасьев А.П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // ТИЯЛИ КФАН СССР. Сыктывкар, 1985. Вып. 36.

2.12. Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936.

2.13. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

2.14. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

2.15. Бахлыков П. История, быт, культура юганских хантов // Югра. 1992. № 4.

2.16. Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922.

2.17. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935 (то же: Бахрушин С.В. Науч. труды. М., 1955. Т. III, ч.2).

- 2.18. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках // Бахрушин С.В. Науч. труды. М., 1955. Т. III, ч.1.
- 2.19. Беккерт М. Мир металла. М., 1980.
- 2.20. Беккерт М. Железо. Факты и легенды. М., 1984.
- 2.21. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- 2.22. Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом // Вера и разум. 1893. № 2.
- 2.23. Васильев Е.А. Миграционные процессы в таежной части Обского бассейна в эпоху бронзы // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980.
- 2.24. Васильев Е.А. Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987.
- 2.25. Васильев Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- 2.26. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962.
- 2.27. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ М.; Л., 1959. Т.26.
- 2.28. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989.
- 2.29. Г[азенвикель] К.Б. Епитимщики и колодники Кондинского монастыря прошлого и начала нынешнего столетия // Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1890.
- 2.30. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск, 1990.
- 2.31. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
- 2.32. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
- 2.33. Глушкова Т.Н. Ретроспекция вертикального ткацкого станка // Экспериментальная археология. Тобольск, 1994. Вып. 3.
- 2.34. Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.
- 2.35. Головин П. Кондинский Троицкий монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 1—6. Часть неофиц.
- 2.36. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1893. Вып. 5.
- 2.37. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
- 2.38. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.
- 2.39. Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX вв. М., 1983.

- 2.40. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- 2.41. Зализняк Л.А. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
- 2.42. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб, 1897. Кн. III.
- 2.43. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989.
- 2.44. Зыков А.П. Вооружение обских угров в X—XIII вв. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского-междуречья. Челябинск, 1986.
- 2.45. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Легендарный Эмдер (опыт сопоставления археологических, фольклорных, письменных источников) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995.
- 2.46. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.
- 2.47. Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1992.
- 2.48. Иванов В.А. У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982.
- 2.49. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Пг., 1923. Т.2, вып. 1.
- 2.50. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
- 2.51. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891.
- 2.52. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Л., 1968. Т.1: Древняя Сибирь; Т.2: Сибирь в системе феодальной России.
- 2.53. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- 2.54. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. М., 1949.
- 2.55. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. I; 1989. Кн. III.
- 2.56. Кедрин Д. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Пермь, 1984.
- 2.57. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
- 2.58. Книги кирилловской печати XVII—XX веков Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: Каталог /Сост. В.Н. Алексеев. Новосибирск, 1993.
- 2.59. Книги старого Урала. Свердловск, 1989.

- 2.60. Кодинский Троицкий монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1867. № 35-37. Часть неофиц.
- 2.61. Кокшаров С. По следам эмдерских богатырей // Югра. 1994. № 12.
- 2.62. Кокшаров С.Ф. Северо-Запад Сибири в энеолите и бронзовом веке // Югра. 1993. № 3.
- 2.63. Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века Конды // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- 2.64. Конилов Б.А. Тайны древних курганов. Омск, 1990.
- 2.65. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время "смуты" (конец XVI—начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма). М., 1973.
- 2.66. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная Среда. М., 1991.
- 2.67. Косинская Л.Л. Проблемы изучения каменного века // Югра. 1992. № 8.
- 2.68. Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988.
- 2.69. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
- 2.70. Кузьмин В.Т. Земля Кодская. [Ханты-Мансийск, 1995].
- 2.71. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
- 2.72. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
- 2.73. Курочкин Ю.М. Легенда о золотой бабе. Свердловск, 1968.
- 2.74. Летописи сибирские. Новосибирск, 1991.
- 2.75. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии, и его округа: Мат-лы и воспоминания о его прошлом. СПб, 1892.
- 2.76. Макарова Г. Рождение музея // Северный Дом. 1993. 25 октября—2 ноября.
- 2.77. Макарова Г. Кодинский монастырь // Вестник Приобья. 1993. 16 сентября.
- 2.78. Мартынова Е.П. Образ Калтац-анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.
- 2.79. Мартюшев А.М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. // Записки Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 1930. Вып. 5.

- 2.80. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- 2.81. Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1968. № 191.
- 2.82. Микушев А.К. Пермско-угорские фольклорные контакты // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1971. Ч.1.
- 2.83. Миллер Г.В. История Сибири. М., 1937. Т.1; М.; Л., Т.2.
- 2.84. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб, 1750.
- 2.85. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- 2.86. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- 2.87. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- 2.88. Молданова Т.А. Орнаментальное искусство народов ханты и манси // Югра. 1991. № 1; 1992. № 2, 6.
- 2.89. Молданова Т.А. Стилизованные изображения в орнаменте хантов р.Казым // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992.
- 2.90. Морозов В.М. Источники по домостроительству обских угров // Знания и навыки уральского населения в древности и в средневековье. Екатеринбург, 1992.
- 2.91. Морозов В.М. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- 2.92. Морозов В.М. Памятники у п. Перегребное // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
- 2.93. Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // ВАУ. Свердловск, 1986.
- 2.94. Морозов В.М. Формы хозяйственной деятельности средневекового населения Северного Зауралья и Нижнего Приобья // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
- 2.95. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.
- 2.96. Морозов В.М., Стефанов В.М. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии // ВАУ. Екатеринбург, 1993. № 21.
- 2.97. Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Западом // Международный симпозиум "Проблемы истории и культурной Среды Арктики". Мат-лы. Сыктывкар, 1991.
- 2.98. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. М., 1965. Д 3—8.

- 2.99. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
- 2.100. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- 2.101. Новгородские былины. М., 1978.
- 2.102. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остячком. 1715 г. Новосибирск, 1941.
- 2.103. Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.
- 2.104. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI—начале XVII века. Иркутск, 1990.
- 2.105. Оборин В.А. Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX—XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
- 2.106. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895—1901. Ч.1-4.
- 2.107. Оглоблин Н. Остяцкие князья в XVII в. // Русская старина. 1891. № 8.
- 2.108. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVII вв. Иркутск, 1920.
- 2.109. Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941.
- 2.110. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- 2.111. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.
- 2.112. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т.1: Поселения и жилища Западной Сибири, кн. 2.
- 2.113. Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / Сост. А.Т. Шашков, В.И. Байдин. Свердловск, 1991. Т.1, вып. 1,2.
- 2.114. Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- 2.115. Патканов С. Былина о богатырях города Эмдера // Югра. 1994. № 12.
- 2.116. Патканов С.К. Иртышские остяки и их народный эпос. СПб, 1897.
- 2.117. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб, 1891. Вып. III—IV.

2.118. Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб, 1891.

2.119. Пензин Э.А., Шашков А.Т. "Дело монаха Феодосия" (материалы к биографии сибирского администратора Ф.Р.Качанова) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991.

2.120. Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т.2.

2.121. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль, 1993.

2.122. Повесть временных лет. М., 1950. Ч.1-2.

2.123. Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма). М., 1973.

2.124. Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII—начала XX века. Новосибирск, 1981.

2.125. Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

2.126. Райшев Г. Хантыйские легенды. Свердловск, 1991.

2.127. Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. М., 1988.

2.128. Резун Д.Н., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

2.129. Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам поселений и жилищ. Л., 1974.

2.130. Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александрова // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практич. конф., посв. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1994.

2.131. Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.

2.132. Ругин Р. Стихи // Ямальский меридиан. 1992. № 1.

2.133. Русская историческая библиотека. СПб, 1875. Т.2.

2.134. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, хозяйственное и культурное значение // Вопросы истории материальной культуры. 1962. № 3.

2.135. Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

2.136. Серебрянников Б.А. Историко-лингвистические заметки // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7.

- 2.137 Сибирские летописи. СПб, 1907.
- 2.138. Сибирские летописи // ПСРЛ. М., 1987. Т.36, ч.1: Группа Есиповской летописи.
- 2.139. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
- 2.140. Сирелиус У.Т. О примитивных жилищах финских и обско-угорских народов. Хельсингфорс, 1910.
- 2.141. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 1986.
- 2.142. Слово о житии мучении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа // ПЛ., СПб, 1862. Вып. 4.
- 2.143. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951.
- 2.144. Соколова З.П. К истории жилищ обских угров // СЭ. 1957. № 2.
- 2.145. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси): Этническая история народов Севера. М., 1982.
- 2.146. Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1981.
- 2.147. Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII—начале XX вв. М., 1970.
- 2.148. Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976.
- 2.149. Стефанов В.И., Морозов В.М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.
- 2.150. Сулоцкий А.Ю. Святитель Филофей, митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских иноверцев. Изд. 2-е, доп. Омск, 1882.
- 2.151. Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раскопки сайгатинских могильников // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- 2.152. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
- 2.153. Тимофеев Г.Н. Кондинский Троицкий монастырь // Путь Октября. 1991. 13 июля; 16 июля; 30 июля; 1 августа; 3 августа, 6 августа.
- 2.154. Трубецкой С.Н. К вопросу о Золотой бабе // Этнографическое обозрение. 1907. Кн. 1—2.
- 2.155. Турков В.И. Динамика биогеоценотического покрова. Многовековые смены. Свердловск, 1980.
- 2.156. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- 2.157. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. // ПСРЛ. Л., 1982. Т.37.

- 2.158. Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб, 1994.
- 2.159. Федорова Н.В. Импортное серебро в Западной Сибири // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
- 2.160. Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.Н. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.
- 2.161. Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- 2.162. Ханты. Манси. Кто мы? / Под ред. Ю.Шесталов. Ханты-Мансийск, 1993.
- 2.163. Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Л., 1977. Т.33.
- 2.164. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
- 2.165. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58.
- 2.166. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
- 2.167. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
- 2.168. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991.
- 2.169. Шашков А.Т. Авраамиев остров // Уральский следопыт. 1988. № 5.
- 2.170. Шашков А.Т. Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч.1: А—З.
- 2.171. Шашков А.Т. Материалы для изучения церковно-монастырских библиотек Урала и Сибири XVII—начала XVIII вв. // Книжные собрания российской провинции: Проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994.
- 2.172. Шашков А.Т. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII—начале XVIII вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практич. конф., посв. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1994.
- 2.173. Шесталов Ю. Большая рыба. М., 1982.
- 2.174. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII вв. Красноярск, 1983.

2.175. Шорохов Л.П. Узники сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII—начало XX вв.). Новосибирск, 1978.

2.176. Шунков В.И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 5—6.

2.177. Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1895. Вып. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ — Вопросы археологии Урала.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко.

ПНИАЛ УрГУ — Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГО — Русское географическое общество.

САИ — Свод археологических источников.

СЭ — Советская этнография.

ТИЯЛИ КФ АН СССР — Труды института языка, литературы и искусства Коми филиала Академии наук СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Очерк первый. Древние люди Нижней Оби	
Овеществленная память тысячелетий.....	5
По следам человека каменного века.....	12
Заря металла.....	18
Очерк второй. Эпоха крепостей и героических сказаний	
Открытие железа.....	28
Лук и невод.....	31
Зодчие древности.....	34
Таежный перезвон.....	38
“Письмо” из прошлого.....	42
Связь времен.....	45
Традиции и новации.....	48
Отзвуки великой эпохи.....	51
Притяжение “полуночных стран”.....	54
Очерк третий. Пришельцы из Приуралья	
Зырянский след.....	57
Легенды, имена, названия.....	63
Очерк четвертый. “Встречь солнцу”	
“Шедше из Новагорода в Югру ратью...”.....	72
За Камень.....	76
Северное Лукоморье.....	85
Конец Кучумова царства.....	88

Очерк пятый. Вассалы Москвы

Городки на Оби.....	95
На службе государевой.....	100
Смутные времена.....	107
Закат Кодского княжества.....	111

Очерк шестой. Троицкая обитель

“Государево богомолье”.....	117
“Огнепальное” время.....	123
“Своего ради душевного спасения...”.....	127
Евангельская проповедь на обских берегах.....	159
Гримасы “просвещенного века”.....	163
Купола над Обью-рекой.....	171
Послесловие	176
Список использованных источников и литературы	177
Список сокращений	187

Редактор Г.П. ЧЕРЕПАНОВА

Оформление художника Р.В. КАПТИКОВА

Технический редактор Г.Б. КАПТИКОВА

Корректор И.В. ЗЫРЯНОВА

Специальная фотосъемка: С. Ф.КОКШАРОВ

Иллюстрации: А.П.ЗЫКОВ, С.Ф. КОКШАРОВ, Н.Ю. ПАВЛОВ,

А.В. ПОЛЕТАЕВ, Д.А. РЕДИН

НПМП «Волот». 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4. Изд. № 19.

Л.Р. № 071188 от 06.07.95

Подписано в печать 15.12.95

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Гарнитура Газетная-1

Усл. печ. л. 16,25. Тираж 5000 экз. Заказ № 424

Бумага типографская № 1

Отпечатано с готовых оригинал-макетов на ИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, Тургенева, 13

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
МНОГОПРОФИЛЬНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ “ВОЛОТ”

НПМП “Волот” существует с 1991 г. Его название восходит к древнеславянской мифологии и образно отражает сферу основной деятельности предприятия — формирование исторического сознания, реконструкция социокультурной среды.

НПМП “Волот” — официальный представитель интересов исторического факультета Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

Нашими партнерами являются:

администрация г. Сургута (Генеральное соглашение);

департамент образования администрации Свердловской области (комплексный договор);

администрация Ханты-Мансийского автономного округа;

администрации гг. Югорска и Нягани;

управления образования гг. Каменск-Уральского и Серова;

отделы образования районов г. Екатеринбурга (Железнодорожный, Кировский);

Институт развития регионального образования Свердловской области;

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук;

Центральная научная библиотека УрО РАН;

Библиотека Российской Академии наук;

Уральский государственный технический университет (Уральский политехнический институт);

Уральский кадровый центр;

факультеты Уральского государственного университета;

Институт русской культуры;

Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория УрГУ (г. Екатеринбург);

Институт экологии и растений УрО РАН;

Всероссийское геральдическое общество;

Российское педагогическое общество;

Свердловская киностудия;

Екатеринбургский военно-исторический клуб и др.

НПМП “Волот” активно ведет деятельность в сферах:

- образования;

- науки;

- культуры.

Образование

Организационная деятельность

НПМП “Волот” — один из разработчиков программы регионального образования для Большого Урала:

формирует пакет документов по аттестации преподавателей гуманитарных предметов средних учебных заведений;

заключены договоры о создании гуманитарных классов в базовых школах:

г. Екатеринбург — шк. №№ 35, 110;

г. Озерск — профессиональный лицей № 17;

г. Серов — шк. № 3 (общегородской набор);

г. Сургут — шк. № 17;

г. Лянтор — шк. № 3 (общегородской набор).

Научно-педагогические инновации

Создана концепция синхронно-диахронного исторического образования; завершается создание компьютерной обучающей игры “Из варяг в греки” (3 уровня сложности);

создается программа для комплекса компьютерных изобразительных тестов по истории для 5—8 классов.

Учебно-методическая работа

читаются общие и специальные курсы по истории России в 8—11-х (гуманитарных) классах на базе исторического факультета УрГУ и в базовых школах;

проведены курсы для преподавателей гуманитарных дисциплин на основе авторских программ:

история России — социально-экономический и внутривосточный аспект;

история российской внешней политики;

Сургутский край в истории Сибири (курс регионалистики);

разработаны методические курсы для учителей:

история отечественной культуры;

новая и новейшая история: основные проблемы изучения и преподавания;

создан консультационный пункт для учителей истории и учащихся гуманитарных классов на базе педагогической лаборатории исторического факультета УрГУ.

Вся деятельность НППМ “Волот” в сфере образования защищена лицензией Департамента образования Свердловской области.

Наука

Организационно-методическая работа

Организация научных и научно-практических конференций с привлечением ведущих отечественных и зарубежных специалистов-историков и политологов.

Проведены следующие конференции:

“Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства”. “Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX в.”, Российское государство XVII—XX вв.: Экономика. Политика. Культура”, все — Екатеринбург, 1992—1993 гг.; “Сургут-Сибирь-Россия”, совместно с Сургутской городской администрацией, 1994 г.; “Великий подвиг народа”, исторические чтения, посвященные 50-летию Победы, совместно с Сургутской городской администрацией, 1995 г.

Восстановление местной геральдической традиции и атрибутики (создана историческая справка по развитию городской символики Сургута в XVII — начале XX вв. с рекомендациями по использованию геральдических атрибутов в современной жизни города).

Издательская программа

Совместно с ведущими учеными региона написаны и опубликованы научно-краеведческие издания:

“Древний город на Оби: история Сургута”;

сборник документов по истории Сургута;

история г. Салехарда (в работе);

постоянная краеведческая рубрика в журналах “Уральский следопыт”, “Югра”.

научно-художественные издания по истории городов и местностей Нижнего Приобья с древнейших времен до наших дней (гг. Нягань, Югорск, п. Октябрьский и др.);

“Угорское наследие” (научно-художественный альбом);

Научно-методическая и учебно-методическая литература:

- История России: социально-экономический и внутривластный аспект (1 и 2 изд.);
 История Отечества в кратком изложении (советский период);
 История отечественной культуры (с древнейших времен до XVIII в.);
 История России: тысячелетие дипломатии и войн;
 История российской внешней политики XIV—XVIII вв.: пятьсот лет дипломатии и войн;
 Крушение социализма: СССР и Россия в период перестройки и постперестройки (1985—1993 гг.);
 История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. (Сборник материалов и документов);
 История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. (Учебное пособие для учителей средних школ);
 Программа вступительного экзамена по истории России (1 и 2 изд.).
 Научно-популярные и информационные издания:
 “Лики времени” — сборник эссе отечественной истории;
 “Клио” — текущая информация по проблемам исторического образования (вышли 1—8 вып.).
 Проведение археологических и палеонтологических исследований.
 Поисковые работы в зонах нефтяных и газовых месторождений.
 Стационарные раскопки.
 Реконструкция раскопанных археологических памятников.
Культура
 Формирование концепций музеев северных территорий и городов.
 Комплектование экспозиционного (включая археологические находки) и справочно-библиографического фондов Сургутского краеведческого музея (передано ок. 500 изданий научного и научно-справочного характера, более 80 редких рукописных и старопечатных книг, более 100 ед. исторических документов).
 Изготовление исторически достоверных макетов, муляжей и точных копий образцов материальной культуры, письменности и изобразительного искусства.
 Организация совместно с Сургутским краеведческим музеем выставок и экспозиций (“Древнерусская книга..”, “Русское освоение Среднего Приобья..”).
 Помощь в научной обработке и описании музейных фондов, подготовка и издание путеводителей, каталогов, буклетов.
 Проведение лекториев и семинаров для работников культуры по региональной истории и организации музейного дела.
 Содействие в подготовке кадров для учреждений культуры.
 Мы ждем ваших предложений и надеемся на плодотворное сотрудничество.

Наш почтовый адрес:

**620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
 Уральский государственный университет,
 исторический факультет,
 педагогическая лаборатория “Волот”
 Тел./факс. (3432) 55-75-45**

MOSCVA
ad Archiepiscopum Favianum Duximus

ITALIA
RVSSIE

Magno Domino, et eius Magno
Duci Michaeli, totiusque omnium
Russionum Autokratæ Vasilianæ, Mol
covæ et Novogorod, Tium Coganæ, Tium
Albrastan, Vag, Sibiriæ, Kamov, Curvia
Magistræ Imperatoris, Brancie, Lipare, Ibr
ma, Vlahie, Bulgariæ, et Ioniæ Domini
et Magni Duci, Magni Duci, et
Domini, racionis, hunc Regem
et Curiam, et
Messe, Curia
M DC XIII

NATOLIA.

6

220752004
Окружная библиотека

